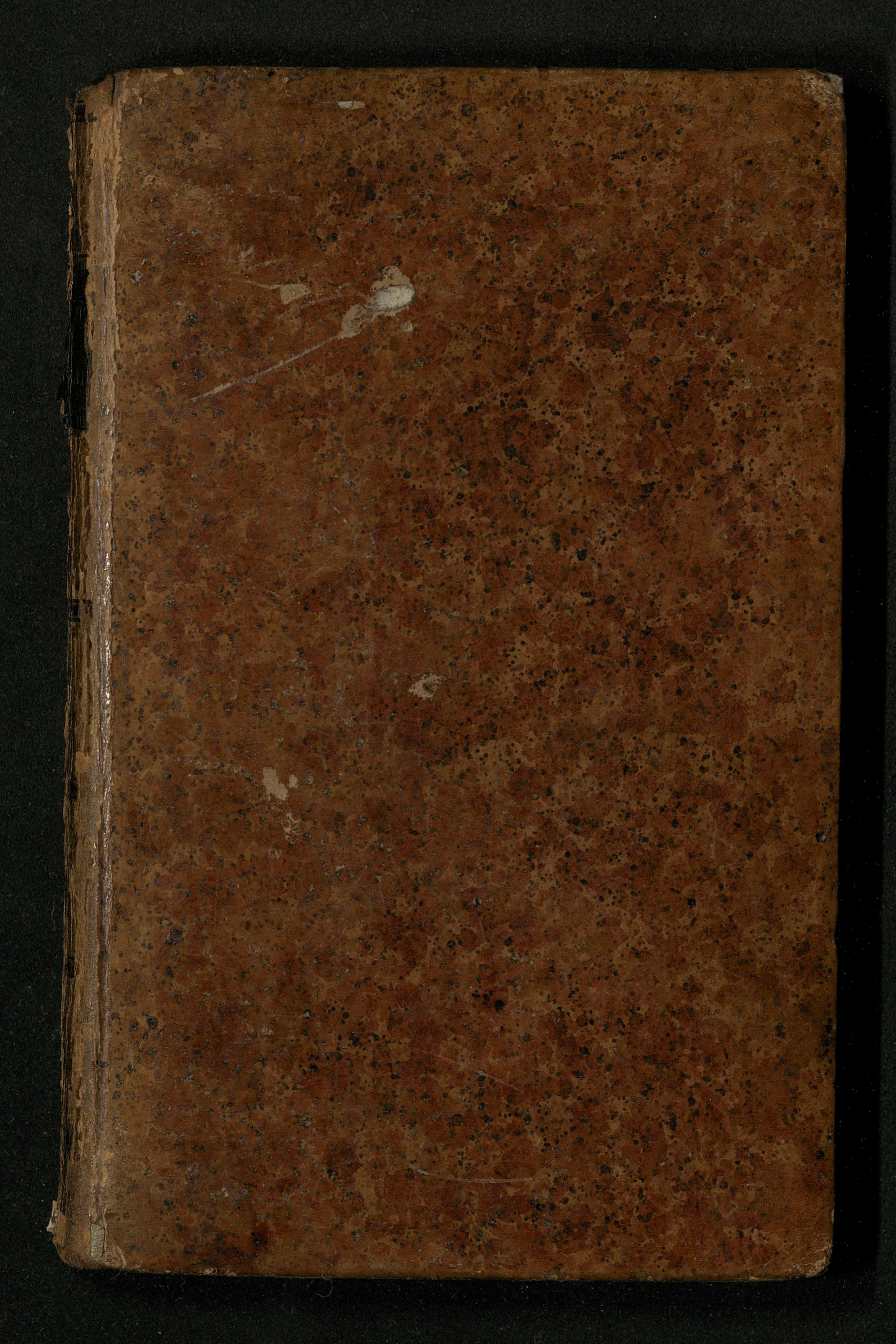

1
1

33

ПРОГУЛКИ
Г. ФРАНКЛІЯ.

Изданныя на Аглинском̀ языкѣ сестрою его.

С̀ Французскаго на Россійской язык̀ перевел̀

Кол.. Сов.. Ефим̀ Рознотовскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано вторично у Шнора 1787 года.

ПРОГУЛКИ Г. ФРАНКЛІЯ.

Часть первая.

Коль мгновенно преходитъ душа наша отъ сего свѣта въ вѣчность! Колико слабъ и непостижимъ союзъ, связующій ее на одинъ токмо часъ съ земною перстію юже она оживотворяетъ! Почтожъ мы несмысленные и безпрестанно колеблемые дѣтскими страхами, почто съ толикимъ раченіемъ прилѣпляемся къ бездѣлкамъ сего міра? О безуміе! вскричалъ я вставая съ постели моей, и развелъ огонь. Сѣлъ потомъ на стулъ; но сіе размышленіе нимало духа моего не успокояло. И такъ я самъ неубѣдительнѣйшимъ ли есмь примѣромъ суетности нашего свѣта? Ибо къ чему служитъ сей съ самимъ собою разговоръ? и какой плодъ я отъ него почерпаю? Убѣжденный въ слабости моей, и устыдясь оныя, взялъ ветхую свою шляпу, рачительно

повѣшенную на деревянной стопкѣ старымъ вѣрнымъ моимъ слугою Труеманомъ; осмотрѣлъ ее, она была вся въ пыли, и отъ ѣдкости времени почти уже истлѣла; однакожъ не думалъ я, чтобъ стыдно было мнѣ употребить оную; надѣвъ ее, разсудилъ ходить по городу, и разсматривать всѣхъ со мной встрѣчающихся, примѣчая по поведенію и по самымъ ихъ лицамъ. „Ежель я „найду изъ нихъ такого, который по„кажется мнѣ щастливымъ, вопрошу „его, подлинноль обрѣлъ онъ щастіе? „буду молить, чтобъ и мнѣ ко сниска„нію онаго далъ наставленіе; наста„вленіе неоцѣненное, кое отнесу въ свою „хижину, и въ нѣдрѣ моего семейства „наслаждаться тѣмъ буду съ спокой„ствіемъ?

Двери.

Уже пошелъ я исполнить сіе разумное намѣреніе; но еще не успѣлъ переступить порога, какъ супруга моя удержавъ меня съ нѣжнымъ и робкимъ видомъ спросила, приду ли я домой обѣдать?

Забывъ всѣ прелести, кои блистали въ ней когда она клялася предъ олтаремъ въ непремѣнной ко мнѣ любви и покорности: *поди безумная!* отвѣчалъ я съ суровостію, и исторгъ отъ нея свою руку; *поди, нѣтъ мнѣ времени обѣдать;* и она безмолвно, однакожъ съ прискорбностію повинулась. Но сердце мое скоро за нее отмстило: стыдно мнѣ стало, что толь сурово поступилъ съ супругой, коея нѣжность долгое время услаждала печальныя жизни моей приключенія. Возвратился я, и нашелъ ее въ глубокой задумчивости; преклонивъ голову на руку проливала она слезы. Такова бываетъ въ лѣтѣ подъ вечеръ прекраснаго дня царица цвѣтовъ согбенна подъ тяжестію росы! Прости Юлія, прости твоему мучителю! вскричалъ я, останься: забота и безпокойствы много уже на дни твои разсѣваютъ тернія; но да престанетъ хотя безмѣрная чувствительность усугублять источникъ скорбей твоихъ. Я предпріялъ искать *щастія*, сего толико прославленнаго, и толь мало извѣстнаго сокровища; ежель найду оное, возвращусь раздѣлить его съ тобою; обѣдай же спокойно; но естьли не

возвращусь и къ ужину, почивай прїятнымъ сномъ; не страшись о мнѣ никакого приключенїя. Наконецъ вышелъ я, и какъ проходилъ къ Гидъ-парку, гдѣ разсудилъ начать разсматриванїе, приключенїя минувшей моей жизни предстали моей памяти.

История

Г. ФРАНКЛИЯ.

Мало нужды знать, кто были мои родители. Происходя отъ почтеннаго рода не хочу тщеславиться здѣсь поколѣнїемъ моихъ предковъ; ибо я всегда думалъ, что лучше блистать своею собственною славою, и простирать лучи оныя на своихъ потомковъ, нежели заимствовать то отъ предковъ. Чуждъ всякїя гордости, ибо всѣ мы отъ единаго и всеобщаго происходимъ корня, а паче по влїянной отъ природы въ сердцѣ моемъ сладкой и неодолимой склонности, чувствую что я связанъ союзомъ единокровїя съ каждымъ человѣкомъ, въ какомъ бы состоянїи щастїе быть ему

ни опредѣлило. Единому у отца сыну, образъ моего воспитанія подавалъ мнѣ лестныя надежды; но я обманулся: съ лишеніемъ родителей исчезли мои мечты. Отецъ мой до излишества любя пышность, пиры, великолѣпіе, не оставилъ мнѣ потому ничего кромѣ благовоспитанія. Но да почіютъ любезныя и почтеннѣйшія души усопшихъ въ вѣчномъ спокойствіи! На исчезнувшую ложную щастія моего надежду взиралъ я безъ *сожалѣнія*. Признаюсь, что долгое время *тѣмъ* обольщался; но рожденный съ бодрымъ духомъ и твердостію, извлеченный наконецъ отъ моего заблужденія не сдѣлался я чрезъ то нещастнѣйшимъ. Назначенный въ духовный чинъ, коль скоро позналъ я бѣдное свое состояніе, неотступно просилъ и получилъ два небольшіе прихода. Тогда долженъ былъ оставить невинныя и пріятнѣйшія сельскія забавы, и съ печальною житія моего премѣною, имѣя малый весьма доходъ, подвергнуться безпокойствамъ мятежной жизни, словомъ, всѣмъ непріятностямъ престольнаго града. Ничтобъ не могло утѣшить меня принужденнаго къ толь тягостной жизни,

естьли бы не обладалъ я такимъ сокровищемъ, которое одно удобно было наградить всю мою трату; сокровище стократъ драгоцѣннѣйшее нежель тѣ богатыя и неизчерпаемыя златыя руды, коихъ ложный блескъ обольстилъ человѣка развращеннаго. Давно уже любилъ я прекрасную Юлїю Селвинъ, дочь сосѣдственнаго священника; сходство нравовъ и склонностей соединило наши сердца; она была бѣдна, и потому ея приданое въ единыхъ токмо достоинствахъ состояло. Но могутъ ли всѣ отъ щастїя приобрѣтенныя дары сравниться съ нѣжнымъ сердцемъ, благодушїемъ и добродѣтелїю? Поелику она никогда не основывала блаженства своего на лестныхъ надеждахъ, кои жребїй мой только что показалъ мнѣ, оныя и исчезли въ глазахъ ея такимъ образомъ, что для великодушнаго ея сердца не стоили и единаго вздоха. Душа отца ея обителью была честности; жилъ онъ всегда въ уединенїи, содержа себя весьма умѣреннымъ доходомъ, состоявшимъ въ пятидесяти фунтахъ стерлинговъ, и въ нѣсколькихъ малыхъ еще подаркахъ, ежегодно присыланныхъ отъ сестры его

Леди Ловголдъ, супруги одного богатаго гражданина. Смиренномудрое достоинство рѣдко находитъ противу себя враговъ; ибо зависть между отмѣнными токмо таланты и высокими достоинствы постановляетъ враждебную брань; на нихъ то направляетъ она ядовитыя свои стрѣлы; и такъ жребій Г. Селвина ничего не имѣлъ въ себѣ подверженнаго зависти. Коль скоро опредѣлили мнѣ приходы Св. . . и св. . . съ восмьюдесять фунтами стерлинговъ ежегоднаго дохода, тотчасъ побѣжалъ я увѣдомить о семъ щастіи Юлію, и она сорадовалась мнѣ такъ, что едина только мысль о предстоявшей намъ разлукѣ умѣрила нашу радость. Между тѣмъ однакожъ праздновали мы сіе произшествіе въ семьѣ своей небольшимъ пиршествомъ. Юлія съ согласія родителей обѣщалась мнѣ посѣтить тетку свою въ Лондонѣ, по нѣсколькихъ недѣляхъ послѣ прибытія моего въ сей городъ. Однимъ словомъ, я щастливѣйшимъ сталъ человѣкомъ: ибо Юлія съ цѣломудрымъ успыдѣніемъ согласилась нарещи меня священнымъ именемъ супруга, коль скоро токмо буду я имѣть домъ для ея при-

нятія. Отецъ мой оставилъ мнѣ пять сотъ фунтовъ стерлинговъ; мы положили часть сего употребить на украшеніе нашего жилища, и чтобъ Г. Селвинъ держалъ тому росходъ. Расположивъ такимъ образомъ все, назначилъ я отбытіе мое въ слѣдующій понедѣльникъ; и какъ путешествія обыкновенно бываютъ убыточны, а я былъ молодъ и крѣпокъ, то простившися съ друзьями и проливъ нѣсколько слезъ съ Юліею, пошелъ пѣшкомъ провождаемый Траемъ, который долгое время вѣрнымъ былъ стражемъ дома, въ коемъ я стараніемъ родительскимъ воспитывался. Оплакалъ моихъ родителей, и забылъ свою бѣдность.

Чувствительныя только сердца могутъ познать всю горесть моихъ размышленій, каковыми объятъ я былъ въ сіи первыя минуты моего путешествія! Имѣлъ я подлинно надежные способы къ своему пропитанію, но вступалъ въ свѣтъ мнѣ неизвѣстный; имѣлъ друзей, оставлялъ ихъ, и такъ сказать, отторженный отъ нихъ предпринималъ жить посредѣ общества совсѣмъ для меня чуждаго. Сущему безъ опытовъ,

хитрость, обманы, ложь, и все что посрамляетъ и уничижаетъ человѣчество, были еще мнѣ существами только въ воображенiи; но я тотчасъ долженствовалъ найтися между ими, сирѣчь посредѣ плутовъ, лжецовъ, корыстолюбцовъ и коварныхъ людей. Нѣжная и достойная всякаго почитанiя содружница простирала ко мнѣ длани; и я не могъ содѣлать ей того щастiя, коего она была достойна. Сiи размышленiя прервалъ одинъ крестьянинъ, знакомый мнѣ съ самаго моего младенчества. Онъ подошедъ ко мнѣ съ тою любезною простотою, яже есть участiю его состоянiя, спросилъ куда я иду, и гдѣ кончится моя прогулка? Въ Лондонъ, другъ мой. Удивленный симъ отвѣтомъ изъявилъ онъ знаки своего сожалѣнiя. „Ахъ государь мой! что вы говорите? для чего „не зашли ко мнѣ? я бы сыскалъ вамъ „лошадь, да есть еще и теперь время „ее промыслить, когда только изволите „отдохнуть нѣсколько часовъ въ моей „хижинѣ. Сколько я получилъ добра „отъ васъ и отъ вашихъ родителей! „Подлинно я бѣденъ, но не подумайте „чтобъ былъ неблагодаренъ„. — Другъ

мой! не бѣдность принудила меня пѣшешествовать; щадимое мной въ иждивеніяхъ, назначилъ я въ пособіе такимъ, какъ ты, честнымъ людямъ, кои не суть щасливы; однакожъ съ радостію зайду въ твою хижину и нѣсколько минутъ у тебя отдохну. Сердечно желаю чтобъ ты самъ при своихъ нуждахъ всегда могъ находить благодѣтеля. Вскорѣ потомъ пришелъ я въ жилище сего добраго человѣка, при большей стоявшее дорогѣ. Искренняя жены его радость, съ каковою меня увидѣла, чувствительно тронула мое сердце; она приняла меня какъ благодѣтеля. И въ самомъ дѣлѣ было нѣкогда, что я заплатилъ наемныя за землю деньги вмѣсто одного бѣднаго земледѣльца, и не зналъ, что сей самый угощавшій меня крестьянинъ предмѣтомъ былъ онаго моего благодѣянія. Вкусилъ потомъ отъ предложенной сими добродушными хозяевами умѣренной пищи, и оказавъ дѣтямъ ихъ нѣкіе малые знаки моей благодарности, оставилъ ихъ, ощутивъ въ сердцѣ своемъ облегченіе и удовольствіе. Ежель сіи люди, сказалъ я, довольствуются въ содержаніи себя и шестерыхъ дѣтей малымъ токмо пло-

домъ тяжкихъ трудовъ своихъ, да и почитаютъ себя щасливыми, какъ же я неблагодарный дерзаю роптать на провидѣніе? я, котораго оно ущедрило своими благостьми, и который богатъ когда сравниваю жребій мой съ участію сихъ бѣдныхъ? Пришелъ я потомъ въ Лондонъ, явился къ своему начальнику и принялъ отъ него два мои прихода. Нанялъ небольшей домъ, убралъ его чисто, но весьма просто, и вскорѣ сіе умѣренное жилище мое украшено было присутствіемъ г. и гж. Селвинъ и ихъ любезной дочери. Они привели ко мнѣ Трусмана, стараго и вѣрнаго слугу отца моего; я предложилъ ему пропитаніе, ежель захочетъ остаться при семьѣ моей. Леди Ловголдъ не допустила къ себѣ племянницу, которая по неразумію своему безчестила ее что вступала въ уничижительный бракъ съ бѣднымъ приходскимъ священникомъ; просила ее и впредь никогда не дѣлать таковыхъ тягостныхъ ей посѣщеній. Вскорѣ потомъ представлена была Юлія со мною купно предъ олтарь почтеннымъ ея родителемъ; родителемъ тѣмъ паче разумнѣйшимъ, что онъ не допустилъ уловить

себя горделивымъ и развращеннымъ желаніямъ. Но естьли бы кто вздумалъ сей его выборъ почитать низкимъ, тотъ долженъ вспомнить, что онъ и самъ долгое время жилъ нѣкогда въ худшемъ моего состояніи. И такъ желанія мои исполнились: ибо довольствуясь умѣренностію, не простирая вожделѣній своихъ далѣе сего простаго и пріятнаго состоянія, погруженные въ нѣдрѣ забавъ основанныхъ на добродѣтели, взирали мы на суетныя мятежной и расточительной жизни волненія безъ всякой зависти. Природа и любовь увѣнчали союзъ нашъ, даровавъ намъ троихъ дѣтей; и такъ семейство и нужды мои умножилися; но способы къ содержанію нашему не усугубились. О младенчество, колико ты любезно! и наипаче для сердца родительскаго. Колико сіи горячности нашей залоги обѣяли мою душу! они по ихъ матери, драгоцѣннѣйшимъ были мнѣ сокровищемъ. Но какъ ихъ воспитать съ доходомъ едва достаточнымъ къ нашему собственному пропитанію? какое можно доставить имъ состояніе, котороебъ соотвѣтствовало безпредѣльной любви моей и желанію

ихъ благополучія? Сіи размышленія опечалили духъ мой, и ропотъ подъ образомъ родительской любви, вселился въ душу мою такъ что я и не думалъ, чтобъ кто нибудь въ свѣтѣ нещастливѣе былъ меня. Такимъ то образомъ мнятъ почти всѣ, и съ таковымъ же конечно слабымъ разсужденіемъ. Да повинуется убо всякъ ищущій спокойствія и благополучія непоколебимымъ законамъ мудраго, праведнаго и непремѣняющагося провидѣнія!

Гид-паркъ.

Сіе мѣсто есть обширное и пріятнѣйшее, въ которомъ всегда стекается великое множество народа; и какъ день тогда столь прекрасенъ былъ, что самые разслабленные покушались прогуливаться, то здѣсь я разсудилъ начать мои примѣчанія.

Король и Королева.

Небо ясное, чистый и свѣжій воздухъ, все по справедливости дѣлало утро прелест-

нымЪ. СамодержецЪ Англїи и Августѣйшая его супруга вышли удивляться осклабляющемуся взору прекраснаго дня.

Великолѣпїе и пышность! и вы также облачаетесь какЪ и самая природа вЪ одежду блистательную и испещренную цвѣтами; но вашЪ блескЪ многихЪ стоитЪ старанїй, вмѣсто того что природа предлагаетЪ намЪ утѣхи легчайшїя. При воззрѣнїи на Монаршую чету почувствовалЪ я вЪ себѣ то тайное восхищенїе, еже свойственно сердцамЪ любящимЪ отечество и своего Государя. Радостные клики народа увидѣвша возлюбленнаго своего Монарха, раздались вЪ душѣ моей, и произвели вЪ ней прїятное нѣкое смятенїе. О Августѣйшая и обожаемая чета! вскричалЪ я: да будетЪ благополучїе ваше соразмѣрно тѣмЪ добродѣтелямЪ и благотворенїю, кои вы на сей щастливый народЪ проливаете! Да усладятЪ, Пресвѣтлѣйшїй Государь, достоинство, кротость и любовь твоей Шарлотты тѣ печали, кои окрестЪ престола твоего бдятЪ неусыпно! Корона бо, увы! часто бываетЪ обвита тернїемЪ.

А съ тобою, любезнѣйшая государыня, да раздѣлитъ взаимно знаменитый твой супругъ тѣ блаженныя утѣхи, имиже природа и любовь увѣнчаваютъ дни твои! Да отложитъ онъ нѣкогда и самыя Монаршія свои попеченія, дабы вкушать сладчайшія вліянія нѣжности! Но онъ толико любитъ народъ свой, и сіи попеченія для великодушнаго его сердца столь драгоцѣнны суть, что не можетъ сложить съ себя своего бремени совершенно. Тако, да стекается сей щастливый народъ со всѣми своими силами къ облегченію возложеннаго отъ провидѣнія на Государя ихъ тяжкаго ига, для понесенія коего устроило оно его душу! Да сьединятся подданные его навсегда неразрывными узами на подкрѣпленіе освященныхъ правъ его, могущества и бодрости! И естьли бы сей благій Монархъ узрѣлъ между ими нѣкіихъ враговъ славы своея, да послужатъ пагубные ихъ умыслы къ открытію токмо тѣхъ добродѣтелей, коибъ они тщетно помрачить покусилися!

Вдова.

Взоры ея кротки яко взоры солнца при его захожденіи, нѣжный гласъ подобенъ гласу самыя любви. Но увы! щастіе не обитало уже въ ея нѣдрѣ; душа ея лютою объята скорбію, лишеніе возлюбленнаго ей супруга смертельно оную раздирало. Кидала омраченныя и бродящія очи свои на окружавщую ея толпу, и слезы втай по ланитамъ ея проливалися. Нося на рукѣ портретъ того коего неумолимая смерть у нея похитила, устремила она взоръ на сей обожаемый ею образъ, и повергшись въ глубокое уныніе шла изумленна.

Какая добродѣтель! красота! коль чувствительна печаль ея, и нѣжно чистосердечіе! Сіе позорище на нѣсколько минутъ опечаленною моей душею овладѣло.

Влюбленный.

,,О! любовь, проклятая страсть! ис-
,,точникъ мученій!,, вскричалъ съ печальнымъ вздохомъ проходившій ста-

рикъ, изнуренный по крайней мѣрѣ шестьюдесять пятью лѣтами. Время такъ сильно напечатлѣло на челѣ его знаки своего гнѣва, что едвали бы цѣлыя сего любострастіемъ изможденнаго человѣка жизни достаточно было на заглажденіе причиненныхъ оному оскорбленій. Не могъ я удержаться, чтобъ внутренне не захохотать увидѣвъ сего смѣшнаго человѣка. О злополучный старикъ! вскричалъ я, надобно подлинно, чтобъ или любовь весьма была слѣпа, или ты очень безуменъ. Въ прежалкомъ состояніи, въ кое лѣта тебя низринули, можешь ли еще питаться надеждою тронуть идола дряхлой души твоей?

Минуту спустя, конечно внутренно радовался онъ своему щастію: ибо узрѣлъ идущую женщину, чего жадные и воспламененные его глаза искали, и которая однакожъ безполезнымъ была предмѣтомъ безумнаго его поиска.

Распустная.

Какъ я подходилъ къ ней, молодой человѣкъ предваривъ меня взялъ ее за руку.

Вдругъ поблѣднѣвъ вскричала она съ съ яростію. „Злодѣй! не довольно тебѣ „что погубилъ меня; но ты еще и ру„гаешься, гнусный измѣнникъ, лютой „бѣдности, въ которую меня поверг„нулъ.„ — „Право, Флора, ты прекра„сна, и по всему видно, что живешь „въ довольствѣ: къ чемужъ, душа моя, „сердишься по пустому„. — „Ахъ! ты „самъ знаешь, что ето одѣяніе есть „знакъ носимаго мной преступства, от„вѣчала красавица съ печальнѣйшимъ ви„домъ; оставь же меня хотя изъ жа„лости.„ Отшелъ онъ съ насмѣшкою, желая ей щасливаго дня. (Какъ человѣкъ можетъ ожесточиться до того, чтобъ не тронуться слезами красоты, и безъ жалости вовлещи въ толь пагубное разпутство!) Красавица тотчасъ приняла на себя веселый видъ, и всѣ тѣ прелести, кои исчезли было въ ней при свиданіи съ вѣроломнымъ ея обольстителемъ; я обманулся симъ веселія и удовольствія исполненнымъ видомъ, да и всякъ уповаю впалъ бы въ подобное моему заблужденіе. Мнѣ разсудилося съ нею поговорить: — Глаза твои, прекрасная Флора, изображаютъ

щастїе и забавы. — „А я, отвѣтство-
„вала она съ презрѣнїемъ, я сужу по
„твоему виду, что ты бѣднякъ вели-
„кой невѣжда„. — И замѣшательство и
стыдъ разлились по лицу ея. — Слабое
человѣчество, другъ мой, весьма подвер-
жено заблужденїю. Я ни бѣденъ ни не-
вѣжда, но ты ни честна ни цѣломудра.
Я съ тобой говорю вѣжливо, а ты от-
вѣчаешь мнѣ съ грубостїю; ты жертва
безстудїя, носящая на себѣ гнусныя онаго
знаки, ты теперь явно въ томъ при-
зналася; сїе то уничижительное твое
признанїе меня тронуло; на, возми ету
гинею, препроводи, естьли можно, сей
день удаленна отъ порока и распут-
ства; завтра можетъ быть провидѣ-
нїе низпошлетъ къ тебѣ благодѣтеля,
который извлечетъ тя отъ бѣдности,
срама и пагубнаго развращенїя; нужды
твои удовлетворятся, и жестокая не-
обходимость не удержитъ тебя болѣе
при краѣ погибели. — „Какуюжъ цѣну
„полагаете вы вашему благотворенїю?
„чего отъ меня требуете?„ — Твоего
раскаянїя, любезное дитя, твоего то-
кмо обращенїя на путь святыя добро-
дѣтели. Мы оба грѣшны: да загладитъ же

взаимная любовь предЪ очами Всевышшаго существа тѣ погрѣшности, коими жизнь наша помраченна. Не хотѣлЪ я ктому ни ожидать ни получать благодарности: ибо для меня всегда столь же пріятно дѣлать добро, какЪ и принимать оное. Коль жалко видѣть часто пріятности и красоту содѣлавшіясь добычею безпутнаго человѣка! Надлежалоль чтобЪ смрадное дыханіе порока оскверняло то, что сама природа старалася украсить. Колико долженЪ я быть признателенЪ! Юлія родила мнѣ дочь, коея чистая и непорочная душа, коея добродѣтели и невинность увѣряютЪ насЪ о ея и нашемЪ щастіи. Коль неусыпно буду бдѣть о ней! вскричалЪ я, пораженный видѣннымЪ мною позорищемЪ; ибо не можетЪ ли и она совратиться сЪ истиннаго пути такЪ какЪ и сія нещастная красавица? Конечно, я долженЪ охранять сію прорастающую, ввѣренную моему попеченію вѣтвь, отЪ тернія могущаго подавить сѣмена ея благополучія.

Купецъ.

По виду и глубокимъ браздамъ напечатлѣннымъ на челѣ его снѣдающею заботою, заключилъ я, что онъ купецъ. Число опустошающихъ земный нашъ шаръ бѣдствій, есть по крайней мѣрѣ равно числу удовольствій, кои его утѣшаютъ. Стекаются всѣ восточныя сокровища въ амбары сего человѣка, и онъ яко насѣдка съ несказанною радостію высиживаетъ себѣ новыя изчадія. Но свирѣпствуетъ Океанъ, буря воздвизаетъ волны, и созрите его уже трепещуща и поверженна въ ужасъ. Жажда прибытка снѣдаетъ его, и блаженныя толь рѣдкія въ жизни нашей минуты ему чужды суть. Любовь, природа, нѣжное дружество нимало не проливаютъ на его душу благотворнаго своего мѵра. Боже преблагій! всегда ли человѣкъ думать будетъ, что онъ созданъ ради собиранія только съ несказаннымъ трудомъ ложныхъ сокровищь! Ненадежность и краткость бытія неужель никогда не извлекутъ его отъ заблужденія? Ахъ! единаго мгновенія довлѣетъ: вѣтры, скрытые подъ водою камни, волнующіяся пучины, все могутъ

разорить, опровергнуть, разбить, поглотить самые твердѣйшїе корабли, и восхитить отъ насъ купно съ жизнїю собранныя многотрудными попеченїями сокровища, да и самую способность къ новому оныхъ обрѣтенїю. Вседневный еще опытъ научаетъ насъ, коль ужасна есть и неумолима смерть въ своемъ своенравїи!

О колико одолженъ я моему родителю, что онъ не поработилъ меня сему жестокому и роковому состоянїю! ибо по его выбору нахожусь я въ такомъ быту, который съ сладчайшею купно свободою дозволяетъ мнѣ пользоваться и спокойною жизнїю, нимало не оскорбляя правилъ умѣренности и святыхъ законовъ вѣры.

Слуга.

Мимоидущїй слуга отвлекъ меня отъ моихъ размышленїй. Неся на рукахъ собачку, положилъ онъ ее съ осторожностїю на траву точно предо мною. Манилъ ее потомъ что бы бѣгала; но сїе животное толь же своенравное какъ и госпожа его, непомѣрно отолстѣвшее,

а притомъ и безчувственно, было глухо, не внимало его прозьбамъ, и лѣностно растянувшись лежало на постланномъ природою коврѣ. — Толкни ее, дружокъ, ручаюсь что побѣжитъ за тобою. — ,,Вѣрю, государь мой! но естьли я отважусь ударить Цезаря, тотчасъ сгонятъ меня съ двора; ето вить любимецъ госпожи моей.,, — А! по видимому госпожа твоя еще не замужемъ? — ,,Десять уже лѣтъ какъ замужемъ? — Да естьли у ней дѣти? — ,,Только семеро.,, — И ето подлое животное любимецъ ея! По сему заключаю, что ея душа не превосходнѣе души ея собаки. Нравитсяль тебѣ таковое твое состоянїе? — ,,Государь мой! провидѣнїе опредѣлило ,,мнѣ быть въ услугахъ, я повинуюсь ,,моей участи, и всегда доволенъ должностїю возлагаемою на меня отъ господъ моихъ. Признаюсь, что непрїятно быть вожатаемъ собачки, но мое ,,прежнее состоянїе еще было хуже теперешняго: я служилъ у одного вертопраха; не было тѣхъ мученїй, коихъ бы его своенравїе и пресмѣшное ,,высокомѣрїе претерпѣть меня не заставили, такъ что я въ крайней нахо-

„дился необходимости подвергнуться „лучше всему на свѣтѣ, нежели служить „ему. Поди сюда, поди бѣдниинькой Це- „зарь, я долженъ признаться, что го- „раздо лучше ходить за тобою, нежели „служить безумному вертопраху.„ По- томъ онъ наклонился, взялъ на руки животное, и заворчавъ свою пѣсенку по- шелъ опять прогуливать Цезаря.

Философія сего человѣка была лучше моей философіи. Нужно иногда сравни- вать свое состояніе съ состояніемъ не- щастнѣйшимъ: ибо то лучшее есть средство чтобъ быть всегда доволь- нымъ; но умѣть себя принаровить къ состоянію рабскому, къ состоянію толь уничижительному какъ ходить за собач- кою, или повиноваться глупцу, сіе по- истинѣ есть плодъ мудрости. Ежель бы я имѣлъ по нещастію такую жену, котораябъ предпочла собачку, обезьяну, или кошку дѣтямъ своимъ, я почелъ бы ее достойною заключенія въ домъ безумныхъ. Но, о Боже мой! какъ мо- жетъ видѣть мужъ предпочтенну предъ собой обезьяну? Такъ! свѣтъ сей не иное что есть какъ только коловратность, глупость и безуміе.

Любитель рѣдкостей.

Что же есть столько любопытства достойнаго въ сей бабочкѣ, что етотъ человѣкъ даетъ уже за нее пятнадцать фунтовъ стерлинговъ? — Она имѣетъ голову и тѣло чудно устроенныя, вотъ ея достоинство! - Странная склонность! Какъ можно находить увеселенiе въ зрѣлищѣ уродливыхъ произведенiй естества? Я однакожъ осмѣлюсь увѣрить, что охотникъ возвысилъ бы цѣну бабочкѣ до невѣроятнаго степени, естьли бы какимъ нибудь безпорядкомъ, въ противность пекущагося о семъ несѣкомомъ намѣренiя, родилась она головою и хвостомъ вопреки естественному ихъ расположенiю.

Почтожь я самъ ропщу на посредственность моего дохода, который не дозволяетъ мнѣ предаться склонности къ бездѣлкамъ? Можетъ быть я имѣю уже во сто разъ больше нежели сколько требуютъ мои нужды; можетъ быть жадничаю сего излишества для того токмо, дабы расточать оное столь же безумно, какъ расточаетъ свои сокровищи сей любитель рѣдкостей.

Оставилъ я его спокойно оканчивить смѣхотворную сїю покупку, нимало не стараясь открыть ему своего о томъ мнѣнїя. Но думаю, что за какуюбъ цѣну онъ ни приобрѣлъ подобную сему рѣдкость, всегда она будетъ дорога.

Набабъ Аглинскїй.

Вошедъ въ другую алею, первая срѣтившаясь со мной особа былъ господинъ недавно возвратившїйся изъ Индїи, и какъ говорятъ, самый богатѣйшїй всѣхъ сея пространныя части свѣта Набабовъ. Ежель богатствы содѣлываютъ щастїе, сей человѣкъ безъ сомнѣнїя благополученъ. Размышляя такимъ образомъ подошелъ я къ нему; но по наружнымъ видамъ не могъ найти и слѣдовъ, чтобъ догадки мои были праведны. Трудъ и болѣзнь начертали на унывшемъ челѣ его глубокїя морщины. Опираясь на своего вожатаго, казалось не могъ онъ и стоять самъ собою. Таковою то цѣною непомѣрныя стяжаютъ богатствы! О колико сей человѣкъ есть

врагъ самому себѣ! вскричалъ я: претекать толь далекій путь, и съ толикими опасностьми гоняться за сокровищами ложными, и безполезными для его благополучія, вотъ что называется трудится вотще. Ежель бы онъ восхотѣлъ заплатить всѣ свои сокровища за здравіе и крѣпость, коими жертвовалъ ради приобрѣтенія оныхъ, Гигія, (*) дѣва толь умѣренная и осторожная, всемѣрно не обольстилась бы сими жертвоприношеніями.

Боже преблагій! какъ можетъ твое созданіе заблуждать до таковой крайности? Какъ, человѣкъ добровольно оставитъ свое отечество, сей драгоцѣнный на землѣ участокъ, на коемъ уготовалъ ты ему сладчайшій жребій посредѣ забавъ и изобилія; презритъ страхи непостояннаго и свирѣпствующаго моря, питаться будетъ тлетворнымъ жаркаго климата воздухомъ, скитаться межъ дикими, и подвергаться жестокимъ трудностямъ дабы исторгнуть ихъ сокровищи, которыя презирали бы они еще и нынѣ, естьли бы

(*) Богиня здравія, дочь Ескулапіева.

мы не сообщили имъ своего безумія! наконецъ пренесетъ всѣ сіи жестокія мученія для того самаго металла, коего другой нимало не будетъ щадить, чтобъ купить только на него бабочку!

Стряпчій.

„Вотъ, возми сей противъ соперника „твоего приговоръ, и постарайся только, „чтобъ скоряй привели его въ исполненіе„ сказалъ такъ стряпчій. Тотъ кому сіе сказано, былъ Христіанинъ, а стряпчій носилъ одно только онаго имя. — „Я его разорю, ежель совѣту твоему послѣдую„ отвѣчалъ тяжущійся человѣкъ жалостливый. — „О! когда тебѣ „польза другихъ пріятнѣе своей собственной, прервалъ законовѣдецъ, такъ „за чемъ же ты ко мнѣ и прибѣгаешь? — Я не могъ болѣе слушать: ибо уповаю что челобитчикъ, честный человѣкъ, никогда не потребитъ въ сердцѣ своемъ сѣмянъ благотворенія и человѣколюбія, посѣянныхъ въ ономъ природою.

Законъ есть конечно нужная узда; но не надлежитъ чтобъ человѣкъ упо-

треблялЪ его во зло. Тако послѣдуемЪ сему божественному изреченїю: *вся убо, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ.* Самый сей законовѣдецЪ восхотѣлЪ ли бы, чтобЪ всякЪ получивЪ такимЪ образомЪ отЪ правосудїя состоявшееся противЪ него рѣшенїе, исполнилЪ оное безЪ всякой надЪ нимЪ жалости. НѣтЪ: убо да владычествуетЪ вЪ томЪ примѣрЪ высочайшаго существа, ему же всѣмЪ благомЪ обязаны есмы? оно всечасно бдитЪ о нашей вольности.

Лошадиной барышникЪ.

ВЪ сїю минуту увидѣлЪ я идущаго ко мнѣ человѣка, коего сЪ перваго взгляда почелЪ было за конюха какого нибудь дворянина, охотника до лошадей, но обманулся, ибо онЪ самЪ былЪ охотникЪ. ПотерявЪ своихЪ товарищей, и будучи непримиримый врагЪ молчанїю, искалЪ онЪ вступить вЪ разговорЪ сЪ первымЪ ктобЪ ему ни попался; и ето былЪ точно я. Послѣ обыкновеннаго привѣтствїя, сЪ великимЪ жаромЪ спросилЪ у

меня, былЪ ли я на послѣднемЪ вЪ Невмаркетѣ собранїи? „Какое ето было ристанїе! продолжалЪ онЪ, кобыла Лорда „Г . . . чудеса надѣлала; думаю, что и „вы тамЪ нѣчто проиграли, не правдаль? конечно бездѣлицу? Но я спасиба догадался, проигралЪ пять сотЪ „только фунтовЪ стерлинговЪ, и болѣе ни одной не держалЪ уже копѣйки. „ — По совѣсти это чрезвычайно много, вскричалЪ я; пять сотЪ фунтовЪ стерлинговЪ! какая ето сумма! сколько бы можно было спасти ею бѣдныхЪ отЪ глада и жажды истаявающихЪ! сколькобЪ исторгнуть можно нещастныхЪ жертвЪ изЪ темницЪ, изЪ сихЪ ужасныхЪ гробовЪ, вЪ коихЪ безчеловѣчїе собратїю нашу еще вЪ живѣ сущихЪ погребаетЪ! коликомубЪ числу вдовЪ и сиротЪ можно было отереть слезы! наконецЪ сїю сумму могЪ бы благомыслящїй человѣкЪ сЪ удобностїю употребить на содѣланїе пяти сотЪ благихЪ дѣйствїй, и Ангели Божїи сЪ высоты небесЪ восторжествовали бы сїю преславную человѣколюбїя епоху. Но нѣтЪ! сїя сумма добычею стала безумца, который проиграетЪ ее первому ша-

луну, коего лошадь пререстаетъ другую. Возможноль подумать, чтобъ лошади, которыя для того только созданы, дабы перевозить насъ изъ одного мѣста въ другое, долженствовали управлять и всѣми склонностьми душъ нашихъ! — „А! такъ я вижу что ты священникъ, вскричалъ благородный барышникъ съ видомъ изумленія, сдѣлай бачка милость, не ужель сверьхъ чаянія хочешь ты сказывать мнѣ проповѣдь? Бога ради, я тебя отъ того увольняю.„ — Тотчасъ потомъ присталъ къ намъ другой подобный первому господчикъ, и обратясь къ моему товарищу, сказалъ: „Ба, Карлъ! какъ я радъ что тебя увидѣлъ! Но что это! съ кѣмъ ты связался? дайка надъ симъ добрымъ старичкомъ позабавимся. — „О! пожалуй съ нимъ не шути, отвѣчалъ первый: онъ уже на проповѣдалъ мнѣ такъ какъ будто бы вселился въ него самъ дьяволъ.„ Послѣ сего взявъ пріятеля своего за руку, оставилъ меня моимъ размышленіямъ, и я могу сказать, что не могъ онъ большаго сдѣлать мнѣ удовольствія.

Ежель сїи люди щасшливы, безъ сомнѣнїя всякъ долженъ сшарашься имѣшь у себя бѣгуновъ: конюшни сдѣлаюшся шогда сборными мѣсшами благородныхъ въ государсшвѣ людей; да они уже и сушь любезнѣйшимъ убѣжищемъ большїя ихъ часши. Возврашясь домой надобно мнѣ посмошрѣшь сшарую свою лошадь, и подумашь не можноль промѣняшь ее на лучшую: она дряхла, однакожъ весьма вѣрный служишель; ибо многокрашъ усердїемъ своимъ избавляла меня ошъ великихъ опасносшей; и шакъ не ужель впаду я въ искушенїе промѣняшь оную на молодаго бѣгуна, кошорый будучи ея сшашняе, легче и красивѣе, завлечешъ меня въ дерзосшную игру, да и проигрannь мои деньги; и кошорый, что всего еще хуже, какимънибудь чудеснымъ своимъ скачкомъ можешъ переломашь мнѣ руки и ноги. Благоразумїе и признашельносшь! я слышу чшо вы сопрошивляешесь сей прелесшной выдумкѣ: и шакъ никогда не сдѣлаюсь цыганомъ, никогда не промѣняю вѣрной своей лошади изъ любви къ симъ забавнымъ, вѣжливымъ и разсудишельнымъ господчикамъ, хошябъ и всякой разъ

когда ни сойдутся со мной, поступали они какъ съ сумасброднымъ старикомъ. Время не щадитъ никого, и пылкость всякаго человѣка должна наконецъ охладѣть.

Стихотворецъ.

Издалеча увидѣвъ его, узналъ я по наружности что онъ стихотворецъ. Весьма печально для человѣка имѣющаго плодовитыя воображенія, блистательный разумъ, и неимуща пристойнаго даже одѣянія. По изсохшему его лицу легко можно было заключить, что онъ не всякой день находилъ себѣ обѣдъ. Странное дѣло видѣть иногда преизящные умы едва не угасающіе подъ тягостію ужасной бѣдности, и принужденны цѣлую половину года поститься! Сколько же часовъ между тѣмъ употребляетъ онъ на изобрѣтеніе тѣхъ согласныхъ рифмъ, кои мгновенно преносятъ насъ отъ высокости въ веселіе, и отъ праворасположеннаго слога глубокомысленныхъ разсужденій въ пріятный чувствій беспорядокъ! Любятъ стихотвореніе, но мало

заботятся о стихотворцѣ. Вотъ половина теченія дней твоихъ уже свершилася; употреблена на наставленіе твоихъ соотчичей; чтожь тебѣ отъ того остается? совершенное токмо оставленіе и презорство, между тѣмъ какъ подлый гудочникъ и презрѣннѣйшій прыгунъ, умѣющій носить въ равновѣсіи на носу соломинку, будутъ жить въ изобиліи, всюду приглашаемы, угощаемы, но что говорю, можетъ быть и почитаемы. Я бы желалъ, чтобъ все сіе обиліе воображеній въ твоихъ твореніяхъ разліянное, употреблено было къ промышленію выгоднѣйшей тебѣ жизни, и ты былъ бы щасливѣе. Стыдно поистинѣ, что столько трудовъ, толико знанія, едва могутъ доставить тебѣ бѣдное и ненадежное пребываніе даже въ сараѣ, между тѣмъ какъ большая часть читателей твоихъ твореній, каждый имѣетъ во сто разъ больше излишества, нежели сколько надобно къ содѣланію твоего благополучія.

Безпечный.

Онъ толико любитъ спокойствіе, что не въ силахъ употребить никакого своего дарованія, и даже помыслить о томъ, что можетъ случиться отъ утра до вечера. Естьли бы цѣлая половина земнаго нашего шара разрушилась, не подумалъ бы онъ взглянуть и на развалины. Война, миръ, все для него равно. Онъ ѣстъ, спитъ, и мало заботится о бдящихъ. Сей человѣкъ есть врагъ намѣреніямъ природы: ибо она произвела его на свѣтъ съ тѣмъ что бы ему трудиться.

Американскій переселенецъ.

Американецъ! Казалось забылъ онъ, что находился не въ тѣхъ уже странахъ, гдѣ поносное владычествуетъ рабство; но онъ Англію узрѣлъ первократно, слѣдовательно достоинъ и извиненія: ибо не зналъ что вольность въ семъ Королевствѣ есть толико освященнѣйшее благо, кое никому не отъято. Какъ бы то ни было, онъ стонъ человѣче-

скій слышитъ, и душа его толь же благородна коль неизмѣримо и богатство. Сперьва толкнулъ онъ нищаго, зане воспящалъ его прохожденію; но коль скоро примѣтилъ, что сей бѣдный просилъ у него милостины, подалъ ему пять гиней. И такъ сей человѣкъ добродѣтеленъ, и благотвореніе несомнѣнно отверзетъ ему врата небесныхъ обителей.

Англинскій Росцій. (*)

Коль многоразличные характеры умѣетъ воспріять на себя сей малый человѣкъ, когда дѣйствуетъ на театрѣ! Какъ онъ благороденъ! съ какимъ искуствомъ и точностію представляетъ всѣ лица! сколько возхваленъ, и колико того достоинъ! Есть родъ представленія, въ которомъ особенно приобрѣлъ онъ искуство, и кое сдѣлалось ему собственнымъ. Но до него никто не удостоенъ,

---

(*) Росцій былъ славный въ Римѣ актеръ, другъ Цицероновъ. Исторія Римская томъ 10. стр. 188.

или по крайней мѣрѣ никто не получилЪ толь всеобщихЪ и толь высокихЪ похвалЪ, какЪ онЪ. Великое стяжалЪ богатство, и того достоинЪ. ГаррикЪ вЪ самомЪ дѣлѣ всегда провозглашеннымЪ былЪ другомЪ достоинствЪ; и колико красотЪ погребенныхЪ и погибшихЪ во маркѣ извлечено изЪ забвенія великодушнымЪ его стараніемЪ! ВкусЪ нѣжный, достоинство блистательное и разсужденіе твердое, приобрѣли ему всеобщее дружество и почитаніе. Но говоря какЪ обЪ актерѣ, онЪ сіяетЪ толь чистымЪ свѣтомЪ, яко солнце вЪ полудни. При его гласѣ самый кажется разумЪ новою оживляется способностію, и душа при сладкорѣчивомЪ изображеніи нещастія разверзается. ГромЪ рукоплесканій всемѣрно пріятенЪ человѣку великому, когда онЪ убѣжденЪ самЪ вЪ себѣ, что сіе есть должное его достоинству воздаяніе. НашЪ ШакеспирЪ новую вЪ Гаррикѣ воспріялЪ жизнь, и мы праведно увѣрить его можемЪ, что время самое не дерзнетЪ помрачить возлюбленнаго онаго природѣ и вселенной свѣтила. ВЪ образѣ младаго Гамлета, почтеннаго Леара и гнѣвнаго Бе-

недикта, онъ равномѣрно достоинъ похвалъ нашихъ и удивленія.

Знатная госпожа.

Коль прелестенъ ея образъ! и коль пріятныя чувствія пролились въ душѣ моей при перьвомъ на нее воззрѣніи! Благородная простота и плѣняющая искренность самыя непорочности, являли наружность ея такову, что оная привлекала всѣхъ къ себѣ вниманіе; въ очахъ ея разительныя блистали прелести. Я узналъ ея имя и жилище. Тако порокъ подъ внѣшнимъ крыется цѣломудріемъ, и похищаетъ отъ насъ похвалы! Но рано или поздо око справедливости проницаетъ и сторгаетъ съ лицемѣрія ложную его личину. Стыдно и непріятно признаться въ томъ, что мы всѣ попускаемъ обманывать себя наружности; сія однакожъ истина есть вседневными доказанная опытами. Кто бы могъ при перьвомъ на сію толь почтенную особу воззрѣніи подумать, что она ужасное токмо покрывало порочнаго сердца? Кто бы при таковомъ видимомъ ея чистосердечіи вообразилъ себѣ,

что нещастный толикими прелестьми обладающій супругъ, всечасно стонетъ подъ тягостою печальныхъ узъ своего супружества; стыдится предавъ честь и вв҄ѣривъ свои права толь презрѣнной твари? Наконецъ, кто бы повѣрилъ, что восхитительная сія красота есть изъ числа тѣхъ безпутныхъ, кои госпожу Корнелію посѣщаютъ, и вседневно за карточнымъ ея столомъ забавляются! Такова то сія Леди! Но она наконецъ образумится, и съ лѣтами уносящими съ собой стремленіе страстей преклонится къ своей должности. Честь обратитъ ее на истинный путь, предастъ семейству, и ея раскаяніе обрящетъ сердце ея супруга. А можетъ быть, что не станетъ къ тому времени? Тогда безчестіе и срамъ соберутся купно съ лѣтами на главу ея; ибо порокъ подобясь страшному и ужасающему привидѣнію, равномѣрно гонитъ человѣка богатаго въ его чертогахъ, какъ и бѣднаго въ хижинѣ; гордость бо облеченна знатностію нимало не сокрываетъ его безобразія. Въ глубокой тишинѣ, когда часъ покоя заступаетъ мѣсто народнаго волненія, по-

рокъ слагаетъ съ себя личину, является таковымъ, каковъ онъ есть, и заставляетъ насъ трепетать о насъ самихъ. О великолѣпіе, пышность и забавы! жестокій оный виновнаго сердца мучитель, совѣсть, часто веселится нанося страхъ и трепетъ въ самое ваше владычество, и грядущее во слѣдъ ей раскаяніе проливаетъ въономъ пагубный свой ядъ.

Уклоняющійся отъ законовъ чести и благоразумія отдаляетъ отъ себя навсегда щастіе: тщетно бы покусился онъ обрѣсти сіе драгоцѣннѣйшее благо; погублено оно на вѣки, ибо не обитаетъ ни въ собраніяхъ Корнеліиныхъ, ни посредѣ празднованій и забавъ ложныхъ.

Но я человѣкъ простой, и образъ моего размышленія толь простонароденъ, что естьлибъ вздумалъ я сіи дѣтскія истины сказать Леди, она посмѣялась бы моему дурачеству и нимало мнѣ не повѣрила. Но не смотря на то, когда любовь къ самимъ себѣ влечетъ насъ что бы бдѣть о своемъ благоденствіи, доброжелательство налагаетъ на насъ долгъ пещись и о благополучіи другихъ.

Матрозы.

Послѣ сея госпожи шелъ матрозъ, и пробѣгая алею, нимало не взирая на окружавшихъ его, бурлилъ Вакхову припѣвку.

Въ ту самую минуту повстрѣчался онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, и треся его за руку спросилъ: „Какъ „ты сватъ находишься, и давноль на „матерой землѣ?„ Товарищь казался быть щастливымъ: но слѣдующія его слова перемѣнили мое мнѣніе. —„Теперь „лишь съ корабля, сказалъ онъ, и за „работу получилъ только дватцать „шилинговъ, вмѣсто что причиталось „на мой пай получить дватцать фун„товъ стерлинговъ.„ —„Вотъ дьяволь„ской промыселъ! отвѣчалъ ему ма„трозъ; но добро братъ, впередъ ужъ „насъ не обманутъ; плюнь на все, о „чемъ печалиться; пойдемъ опорожнимъ „кружку пива. О! чтобъ эти злыя са„баки принуждены были пить одну „воду!„ И тотчасъ ушли.

Человѣкъ обманутый во листѣ трудовъ своихъ, не можетъ быть доволенъ; и въ какое ослабѣніе должны упасть неустрашимость и раченіе, видя толь

несоразмѣрный дѣлежъ въ добычахъ славы? Весьма огорчительно для тѣхъ, кои въ подвигахъ великимъ подвергаются опасностямъ, и при жесточайшихъ трудностяхъ теряютъ вдругъ и честь свою и прибытокъ. Благодареніе Создателю! что я никогда не утучнилъ себя отъятымъ отъ насущнаго собратіи моей пропитанія.

Роскошный.

„Едино благо, любезный другъ, за коимъ я всюду гонюсь, говорилъ такъ „сластолюбецъ своему пріятелю, есть „роскошь: сей то служу владычицѣ, „сему то божеству воздаю чествованіе; „ибо нѣтъ въ свѣтѣ ничего пріятнѣйшаго и толико достойнаго нашихъ „жертвъ, яко оно!„ — Какъ несмысленный! возопилъ я, ты усыпилъ совѣсть свою; и уже никогда щастливое ея пробужденіе не приведетъ тебя къ познанію плачевнаго твоего безумства! Увы! сей человѣкъ лишился лучшаго своего друга; сердце мое о немъ содрогается, а его утопаетъ въ безчувствіи.

Придворный.

Многочисленная толпа окружаетъ его и поклоняется ему такъ какъ и самъ сей идолъ Государю своему поклоняется; всѣхъ онъ привѣтствуетъ, на всѣхъ улыбается. На лицѣ его толикое являлось смущенїе и толь великая различность страстей, что долгое время не возможно было проникнуть, кая главнѣйше страсть имъ обладаетъ. Наконецъ заключилъ я, что то властолюбїе; а сїе и въ самомъ дѣлѣ обыкновенная есть пружина дѣйствующая душею придворнаго. Съ того часа твердо увѣрился, что безполезно было бы его и вопрощать о щастїи. Дабы не вкушать никогда невинныхъ забавъ и спокойствїя, довольно быть только у Государя любимцомъ. Злоба и зависть вооружаются противъ ложнаго наперсникова сїянїя; ласкательство лїетъ на него пагубный свой ядъ. Его благополучїе и щастїе зависятъ отъ произвола его Государя: народъ кипитъ злобою противъ вельможи дворскаго, и клевета обезображаетъ его дѣйствїя. О Боже! коль непреодолимъ трудъ угодить цѣлому на-

роду? Дни мои начались въ глубокой неизвѣстности: да благоволитъ небо тако имъ и кончиться. Да благоволитъ токмо даровать мнѣ единого друга: никогда не поревную славѣ и суетнымъ почестямъ придворнаго. Но что говорю, друга? небо не даровалоль уже его мнѣ въ Юліи? О мой лучшій другъ! ты со мною всѣ утѣхи раздѣляешь, ты услаждаешь мои горести, ты несравненною своею пріятностію умѣешь успокоивать волненіе страстей моихъ, и твое непорочное веселіе раждаетъ радость и въ душѣ моей. И такъ придворный едваль меня богатѣе: пусть предложатъ мнѣ знаменитый чинъ, я отрекусь онаго; ибо почто обременяться властолюбіемъ человѣку, половину уже теченія дней своихъ свершившему, человѣку, который не знаетъ что наступающая минута, можетъ быть послѣдняя есть минута его жизни?

Красавица.

Въ нѣсколькихъ отъ меня шагахъ проходила прекрасная женщина; поступь

ея благородна и стройна. Обозрѣвъ ее узналъ я, что это Гж. * *. Тщетно старалась она скрыть лютую тоску свою, яже снѣдая душу ея проливалась на взорахъ: весь ея образъ глубокую изъявлялъ скорбь. Душа сея прекрасныя жены толь чиста, коль самая непорочность; се истый храмъ чести, но она нещастна: глупости и пороки ея мужа суть неизчерпаемый для нея источникъ посрамленія и горести. О неблагополучная супруга! щастіе одарило тебя своими благосклонностьми; но ты не меньше тѣмъ достойна сожалѣнія. Относя даже къ моей Юліи, прилѣпившейся къ бѣдному церьковнику: она не столь прекрасна коль ты, здоровье ея не такъ цвѣтуще какъ твое; но пусть время течетъ въ быстротѣ своей, пусть старость напечатлѣетъ на чертахъ Юліи остріе своихъ перстовъ; никогда ради сего не забуду я тѣхъ прелестей, кои плѣнили меня узрѣвшаго ее впервые у священника В.., проваживающую въ саду удрученнаго немощію почтеннаго своего родителя. Коликія имѣла тогда прелести нѣжная сія роза, сей согбенный подъ тягостою престарѣлаго

своего родителя образъ невинности! „Посвяти себя сей младой и любви достойной красотѣ„: гласило мнѣ мое сердце, и я не могъ сладкому сему гласу сопротивиться; вскорѣ потомъ Юлія стала моей супругой.

Молодый сельскій господчикъ.

„Ба! да здѣсь ярманка„ говорилъ онъ мнѣ идучи мимо: „кажется, будто цѣ„лый свѣтъ тутъ столпился; хорошо „кабы эта куча весельчаковъ въ моемъ „гуляла саду по праздникамъ. Эй! ба„чка, посовѣсти, изряднаябъ была са„матоха.... Но что это? не смѣешь„сяль надо мною? да полно велика мнѣ „и нужда въ вѣжливыхъ твоихъ рас„казахъ, я совсѣмъ не ученъ, не желаю „и учиться, права такъ.„ Тѣмъ для тебя хуже: отецъ твой лучше бы сдѣлалъ, когдабъ меньше оставилъ тебѣ богатствъ, и болѣе благовоспитанія: не былъ бы ты толь часто предмѣтомъ посмѣшища и презрѣнія въ человѣческомъ родѣ. Полученное мной наслѣдіе конечно съ твоимъ несравни-

тельно: ибо не имѣю ни пространнаго сада, ни огромнаго замка для угощенія многолюдныхъ собраній; но я хорошо разумѣю языкъ моего отечества, а можетъ быть языка два или и три также иностранныхъ . . . между тѣмъ какъ ты едва въ силахъ произнести имя отца твоего, пришелъ бы въ великое смятеніе, когдабъ принужденъ былъ сложить буквы составляющія имя крестной твоей матери, хотя она въ самой вещи не иное *что* была, какъ только служанка.

Философъ.

„Каждая ступень ведущая насъ къ но„вымъ познаніямъ прологаетъ путь къ „новымъ печалямъ„ говорилъ такъ проходившій мимо меня философъ; и кто бы могъ въ сей истинѣ усомниться? Я самъ, увы! долгое время сомнѣвался до того, какъ мои размышленія убѣдили меня наконецъ, что смиренный пастухъ, коего душа только непорочна и ненапыщенно гордостію сердце, созерцаетъ природу съ чистѣйшимъ

удовольствїемЪ, и благотворенїями оной умѣетЪ наслаждаться лучше, нежели человѣкЪ заблуждшїй вЪ мечтахЪ своихЪ, и утверждающїй что онЪ всюду находитЪ совершенство и истинное благо. Я любилЪ философїю; но никогда не былЪ философомЪ, всегда живо чувствовалЪ скорби свои и скорби моей собратїи; и сохраню сїю чувствительность даже до гроба.

Нищїй.

,,БогЪ да благословитЪ ваше велико- ,,душїе! Удостойте подаянїемЪ мило- ,,стины нещастнаго вЪ злѣйшей его ,,крайности.,, — По твоему виду и словамЪ конечно находишься ты вЪ бѣдности; но почто не тщишься удалить отЪ себя ужасЪ глада пристойною тебѣ работою? Трудолюбїе всегда почтенно, а праздность влечетЪ сЪ собой презрѣнїе и бѣдность. — ,, Знаю ,,то, милостивый государь! но рожден- ,,ный кЪ независимости, воспитанный ,,вЪ нѣгѣ и вЪ опасномЪ изобилїи, не ,,могЪ я предвидѣть, чтобЪ бѣдность

,,стала нѣкогда моею участїю. Бывъ ,,наслѣдникъ великаго имѣнїя, надлежав- ,,шаго мнѣ по праву послѣ смерти мо- ,,его дяди, женился я безъ его позволе- ,,нїя на молодой дѣвицѣ, которую пред- ,,почелъ всѣмъ въ свѣтѣ сокровищамъ. ,,Она была добродѣтельна, и потому ,,не думалъ я, чтобъ можно было по- ,,хулить выборъ мой; это . . . . но увы! ,,я не могу ее описать вамъ достойно. ,,Дядя мой не могъ упрекать ее ничѣмъ ,,кромѣ бѣдности; однакожъ богатъ былъ ,,столько, что легко могъ ощастливить ,,насъ обоихъ. Онъ запретилъ мнѣ входъ ,,въ домъ свой, лишилъ меня наслѣдїя, ,,и укрѣпилъ оное постороннему. Же- ,,стокосердїе моихъ родителей столь ,,же было безчеловѣчно какъ и жесто- ,,кость дяди; а соединенный съ бѣд- ,,ностїю стыдъ и отчужденїе отъ насъ ,,прїятелей, скоро довели Елизу мою ,,до гроба. Въ болѣзни своей и отчаянїи ,,нашелъ я на нѣкое время убѣжище въ ,,больницѣ, выздоровѣлъ, и преданъ паки ,,моему злополучїю. Станется, что ,,могъ бы я и пренести его, естьлибъ ,,только Елиза спаслася, но она умерла! ,,И такъ, ежели прошу я васъ о подая-

„нїи, стократно съ большимъ еще усер-
„дїемъ молю моего Создателя о пресе-
„ленiи меня отъ сей плачевной жизни.„ -
Отвратился я отъ сего человѣка, дабы отъ него скрыть произведенную во мнѣ повѣстїю его жалость, такъ какъ бы устыдился благороднаго сего чуствованїя; но нещастный въ истинной тому причинѣ обманулся. —„Что это! вы от-
„казываете мнѣ въ подаянiи?„ произнесъ онъ жалостнѣйшимъ гласомъ; „и
„вы, какъ примѣчаю, подобно всѣмъ тѣмъ
„къ кому я ни прибѣгалъ сего утра,
„всемѣрно почитаете меня бездѣльни-
„комъ, ищущимъ ложно исторгнуть
„сожалѣнїе ваше и человѣколюбїе. По-
„дите, не оставляйте никогда вашихъ
„ближнихъ, коихъ найдете въ нуждѣ,
„и да проститъ небо жестокость вашу
„ко мнѣ!„—Другъ мой, ты обманываешься, я не варваръ: человѣкъ неповрежденный ласкательствомъ не удобенъ оскорблять ближняго въ его злополучїи. Прїйми сїю злашницу, не откажу тебѣ въ помощи подъ видомъ недостойнымъ, что ты мнѣ чуждъ: сїе состоянїе напротивъ подаетъ тебѣ непреоборимое право на мое о тебѣ сожа-

лѣніе; воспомяни нищету Лазареву и попеченія о немъ провидѣнія. Впрочемъ вѣря тебѣ не желаю я знать, подлинноль достоинъ ты сожалѣнія, надѣясь что ты никогда не сдѣлаешься того недостойнымъ, и узришь нѣкогда паки свою Елизу въ селеніяхъ безсмертныхъ. При сихъ словахъ оставилъ я его, дабы избѣгнуть благодарности.

Утверждаютъ, что и я брачными соединился узами неразумно: ибо Юлія не принесла мнѣ другаго имѣнія кромѣ самой себя; сіе однакожъ сокровище самое драгоцѣннѣйшее въ свѣтѣ. Притомъ колико я щастливѣе сего бѣднаго, будучи въ состояніи содержать себя съ любезною моей супругой. Не имѣю я подлинно излишества въ достаткѣ; но и не нахожусь въ той ужасной крайности, которой Елиза стала жертвою.

Алдерманъ.

При воззрѣніи на сего утучненнаго Алдермана пренеслись мои размышленія отъ образа нужды и отчаянья къ образу роскоши и изобилія. Колико золъ со-

бираетъ на главу сего человѣка пагубное его обжирство! почто колѣна его сгибаются подъ огромною тѣла его тяжестію? Увы! самое лучшее жизненное благо въ излишествѣ своемъ повреждается. Пусть новый сей *Гелїогабалъ* употреблять станетъ пищу токмо умѣренную, будетъ также легокъ и здравъ какъ и я.

Сколь я ни незнаемъ, сколь ни бѣденъ есмь, никогда однакожъ не пожелалъ бы за всѣ собираемыя великимъ иждивенїемъ на столъ сего человѣка яствы, промѣнять моего состоянїя, и сдѣлаться столь безобразнымъ какъ онъ. Зрите коль слабымъ движенїемъ силится онъ возбудить стомахъ свой! И такъ тщетно было бы давать совѣты таковыхъ свойствъ человѣку; пусть провождаетъ онъ пагубную свою жизнь въ непрерывныхъ пиршествахъ до того, какъ наконецъ самъ станетъ снѣдїю червей. Душа отвращается и трепещетъ отъ таковыхъ возмутительныхъ помышленїй; престанемъ о семъ думать.

Трубочистъ.

Что я вижу? и сей бѣдный замарашка вздумалъ такъ же войти въ паркъ Св.. Жамеса? „Какъ онъ дерзаетъ глотать „тотъ же самый воздухъ, которымъ „насыщается Государь его!„ Тако вопрошала гордость, но истина отвѣтствовала „не ужель не имѣетъ онъ равнаго къ тому права? И ежели щастïе „не дозволяетъ ему содержать толь „великолѣпнаго стола каковъ есть Алдермановъ: онъ напротивъ свободнѣйшее имѣетъ дыханïе, и въ лучшемъ „находится здравïи, нежель Алдерманъ.„ Коль великое благополучïе для сего бѣднаго человѣка, что тѣло его обратливѣе, нежели тучное и отвратительное тѣло Алдерманово! инакобъ мы въ жестокой нашлись необходимости чистить наши трубы сами, или видѣть его умирающа отъ глада. О бѣдняшка! само небо милуя тебя не благоволило, что бы твой станъ подобенъ былъ стану сего человѣка, который теперь лишь мимо тебя гордыми прошелъ стопами.

Купеческій прикащикъ.

Быть безпрестанно какъ на цѣпи приковану къ канторѣ, несносное поистинѣ состоянїе; и когда еще помышляется что то на многїе годы: есть отъ чего прїйти и въ отчаянье?

Естьли бы я былъ еще молодъ, весьма бъ досадно было мнѣ подъ толь тяжкимъ гнуться игомъ: сїе есть жертвовать вольность свою щастїю. И такъ по крайней мѣрѣ желательно, чтобъ юный сей человѣкъ научился доброе творить употребленїе изъ того блага, кое приобрѣтетъ онъ толь дорогою цѣною.

Лѣкарь.

Вотъ человѣкъ, котораго состоянїе почитаемо, и ремесло употребительнѣйшее въ свѣтѣ, не смотря на то, что вещественно смертоносные токмо враги человѣческаго рода были источникомъ благъ его. Лихорадка, горячка, подагра и водяная болѣзнь, сїи страшныя опустошающїя вселенну чудовища, суть

точно какъ друзья пекущїяся о его обогащенїи; самая оспа удивительно споспѣшествуетъ умноженїю его екипажей.

Весьма я чуждъ, чтобъ лѣкарскаго желать состоянїя: по крайней мѣрѣ не дойду до того, чтобъ ожесточить сердце свое противъ страданїй подобныхъ мнѣ; устыдилсябъ я таковыя нечувственности. Надобно, чтобъ лѣкарская душа безпрестанно была раздираема ужаснымъ зрѣлищемъ страждущаго человѣчества; ибо онъ о единыхъ токмо помышлять долженъ средствахъ облегчающихъ человѣческїя мученїя, въ такое время, когда самъ нимало не изъятъ отъ немощей соединенныхъ съ нашею природою. Въ чемъ же сїя наука заключается? Въ томъ, что бы наконецъ пасть самому задавлену подъ непреодолимою силою, отъ коей толь часто защищалъ онъ другихъ.

Генералъ Паоли.

Не устрашась многолюдныя окружающїя его толпы, вознамѣрился я сквозь

оную продраться, и посмотрѣть сего великаго мужа. Но увы! къ чему служатъ народныя рукоплесканія человѣку, который по безчисленныхъ подвигахъ принужденъ самовольно изгнать себя изъ отечества, и навсегда оставить храбрыхъ сограждан своихъ? Сердце его язвами ихъ разтерзанно; на челѣ на коемъ и прекрасная душа его знаменалася, можно было такъ сказать, читать изображеніе ихъ страданій. Пораженный на нѣсколько минутъ его злополучіемъ вскричалъ я: „Сей чело„вѣкъ есть Герой, но Герои не всегда „щасплив ы.„ *Паоли* по крайней мѣрѣ достоинъ быть благополучнымъ, и сіе утѣшительное помышленіе есть такое благо, коего никто похитить у него не можетъ. Монархи самые гордятся его дружествомъ; да можетъ быть онъ бы и царствовалъ, естьли бы не благоугодно было небу пощадить главу его отъ тягости короны; за сіе долженъ онъ быть признателенъ. Владычествующій порокъ великихъ душъ есть любовь къ славѣ; но слава цѣну свою имѣетъ токмо тогда, коль время и истина ея утверждаютъ: такова то есть слава

Паолїева. Но увы! онъ ею не наслаждается, и сердце мое о немъ стонетъ.

Методистъ.

Отнюдь не намѣренъ я одобрять безумную сїю секту: ибо вѣра нимало не состоитъ въ томъ, чтобъ воздѣвать съ притворствомъ руки и очи возводить къ небу. Жертва сердца чистаго есть единый достойный божества даръ. Но лицемѣрїе являющееся подъ ложнымъ покрываломъ строгости, дабы святотатственно восхитить наше къ себѣ почитанїе, посрамляетъ токмо священнѣйшее имя вѣры. Чувствованїе благосклонности и любви къ ближнему, еже высочайшее существо предписуетъ намъ имѣть ко всему вообще человѣчеству, осудило бы меня безъ сомнѣнїя, когдабъ возмнилъ я, что есть секты, въ которыхъ совсѣмъ не можно найти честнаго человѣка: согласенъ я, что добродѣтель весьма можетъ быть свойственна методисту, такъ что мое въ особности мнѣнїе всегда пребудетъ для него благосклонно; однакожъ не смотря на

то не престану я утверждать, что сія секта есть безумная.

Квакерка.

Поистиннѣ она пригожа: нарядъ ея простъ, пристоенъ, словомъ, она прекраснѣе всѣхъ сихъ движущихся куколъ дѣтскими уборами отягченныхъ; однакожъ не смотря на то кажется печальною. Пришла сюда искать своего любовника, но онъ не является: все сїе ясно изображено было на нѣжныхъ, бродящихъ и смущенныхъ очахъ ея. Берегись *Тавифа* да *Обадїагъ* не измѣнитъ тебѣ; но паче стрегись дѣлать ему опасныя упреки, да твоя нѣжность не подастъ ему тѣмъ болѣе надъ тобой власти, и ты не станешь толь же слабою, колико есь прекрасна.

Шутъ.

Возможноль слушать сего прегнуснаго шута съ удовольствїемъ? Его злорѣчїе на одинъ только часъ забавляетъ; но онъ часто причиняетъ намъ незагла-

димыя и даже смертельныя язвы. Самъ онъ кажется быть предмѣтомъ посмѣшища: колчаногъ, и весь его образъ толь же уродливъ, колико злобно и сердце. Сколько человѣкъ уклонились отъ него уязвленны и покрыты безчестіемъ? и въ ту самую минуту, какъ всенародно обнаруживалъ онъ пороки ихъ, самъ предавалъ нечестіе свое томужъ народному осужденію. ,,Отрини ,,убо злобный сей и угрызающій духъ; ,,престань отъ вредныхъ твоихъ шу-,,токъ! я сердечно буду радъ бесѣдо-,,вать съ тобой распивая бутылку *Оп-,,портскаго*, поелику не въ состояніи ,,потчивать тебя Шампанскимъ.,,

---

Игрокъ.

,,Разоренъ до основанія, проигралъ все ,,до послѣдней копѣйки! да будутъ про-,,кляты обманувшіе меня злодѣи!,, — Изрыгни, другъ мой, еще кучу такихъ проклятій, коихъ и произносить ужасно. Ахъ! кляни лучше собственное твое безуміе, нежель ставившихъ на тебя сѣти. Какая тебѣ была нужда поза-

видовать состоянію людей, кои проиграть ничего не имѣли? Все тебѣ возбраняло; вотъ теперь и ты сдѣлался столь же бѣденъ, сколь бѣдны были они, а можетъ быть еще и бѣдняе: нищета бо представитъ очамъ твоимъ тѣмъ паче ужаснѣйшій зракъ, а нужда раздирать будетъ сердце твое тѣмъ чувствительнѣе, что оныя будутъ плодъ собственнаго твоего безумія. Никогда не принимался я за карты, развѣ какъ случалось играть въ пикетъ съ Юліею; а тогда нимало не опасался тягостнаго проигрыша; но полно выхвалять собственныя свои качества очень смѣшно.

Щеголиха.

„Едва ступать могу!„ кричала такъ женщина, у коей обѣ ноги и плесны столь хорошо созданы, каковыхъ токмо видѣть бываетъ можно, такъ что великое имѣть должно щастье, чтобъ найти, даже во всѣхъ трехъ нашихъ царствахъ, подобныя ноги Леди, кои она узрѣть попустила, ибо приподняла юбку дабы не загрязиться. Ето щего-

лиха, слѣдовательно было бы не пригоже, когдабъ въ двашцатилѣтнемъ своемъ возрастѣ ходить умѣла; хотя, правда, впалабъ она въ отчаянье, естьли бы природа отъяла отъ нея и одинъ для существованія ея нужный членъ. Однакожъ быть ли лишенну, или не знать ихъ употребленія, сіе кажется почти все равно. Но смотрѣть, ходить, фи! это не по модѣ! И такъ предадимъ хулѣ развращенную моду, потщимся извинить Леди: ибо осмѣлюсь увѣрить, что она ходила бы столь же хорошо какъ и я, естьли бы не было моды кривляться на французскихъ каблучкахъ, кои не ширѣ серебреной копѣйки.

Мнимый недужный.

„Вотъ, *бѣдный страждетъ недугомъ.* „ Человѣчество направило стопы наши на другой край парка, дабы подать сему нещастному помощь. Ничто такъ мало уважаемо не было какъ больный; ибо два или три только человѣка ходили туда со мною. Но мы обмануты без-

дѣльникомъ; и я радовался, что обманутъ только единожды. Въ самомъ дѣлѣ не потерялъ я ничего, а сей человѣкъ погубилъ у народа всякую къ себѣ довѣренность, такъ что хотябъ онъ и вподлинну дошелъ когда до крайности, всегда будетъ обманутъ собственною своею хитростїю: ибо издыхать ли будетъ, станутъ думать что онъ провесть старается. Человѣкъ привыкшїй лгать, недостойнымъ является вѣры и тогда какъ говоритъ правду. Я съ моей стороны не согласился бы обманывать никого даже и въ самыхъ шуткахъ.

Петиметръ.

Что это! не юнаяль какая красотка рыщущая всюду по баламъ въ одеждѣ своего брата? Совсѣмъ нѣтъ; это называется петиметръ, творенїе женообразное, окропленное ароматами, тѣнь испещренныя бабочки, и въ одеждѣ своей полагличанина и полфранцуза: съ ногъ до головы легокъ какъ перо. Въ самой вещи это совершенный петиметръ, и я куплю въ токарной лавкѣ болванъ его

и подарю моему Карлу. Иногда захочетъ онъ посмотрѣть, что такое есть кукла его обнаженна ея украшенїй? и я увѣренъ, что послѣ сего не пожелаетъ ему уподобиться. Онъ благовонїями отъ себя наполняетъ воздухъ: но естьли бы имѣлъ естественно запахъ хотя выхухоля, коликихъ бы избѣгнулъ на опрыскиванїе себя издержекъ! но не радиль сокрытїя природныхъ своихъ недостатковъ благовонными омывается онъ водами? Въ семъ случаѣ ему простительно.

Сельская дѣвица.

Какое восхищенїе! какъ она всему удивляется! Я бы желалъ, чтобъ могла она скрыть свое удивленїе, дабы здѣшнїя вертопрахи не стали указывать на нее какъ на деревенскую дурачку пальцами; но паче желалъ бы, чтобъ не была она руководима нѣкїими такъ называемыми прїятельницами; инако легко можетъ стать жертвою простосердечїя. Какимъ образомъ отецъ отважился отпустить толь драгоцѣнное сокро-

вище въ таковую отдаленность отъ своего столь же надежнаго какъ и прїятнаго убѣжища? Лондонъ есть опасный градъ для красавицъ. Я увѣренъ, что нѣжное ея сердце восхищается уже отъ радости взирая на сїе прелестное окрестъ ея позорище. Но любезное дитя! воспомни, что наружность обманчива, и что мало найдешь ты людей безкорыстныхъ, кои бы подобно мнѣ сочли себѣ должностїю сказать тебѣ истину. Но мнѣ обычай въ томъ возпрещаетъ; да и ты конечно не повѣришь непрїятной истинѣ, произносимой устами невѣдомаго тебѣ человѣка.

Молодый человѣкъ возвратившїйся отъ путешествїй.

„Увѣрять меня, будто это гульбище „не такъ ужасно, что превосходитъ „даже всякое описанїе, о дуракъ! да и „толь грубый климатъ свойственъ глу„пымъ токмо здѣшнимъ обитателямъ.„ Сей щеголекъ путешествовалъ ради единой забавы, и потому вовсе отрекся здраваго разума: отвсюду принесъ съ

собой глупости только и пороки виденныхъ имъ народовъ; а честь, вѣру и человѣколюбіе потребилъ въ жертву своему безумію. Родители его поступили бы благоразумнѣе, естьли бы поберегли его при себѣ, и постарались о немъ лучше въ своемъ отечествѣ. Колико разнствуетъ онъ отъ почтеннаго B—d! Со всѣми превосходствами твердаго разсужденія и благовоспитанія, онъ въ путешествіяхъ своихъ старался видѣть ученыхъ мужей, и познать науки; вникалъ во нравы видѣнныхъ имъ народовъ, научился ихъ добродѣтелямъ, и душа его украсилась всѣмъ что ни обрѣлъ тамо достойнаго почитанія: тако пребудетъ навсегда украшеніемъ своего отечества, къ коему толико прилѣпленъ самъ. Желалъ бы я, чтобъ истина позволила мнѣ рещи тожъ и о другомъ; но опасаюсь, не путешествовалъ ли онъ на подобіе самодвижной куклы, перебѣгая только изъ одного мѣста въ другое, и возвратился наконецъ объѣздивъ, какъ говорится, всю вселенну, толь же съ пустою головою какъ и кошелькомъ.

Госпожа М. .

О дивная жена! коликагоб удостоился я щастія побесѣдовать токмо съ тобою! Но углубленна въ описанія намъ дѣяній и добродѣтелей усопшихъ знаменитыхъ мужей, ты легкомысленную бесѣду съ живущими всемѣрно отвергаешь. Рожденной со всѣми качествами нашего пола, и купно съ пріятностьми вашего, твое дружество есть неоцѣненный предлогъ моихъ желаній; да можетъ быть я того и достоинъ. Превосходный даръ, высокая душа, твердый разумъ и глубокое проницаніе, все сіе влечетъ къ тебѣ почитаніе и хвалы наши. Ты еси слава пола твоего и отечества. Ежели когда щастіе будетъ мнѣ благосклонно, творенія твои первое займутъ мѣсто въ моей книгохранительницѣ. Тако говорилъ я къ моей соотчицѣ посредствомъ воображенія, и сія мысль меня услаждала. Душа наша, увы! весьма часто мечтами насыщается.

Завистливый.

Сей человѣкъ конечно тяжкою нѣкою снѣдается печалію, потщусь о ней раз-

вѣдать. Почто нахмуриваетъ онъ брови свои являя толь негодующій видъ при воззрѣніи на сію нѣжную и смиренномудрую красоту? Когда богатый, щедрый и почтенный *Мелангтонъ* проходилъ мимо его, онъ казался страждущимъ; досада въ его взорахъ изображалася. Съ удовольствіемъ взирая на безчисленную толпу народа тѣснящагося окрестъ знаменитаго *Фловинга*, піита, витіи, философа и историка, который во всѣхъ сихъ нарицаніяхъ достоинъ нашего удивленія, и между тѣмъ какъ хвалы о немъ велегласно отъ устъ до устъ преносилися, пристально высматривая моего незнакомца увидѣлъ я его въ жестокомъ недугѣ: ибо вращая бродящія глаза свои грызъ ногти, а по сему движенію познал я и болѣзнь его. Изъ всѣхъ пороковъ по неблагодарности, гнуснѣйшій и презрѣннѣйшій порокъ есть безпрекословно зависть. Гнусенъ потому, что поврежденное изображаетъ въ человѣкѣ сердце и подлость духа, кои творятъ его склоннымъ ко всякому злодѣянію; презрителенъ потому, что означаетъ собственную нашу слабость; но паче по-

тому, что оный все еже природа къ нашему предназначила удовольствїю, претворяетъ въ ядъ. Сладчайшее чувствованїе человѣчества, ощущенїе красоты, драгоцѣнная оная способность познавать и почитать дарованїя и добродѣтели, словомъ, все что плѣняетъ душевныя праведнаго и чувствительнаго человѣка орудїя, причиняетъ завистливому стыдъ, и повергаетъ его въ отчаянїе: едино токмо неустройство можетъ исторгнуть отъ души его веселїе. О слабоумїе! нечестїе! Гнусный и жестокїй врагъ собственнаго твоего покоя! злый рокъ, слїялся съ бытїемъ твоимъ; каждое пагубное твое чувствїе проходитъ даже до твоего сердца, и проливаетъ въономъ каплю за каплею пожирающїй его ядъ.

Увѣчный солдатъ.

Какъ! ты служа своему отечеству и толико изувѣченный, не имѣешь ни убѣжища ни пропитанїя? — „Ни того „ни другаго. „ — Это безчеловѣчно! — И я оказалъ ему нѣчто болѣе, не-

жель одно сожаленie: ибо простая жалость не моглабъ утолить глада беднаго сего человека. Конечно нещастливъ онъ потому что никемъ изъ вельможъ нашихъ не примеченъ; однакожъ сей почтенный предлогъ человеческаго сострадания всякое утро влачится между ими; но понещастiю большая часть нынешнихъ людей въ зренiи своемъ близоруки. Где же есть добродетельный богачь, который бы потщился употребить внимательный взоръ на усмотренie толь скорбныя твари яко сей старый и изувеченный воинъ; твари толико бедной, который жертвовалъ жизнь свою, едино токмо сокровище, коимъ онъ располагать могъ по своей воле, и жертвовалъ ради защищенiя нашихъ стяжанiй отъ свирепства непрiятелей? О благотворенie! куда ты удалилось? благодарность и соболезнованie, увы! отлетели по следамъ твоимъ, и сокрылися; зане сей мужественный гражданинъ не имеетъ даже убежища и не обладаетъ нималейшимъ участкомъ земли, гдебъ могъ главу подклонити.

Скупый.

Печаль и мрачная забота затмѣваютъ его очи; но человѣкъ подлый, запирающїй въ сундуки злато свое, и веселящїйся сокрытїемъ онаго, достоинъ ли нашего сожалѣнїя? нѣтъ, богатство его должно бы быть столь же мало какъ и душа его. Почто не принадлежатъ его сокровищи бѣдному оному покрытому ранами воину! Кая польза въ богатствѣ человѣку, который и не знаетъ и не хочетъ изъ него никакого творить употребленїя? Подлое его свойство отчуждаетъ его всякаго союза: благородныя удовольствїя проистекающїя отъ любви къ ближнему, дружества, благотворенїя и сообщества, никогда ему не извѣстны; никогда не имѣлъ онъ у себя друга, сего сладчайшаго и нужнѣйшаго всѣхъ въ свѣтѣ благъ, безъ коего мїръ сей есть безплодная и ужасная пустыня. Самые его дѣти горятъ желанїемъ той только минуты, въ нюже сей злощастный возвѣщенъ будетъ о оставленїи сего жилища смертныхъ, кое окалялъ онъ своимъ на немъ пребыванїемъ. Свойство его толь же без-

человѣчно коль и гнусно, и жизнь его есть тяжкое токмо для нихъ мученїе. (Подлость и сребролюбїе не имутъ жесточайшихъ мучителей кромѣ самихъ себя) Минута, когда предавать будутъ землѣ презрѣнный его прахъ, не исторгнетъ отъ сердецъ ближнихъ его нималѣйшаго вздоха; и сїе есть не ложное доказательство, что пороки его посрамляютъ и возмущаютъ природу человѣческую. Толь гнусный человѣкъ охотно отрекся бы и небеснаго даже царствїя, естьлибъ токмо попущено ему было вѣчно пресмыкаться на сей землѣ посредѣ сокровищь столь же какъ и самъ онъ презрительныхъ.

Сестры.

,,Аннушка, душа моя! пригожали я въ ,,этомъ чепчикѣ?,, — ,,Очень, Пашенька; ,,ты прелестна.,, — ,,Увѣряюжъ тебя ,,сестрица, что и ты прекрасна, и мы ,,вѣрно исполнимъ надежду матушкину ,,вышедъ за богатыхъ дворянъ. Не ви- ,,дишь ли, что половина здѣсь знат- ,,ныхъ барынь не столь хороши какъ

„мы?„ — Подобные сему помыслы, думалЪ я, могутЪ содѣлаться для суетности вашей источникомЪ стыда и раскаянія: ибо наконецЪ должно будетЪ сіи огромныя мечты умѣрить. Естьли бы красота только одна была орудіемЪ, могущимЪ преклонять знатныхЪ людей кЪ бракамЪ, выбЪ узрѣли множество прекраснѣйшихЪ женщинЪ. О безумная гордость! дочери булавочника мечтаютЪ себѣ высокихЪ степеней потому что искуство и природа совокупно одарили ихЪ непротивными лицами. Суетно и смѣха достойно упованіе и матери! Предайте сіе забвенію, и вы стократно будете щастливѣе вЪ простотѣ вашего быту, нежель питаясь толико опасными коль и смѣха достойными мечтами. Естьли бы простолюдины рачительно внушали дѣтямЪ своимЪ, коль важно есть чредить свое поведеніе примѣняясь кЪ тому состоянію, вЪ коемЪ благоугодно было постановить насЪ провидѣнію, не узрѣвалибЪ мы столько нещастныхЪ жертвующихЪ собой народному любострастію, и поносному распутству. Праздность и роскошь сугубятЪ обольщенія. Убо да пе-

кутся матери паче о томъ, чтобъ одѣяніе дщерей ихъ было плодомъ честнаго трудолюбія, въ коемъ употребляя меньше суетности, но украшая его непорочною простотою, познаютъ истинную онаго цѣну.

Арабъ.

Почто я при воззрѣніи на него чувствую въ себѣ нѣкое непріятное движеніе? Правда, видъ его отвратителенъ, но естьли его душа чиста и непорочна, какая мнѣ нужда до цвѣта его тѣла? Это рабъ! — Человѣчество содрогается видя толь же благородное твореніе, стенящее подъ игомъ рабства, подверженное всенародной продажѣ и содержимое по примѣру рабочей скотины, принуждаемо и привыкшее къ тяжкимъ трудамъ. О стыда! о чудовищнаго злотворенія! — Увы! и сіи злополучные часто бываютъ здравѣе, а можетъ быть и довольнѣе господъ своихъ. Сей особенно нещастный утѣшаясь надеждою узрѣть по смерти свое отечество, единымъ токмо горитъ же-

ланïемъ увидѣть себя между неблагодарными, безчеловѣчно продавшими его сограждане. Сïе помышленïе есть едино благо, коимъ онъ наслаждается. Толико то естественна человѣку любовь, влекущая его къ мѣсту рожденïя; оно воспоминаетъ ему прïятныя дни его непорочности. Но могутъ ли они прельщать раба? нѣтъ; или должно чтобъ онъ совсѣмъ забылъ безчеловѣчныхъ своихъ родителей, кои съ самаго еще младенчества обрекли его въ жертву лютой алчности своей къ презрѣнному металлу. И такъ престань стремиться въ тѣ ненавистныя мѣста, гдѣ страннопрïимство и права естества человѣческаго невѣдомы суть. Я обѣщаю тебѣ блаженство истинное и неоцѣненное. Всѣ бо смертные взявъ отъ горящихъ Гвинейскихъ песковъ, даже до льдистыхъ морей; всѣ, повторяю, безъ сомнѣнïя рожденны суть для вѣчнаго блаженства въ нѣдрахъ благаго Бога, ихъ создателя и всеобщаго отца.

Сладострастный.

Вотъ человѣкъ каковыхъ сладострастными называютъ! Почтожъ взоры его мрачны и унылы суть? Едва онъ тащится; младенецъ начинающій только становиться на ноги, не столь бываетъ слабъ какъ сей дряхлецъ. Всемѣрно онъ изъ числа тѣхъ, кои всѣ спасительные имъ совѣты отвергаютъ? убо самъ себѣ жесточайшій врагъ: никто не могъ стати ему таковымъ врагомъ, дабы подвергнуть его толь многимъ и соединеннымъ немощамъ? Толико погрязъ онъ въ сластолюбіи, что самый поврежденный въ умѣ человѣкъ, самый строжайшій пустынножитель, по двадцатилѣтнемъ своемъ постѣ и плотоумерщвленіи, не могъ бы казаться столь изнуреннымъ какъ онъ. Взирая на него сердце мое страждетъ и возмущается. Увы! тщетно приводитъ онъ собой въ жалость друзей своихъ; тщетнобъ самъ *Юнгъ* покусился исправить его своими писаніями. Человѣкъ отвергающій совѣты дружества, подобенъ есть человѣку закоренѣлому въ заблужденіяхъ, кои и погу-

бятЪ его; ибо чемЪ болѣе предстоитЪ ему опасностей, чемЪ болѣе имѣетЪ онЪ нужды извлеченнымЪ быть отЪ его заблужденій, тѣмЪ меньше удобенЪ на сіе согласоваться.

ГерцогЪ Д....

Я узналЪ его свѣтлость по добродѣтелямЪ блистающимЪ на челѣ его и во взорахЪ. Но щастіе обитаетЪ ли подЪ сими величія и достоинства знаками? БезЪ сомнѣнія, онобЪ во славу себѣ вмѣнило участію быть знаменитыя сея особы. Но онЪ тяжкіе испускаетЪ вздохи; язвы точащія еще кровь его отечества, раздираютЪ его сердце: убо нещасливЪ, хотя и знаетЪ что достоинЪ быть щастливымЪ. О дабы возмогЪ я сіе самое убѣжденіе отнести и во гробЪ мой! нѣтЪ вящшаго достоинства, коегобЪ честолюбіе мое желало; по толь бо драгоцѣнномЪ благѣ нѣтЪ вЪ свѣтѣ ничего достойнѣйшаго почитанія.

Лордъ . . . .

Онъ подошелъ къ Герцогу, и хотя по всему меньшаго достоинъ почитанія; однакожь пышно провождаемъ множествомъ служителей. Казалось сама гордость нарядъ его уготовляла, или лучше, ей захотѣлось подвергнуть его тягостнымъ своимъ принужденіямъ: волосы его съ помощію пудры и помады всчесаные весьма уподоблялись вздымающимся дикобразовымъ игламъ.

Коль нелѣпую суетность вмѣшиваютъ знатные люди въ число своихъ дѣяній! Чтожъ они такое? презрѣнные невольники своенраваго и непостояннаго божества, модою нарицаемаго: ибо они ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни одѣваются и не спятъ иначе какъ по ея токмо законамъ. Небо да сохранитъ народъ сей отъ толь страннаго порабощенія! Гораздо лучше по своей волѣ въ старинномъ ходить казакинѣ, нежели въ безпрестанномъ быть мученіи подъ закономъ управляющихъ нашимъ гардеробомъ. Суетность не устрояетъ ни одежды моей ни трапезы; не приходитъ волосочесатель вседневно вер-

тить мнѣ голову, дабы тѣмъ удобными сдѣлать мои волосы къ щегольской завивкѣ. Поставляемое на столъ мой кухаркою, дорогою Марьею, кушанье, весьма здорово, вкусно, пріятно, такъ какъ мы съ Юліей любимъ; а независимость, вольность, опрятность и непорочное веселіе оное приправляютъ.

Размышленіе.

Паркъ начиналъ уже становиться пустъ, ибо насталъ часъ обѣда и для людей модныхъ, а часъ, въ которомъ малое мое семейство привыкло кушать, уже прошелъ: не разсудилъ я потому возвращаться домой прежде вечера; но вознамѣрился употребить остатокъ дня на пробѣжаніе купеческаго квартала. ,,Можетъ быть тамъ найду щастли- ,,ваго.,, (Часто благородная и мудрая душа подъ простою внѣшностію скрывается) ,,По крайней мѣрѣ употреблю ,,хотя цѣлый день на снисканіе того ,,блага, коего столько любомудрствовав- ,,шихъ тщетно во всю жизнь искали.,, Вышелъ изъ парка.

Портный.

„Люблю Сюзону, Сюзона любитЪ меня.„ ПѣлЪ такЪ во все горло портный сгорбившись на доскѣ вЪ углу лавки. — Да будетЪ любовь сія продолжительна! сказалЪ я вошедЪ вЪ лавку, и просилЪ его зачинить на кафтанѣ моемЪ прорѣху, сдѣлавшуюсь тогда какЪ вЪ горячѣ рванулЪ я руку свою изЪ рукЪ Юліиныхъ: нетерпѣніе всегда какимЪнибудь непріятнымЪ приключеніемЪ бываетЪ наказано. Портный тотчасЪ зачинилЪ, я заплатилЪ ему за трудЪ. — И такЪ мой другЪ, сказалЪ я, сЪ Сюзоной любитесь вы страстно? — „Что вы, су-„дарь, чрезЪ это разумѣете?„ — Я разумѣю что Сюзоной называется жена твоя.- „СовсѣмЪ нѣтЪ; ее, не во гнѣвЪ вашей „милости, зовутЪ *Пегъ*, и это такая „чертовка, какову едваль можно найти „во всѣхЪ рынкахЪ.„ — Желаюжъ тебѣ, любезный другЪ! сказалЪ я, обрѣсти небесное царствіе! и тотчасЪ спѣшилЪ отЪ него уйти: ибо крайне страшусь грубыхЪ и злыхЪ женЪ, а сверьхЪ того и опечаленЪ былЪ, услышавЪ бѣднаго портнаго перемѣнившаго даже свой голосЪ.

Пирожникъ.

Уже я проголодался, и потому зашелъ въ пирожню; хозяинъ подалъ мнѣ съ великою вѣжливостію стулъ, и спрашивалъ чего я желаю? Я попросилъ пирога съ угремъ, и во время какъ его ѣлъ, не могъ довольно надивиться учтивости сего человѣка ко всѣмъ къ нему входящимъ: ты угощаешь весьма изрядно, сказалъ я, и мнѣ кажется, что довольно у тебя знакомцовъ. „Правда, „государь мой! но не меньше тяжело „и ремесло мое; а привсемъ томъ, про„должалъ онъ качая головою, едва до„ставляетъ оно мнѣ пропитаніе.„ Я весьма былъ тѣмъ тронутъ; ибо по его взору разсуждалъ, что онъ съ прискорбностію говорилъ истину: за пирогъ его заплатилъ я двойную цѣну, и пожелалъ ему успѣха соотвѣтствующа его трудолюбію.

Трактирщикъ.

Оттуда зашелъ я въ трактиръ, вошелъ въ комнату и попросилъ бутылку вина. Хозяинъ сдѣлалъ мнѣ удовольствіе собесѣдовалъ со мною; но нѣкто вошедъ прервалъ нашу бесѣду.

Буянъ.

Это былъ человѣкъ, каковыхъ обыкновенно удальцами называютъ. Одинъ глазъ его покрытъ пластыремъ, платье оборвано, парикъ растрепанъ. „Здрав„ствуй хозяинъ! ты часъ отъ часу „какъ вижу толстѣешь; прикажитка „старая свинья подать вина бутылку, „мнѣ надобно опохмѣлиться. „ Трактирщикъ пошелъ исполнять приказъ его. „Тфу дьявольщина, продолжалъ „онъ обратясь ко мнѣ, съ какимъ это „удовольствїемъ нынѣшнюю ночь мы „проводили: двенатцать разбили ноч„ныхъ засвѣщеныхъ фонарей, трехъ „поколотили дѣвокъ, и досаждавшаго „намъ сквернавца лакея выбросили въ „окно.„ — И ты молодый человѣкъ осмѣливаешься удовольствїемъ называть богомерское злодѣянїе на жизнь своихъ соотчичей? — „Да естьли старый хрычь чтонибудь забавнѣе сего на свѣтѣ? „налейка хозяинъ стаканъ. Севодни „къ вечеру насъ десятокъ другой здѣсь „соберется; все хорошо кончилось, и „карманы довольно набиты. „ — Благополучнѣебъ ты былъ естьли бы голова

твоя не столь была пуста; она вмѣсто кармановъ должна быть снабденною. — „Ба! этотъ подлецъ дерзаетъ ругаться „надо мною; да знаешь ли ты кто „я?„ — Нѣтъ, никогда не имѣлъ я нещастія знакомится съ такими людьми, какъ ты: однакожъ уповая что есть еще въ тебѣ остатки человѣчества, любовь къ ближнему обязуетъ меня пожелать тебѣ обращенія на истинный путь. Думаешь ли что ты созданъ для того только, чтобъ умерщвлять слугъ и разбивать фонари? лучше бы тебѣ не быть совсѣмъ на свѣтѣ. — „Ахъ „Боже мой! да это конечно *Витфельдъ!* „(*) Такъ болтай же. Эй! хозяинъ, есть- „ли ты такихъ пускать къ себѣ ста- „нешь животныхъ, знай что никогда „насъ не увидишь; дай мнѣ другую ко- „мнату.„ — И вышелъ, какъ мнѣ казалось, съ удовольствіемъ. Это было такое чудовище, кое само въ себѣ казнилось, ибо чувствовалъ себя прегнуснаго бездѣльника; инако могъ ли бы убѣгать человѣка, который ничего

(*) Славный въ Англіи фанатикъ.

не сказалъ ему кромѣ правды? Такимъ то образомъ мы привыкшїе къ убїйствамъ и жестокостямъ, часто страшимся слабаго несѣкомаго, малѣйшаго призрака, словомъ, самаго ничего, которое однакожь насъ устрашаетъ. Вошелъ потомъ и хозяинъ выпить еще стаканъ вина, а за нимъ вбѣжала тотчасъ и жена его.

Трактирщица.

„Что ты тамъ Г. Фастидъ дѣлаешь? „ты попустилъ срамить меня симъ „вѣтренникамъ; какъ подлы твои мы„сли, безчувственный болванъ! — „Что „такое любезная Лизанька?„ — „А! лю„безная Лизанька! такъ права, вижу „что я тебѣ любезна; я тебѣ сказы„ваю, что этотъ вошедшїй сюда во„локита привелъ съ собой дѣвку, а я „не хочу, чтобъ мой домъ позоромъ „сталъ безчинїя.„ — „Да чтожъ дѣлать „душа моя, естьли этотъ молодый че„ловѣкъ хочетъ имѣть дѣвушку въ своей „комнатѣ, какую имѣю я власть ему „препятствовать?„ — „Очень хорошо,

„глупое твое воспитанїе и поведенїе „даже несносны, пѣй пожалуй, наливай „брюхото до тѣхъ поръ какъ оно ло„пнетъ.„ — Сказавъ сїе ушла въ ужасномъ бѣшенствѣ, не смотря на то, что передъ нами одна только была съ виномъ бутылка. Сей человѣкъ и портной, думалъ я, сами на себя попустили своевольство женъ: жена портнаго сварливѣе всѣхъ рыночныхъ бабъ, другая важно изъясняется, но обѣ только мучительницы бѣдныхъ мужей своихъ. Добродушный хозяинъ какъ оглушенъ былъ. Я заплатилъ ему за вино, а онъ множество наговоря благодарностей и надѣлавъ поклоновъ, примолвилъ: „Ахъ, государь мой! нѣтъ ни„чего ужаснѣе высокоумной женщины. „Лиза безпрестанно читая романы, о „движенїяхъ и страстяхъ душевныхъ „болтаетъ безъ всякаго разсужденїя; „ей и во снѣ грезится только добро„дѣтель, какъ будтобъ и вподлинну „всѣ люди о ея токмо думаютъ чест„ности.„ Не допускай же ее, другъ мой, отвѣтствовалъ я, господствовать, все тогда пойдетъ хорошо.„

Левъ.

„Льва смотрѣть, большаго Льва Бен-„гальскаго!„ кричали такъ по улицѣ: Отказался я отъ сего зрѣлища: ибо теперь лишь видѣлъ въ такъ называемомъ буянѣ животное свирѣпѣе льва, и трактирщицу въ образѣ Ангельскомъ крыющую сердце самыя ехидны. Довольно чтобъ въ одинъ день и съ двумя только сойтись чудовищами, и потому но покусился смотрѣть третьяго.

Лавка модной торговки.

Вотъ прекрасныя ленты, куплю ихъ для Юліи: но не сіе одно будетъ то добро, для коего я прогуливался; всемѣрно возвращусь домой разумнѣйшимъ, нежель какъ изъ него вышелъ. Вошелъ потомъ въ лавку. Хозяйка одѣта была гораздо щеголеватѣе всѣхъ своихъ куколъ, и не худо уподоблялась куклѣ Г. *Георга-Александра Штевенса.* Отрѣжь мнѣ пожалуй пять аршинъ этихъ лентъ; она приказала одной прекрасной своей ученицѣ ихъ отрѣзать.

Ученица модныхъ товаровъ.

Цвѣты сихъ лентъ, любезное дитя, не столь живы какъ цвѣтъ лица твоего; однакожъ они очень хороши; инако не купилъ бы я ихъ на украшенїе возлюбленной моей Юлїи. Румянецъ твой затмилъ бы блескъ и самыя весеннїя розы. Не стыдись душа моя, сїе мѣсто тебѣ неприлично: ласкательство есть ядъ для юности, которую опытъ не защищаетъ отъ его нападенїй. — „Но ежель вы государь мой, страши„тесь въ разсужденїи сего дитя дѣй„ствїй ласкательства, сказала мнѣ хо„зяйка, къ чемужъ эти учтивости?„ — Дай Богъ, чтобъ никогда не ласкали ей въ порочномъ токмо намѣренїи, отвѣтствовалъ я; но что до меня, я уже въ лѣтахъ; мое сердце не можетъ быть ей посвященно, такъ какъ не желаю привлещи и ея къ себѣ сердца. Да будетъ толь же прекрасна душа ея, сколь мило и лице, и да превзойдетъ она свое состоянїе. Прости любезное дитя; толикїя въ цвѣтущихъ дняхъ твоихъ прелести обѣщаваютъ тебѣ сїянїе долголѣтное. Да будутъ тебѣ благо-

разумїе и добродѣтель путеводительми вЪ семЪ земномЪ лабиринтѣ; да возлюбятЪ и свято почтутЪ честь всѣ кЪ тебѣ приближающїеся, такимЪ образомЪ, чтобЪ ихЪ кЪ тебѣ бесѣды насыщали душу твою якоже цвѣты представляютЪ пчелѣ ароматы, изЪ коихЪ они устрояютЪ соты свои. Она мнѣ поклонилась, а глаза ея и наступившїя на оныхЪ слезы, изобразили ея признательность. О! вскричалЪ я затворяя двери, когдабЪ я щастливый былЪ отецЪ нѣжныя сея розы, я бы желалЪ ввѣрить ее неприступнымЪ паче ШотландскимЪ горамЪ, или по крайней мѣрѣ превести вЪ другое состоянїе, удобнѣйшее кЪ промышленїю ей честнаго пропитанїя, нежель повергнуть вЪ толь нѣжномЪ возрастѣ, посредѣ такЪ сказать, храма суетности; и не еяль наипаче прелестямЪ одолжена и самая хозяйка, что толикое множество приходитЪ кЪ ней покупщиковЪ?

О ф и ц е р Ъ.

„Узы соединяющїя меня сЪ Генрїеттою драгоцѣнны мнѣ и священны; од-

„накожъ, Франкъ, не думай о мнѣ не-
„справедливо, чтобъ я и храбрость мою
„жертвовалъ любви; пусть только уда-
„рятъ въ барабанъ, и позовутъ меня
„на сраженіе: полечу, и съ тобой ку-
„пно вергнусь во среду непріятелей Ан-
„гліи; толикожь буду горячь при кро-
„вопролитіи какъ и въ любви.„ — Есть-
ли бы благоугодно было провидѣнію воз-
ложить вѣнецъ на главу мою: сей че-
ловѣкъ предводительствовалъ бы вой-
сками; и я покушался почти молить
Монарха о высочайшей къ нему мило-
сти. Ибо онъ, какъ я по мундиру его
примѣтилъ, былъ только порутчикъ;
и такъ, ежели нѣтъ у него сильныхъ
покровителей, сомнительно, чтобъ ко-
гда нибудь достигнулъ повышенія. Не
должноль думать что онъ посвятилъ
себя Государю своему и отечеству, ко-
гда жертвовалъ имъ обожаемою своей
супругой? Климатъ, привычка и самое
разтлѣніе возмоглиль бы преодолѣть
сію толь благородную душу? Нѣтъ,
тотъ находится въ безопасности отъ
прелестей порока, кто благо общее пред-
почитаетъ своему благополучію. Да
увѣнчаютъ же его успѣхи славою, и да

воспріиметъ онъ награду за свое мужество въ объятіяхъ любви.

Саложникъ.

Почто такъ печаленъ другъ мой? что это значитъ? конечно худо идетъ твоя работа? Сей бѣдняшка трудился съ унылымъ видомъ, и открылся мнѣ, что онъ влюбленъ, а жалости достоинъ потому болѣе, что красавица его къ нему немилосерда. — Принудь себя молодый человѣкъ забыть ее. — „Не могу, всечасно мечтается она въ глазахъ моихъ; „да вотъ, вотъ и она, вскричалъ какъ „изступленный: увы! не знаетъ она „коликія причиняетъ мнѣ мученія.„ — Успокойся любезный другъ! я люблю одолжать людей по возможности, поговорю съ нею о любви твоей; и естьли возмогу склонить ее въ твою пользу, возвращусь тебѣ сказать; естьли же нѣтъ, болѣе не увидимся.

Горнишная дѣвушка.

Безъ труда я догналъ ее, удержалъ за платье, и смотря на нее: поистинѣ,

сказалЪ ей, глаза твои удобны причинить смертельную язву. — „Сохрани „меня БогЪ! что вы это говорите?„ — Добродушный *Крепинъ* жалуется, что ты жестокосерда; онЪ умретЪ естьли ты не заплатишь ему взаимною любовїю. — „Пусть умретЪ, сказала она смѣ„ясь: ибо мнѣ лучше показалось вытьти „замужЪ за служителя, нежели сдѣ„латься женою бѣднаго сапожника: и „я нынѣшнягожь утра обвѣнчалась сЪ „нашимЪ *Вилїамомъ.* „ Сїя женщина показалась мнѣ нѣсколько избалована милостьми госпожи своей, и какЪ сверьхЪ того была уже замужемЪ, представилось мнѣ непристойно чтобЪ подЪ какимЪ бы то видомЪ нибыло, предлагать замужней женщинѣ о любви кЪ другому. И такЪ лишась всякаго упованїя, да и не желая впрочемЪ заводить новыя хлопоты, попеченїе увѣдомить сапожника о невѣрности его красавицы, оставилЪ я другому.

СадовникЪ.

Коль любезно твое упражненїе! подЪ твоими стопами земля благодѣянїями

природы покрывается; все цвѣтетъ, все прозябаетъ безъ опасенія; трудолюбная бо и тщательная рука твоя охраняетъ юныя растенія отъ вредныхъ несѣкомыхъ и отъ полуденнаго зноя. Годины самыя кажется постепенно вступаютъ въ премудрый ихъ порядокъ для совершенія блаженнаго труда твоего: благоуханія и ароматы окружаютъ тя. Коликое множество различныхъ плодовъ обѣщаваютъ тебѣ мзду за труды твои! Гвоздика, кринъ, шипокъ, украшеніе столовъ нашихъ, твоимъ стараніемъ проращенны суть. Сей малый участокъ земли трудами твоими воздѣланный, взаимно несетъ въ жилище твое всякое изобиліе. Предъ очами твоими истинная торжествуетъ красота, чужда ложныхъ помощей искуства и тлетворнаго дыханія ласкательства, коего краткость владычества и уничижительное паденіе ты зришь вседневно. Царіе востока посредѣ неблагополучныхъ красотъ, порабощенныхъ законамъ ихъ, не вкушаютъ таковаго удовольствія, каковымъ ты наслаждаешься; восходящая бо при утреннемъ твоемъ пробужденіи заря, безпре-

станно представляетъ тебѣ въ распускающихся цвѣтахъ твоихъ самые прелестнѣйшіе предмѣты. Тюльпанъ подобящійся непостоянной прелестницѣ роститъ, гордо возвышается, представляетъ удивленному оку безконечное различіе пестротъ своихъ, при солнечныхъ лучахъ распускается, но увы! единый токмо день торжествуетъ. Кроткій, напротивъ, сельный кринъ, подъ прохладною цвѣтущій тѣнію, кажется хощетъ сокрытись отъ нашего удивленія; бѣлизна и сіяніе его цвѣта ослѣпляетъ взоръ и плѣняетъ человѣческое сердце. Тако непорочность и незлобіе удостовѣряетъ красоту въ ея побѣдѣ, юже достойно приобрѣло ея смиренномудріе. Кое благоуханіе есть пріятнѣе благоуханія розы, фіалы и ясмина? Цвѣты являются быть образованіемъ человѣческаго сердца: въ нихъ блаженный земледѣлецъ находитъ наставленіе, каковаго человѣкъ обуреваемый мірскими суетами рѣдко обрѣсти себѣ можетъ. Въ вечеръ утомленному трудами, предлагаютъ ему сладкую и прохладительную пищу плоды его, кои аки бы продираясь сквозь листвіе, ма-

нятЪ кЪ себѣ его руку да соберетЪ ихЪ. НѣтЪ поистинѣ, нѣтЪ, повторяю, толь пріятнаго состоянія якоже состояніе садовника; ибо между тѣмЪ какЪ многоразличная пестрота цвѣтовЪ смѣсясь сЪ нѣжною зеленью, да обольститЪ взорЪ его, между тѣмЪ какЪ природа сыплетЪ изЪ нѣдрЪ плоды и обѣщаваетЪ ему обильное даровЪ ея собираніе; птички взаимною любовью сЪединенныя и собравшіясь на вѣтвіяхЪ древесЪ, празднуютЪ сладкими пѣсньми присудствіе своего господина.

Кладьбище.

Се мѣсто, гдѣ смерть торжествуетЪ! воззрю и на сіи мрачныя и ужасныя жилища, вЪ коихЪ она упокояется. УслышалЪ потомЪ погребательный звонЪ колокола: можетЪ быть сей торжественный глашатый возвѣщаетЪ мнѣ свобожденіе коголибо изЪ друзей моихЪ отЪ суетЪ сего міра: и я увидѣлЪ приближающіеся ко мнѣ проводы, коихЪ шествіе было медлительно, движенія стройны и печальны; младая госпожа восхищенна отЪ

сея жизни въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, провождаема была за симъ печальнымъ и мрачнымъ сонмомъ. Прахъ ея несенъ для погребенія близь нѣкоего благороднаго человѣка, коего надгробная пышно изображала пространную предковъ его роспись, и подлѣ него лежали презрѣнные остатки нищаго. Смерть приводитъ всѣхъ человѣковъ въ равенство. При самыхъ ногахъ сего нищаго погребенъ младый герой, который подобно оной красавицѣ, коей въ сей моментъ послѣдній воздавали долгъ, низшелъ во гробъ почти во цвѣтѣ лѣтъ, жертвовавъ жизнь спасенію своего отечества. Къ чемужь служитъ толикая важность, титлы, ненависть, богатство? Къ чему клонятся сіи непрерывныя волненія и сіи всечасно раждающіяся въ насъ замыслы? Не ужель мы безумные не познаемъ, что время всѣхъ насъ влечетъ въ тотъ же самый гробъ? Чтущій вещественнымъ благомъ едино безсмертіе нимало не ужасается грозъ гремящихъ надъ симъ обуреваемымъ свѣтомъ. Смерть есть знакъ примиренія: подъ ея то властію суетныя желанія глупости, и гордостью нареченныя до-

стоинствы съ прахомъ паки погребаются: и ихъ паденіе научаетъ насъ наконецъ познавать ничтожество вещей, къ коимъ они прилѣплялися. Почести, чины, красота, величіе, и вы также въ гробномъ пресмыкаетесь прахѣ! Но сколько есть безумныхъ относящихъ даже въ нѣдро смерти сію пышность и сіи смѣхотворныя мечты, коими они толико въ жизни своей превозносилися! Убо да покрыетъ мя съ тобою купно, любезная Юлія, простый токмо камень; да защититъ онъ единый священное убѣжище, въ немже почіетъ прахъ нашъ, отъ жестокаго гробокапателевой лапаты нападенія; и да чтетъ на немъ мимоидущій сію скромную надпись: *симъ камнемъ покрытая чета жила въ умѣренности и добродѣтели.* Вышелъ потомъ изъ кладьбища.

Токарная лавка.

Подходя къ сей лавкѣ пришло мнѣ въ мысль купить для моего Карла какую нибудь бездѣлушку. Вошелъ въ оную и выбралъ куклу изображающую пре-

краснаго дворянчика. Сія лавка представилась мнѣ образованіемъ цѣлаго свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, обитаемая нами земля есть пространнѣйшая токмо храмина, въ коей вседневно видятъ человѣка, занимающагося бездѣлками подобными тѣмъ, кои усматривалъ я въ сей лавкѣ въ мѣлочныхъ изображеніяхъ. Тамо щеголеватыя госпожи, петиметры, забавники; часы, перстни, птички и клѣтки; кареты, лошади, одноколки. Но всего достойнѣе вниманія былъ самый продавецъ сихъ мѣлочей.

По образу его и одѣянію онъ былъ дѣтинка около шестидесяти лѣтъ, одежда его запачкана и стариннаго покроя: это былъ образецъ хладнокровнаго и злаго сложенія. По его мнѣнію мода божество было толь непостоянное, что не почелъ онъ ее достойною дабы причислиться къ ея последователямъ. Прелестный полъ, а можетъ быть и прекраснѣйшее въ свѣтѣ твореніе, показался ему недостойнымъ также его почитанія; и сіе толь безумное доброты отчужденіе заразило его непреклонною горделивостію: словомъ,

нѣтъ ничего толь отвратительнаго и толь грубаго какъ сей малорослый человѣкъ, и я сердечно сожалѣлъ о немъ. Коликихъ бы не могла разлїять на его состоянїе прелестней любезная содружница? онабъ украсила позорище его тысящью прїятностей; и сей малый мїръ, сїе образованїе свѣта, сдѣлался бы чрезъ то сладчайшимъ. Но онъ возлюбилъ паче печальную и ужасную жизнь, дни неплодные, а можетъ быть въ нещастной и отверженной старости совершенное отъ всѣхъ оставленїе.

Должникъ веденный въ тюрьму.

Какая толпа! едва продравшись сквозь оную увидѣлъ я, что одного бѣдняшку тащатъ за долги въ тюрьму; нещастный возводя омоченныя слезами очи на небо, казалось умолялъ его о своемъ свобожденїи. Сердце мое тронуто было его скорбїю, и я вопросилъ, сколько онъ долженъ безжалостному его займодавцу? —„Десять фунтовъ стерлинговъ, кро„мѣ проторей.„ —Боже милосердый! за десять фунтовъ стерлинговъ погу-

бить человѣческую вольность! Радуясь что умѣреность долга дозволяла мнѣ свободить его, подошелъ къ нему, и отдавая всѣ деньги сколько со мной ни было: будь свободенъ другъ мой, сказалъ я, и никогда не отчаявайся въ божескомъ провидѣніи, хотябъ ты и въ ужаснѣйшемъ былъ нежели теперь состояніи. — Онъ хотѣлъ было повергнуться къ ногамъ моимъ; но я возпрепятствовалъ. Сей нещастный былъ честный человѣкъ, добрый супругъ и отецъ, и дни его не столь должны быть мятежны. Народъ отъ радости наполнилъ воздухъ восклицаніями, а я гордясь и будучи доволенъ болѣе, нежели ктолибо изъ нашихъ вельможъ являющихся вечеромъ ко двору въ великолѣпномъ одѣяніи, его оставилъ.

Правда, сожалѣніе къ ближнему опорожнило кошелекъ мой; но вмѣсто того я цѣлый еще годъ проношу сіе платье и шляпу, кои думалъ было какъ изношенныя уже бросить, а сіе самое замѣнитъ мнѣ мою издержку; согласенъ я что они очень ветхи, по крайней мѣрѣ должникъ свободенъ.

Темнота готовилась покрыть землю, ночь нечувствительно похищала отъ очей окружавшія меня предметы, и дневныя позорища въ бездну забвенія минувшихъ вещей уже погружалися.

Извощикъ.

„Не надобналь коляска, государь мой!„ —Давай мой другъ, ты поспѣлъ весьма къ стати. Утомленный тотчасъ сѣлъ въ оную; но прежде нежели трясеніе коляски дозволило мнѣ собраться съ мысльми, вдругъ показалось что человѣкъ стремится меня ограбить.

Мошенникъ.

Я точно угадалъ; ибо сей бѣднякъ мгновенно принялся за ремесло свое, и съ крайнею отвагою требовалъ отъ меня кошелька. Безумно было бы храбровать противъ него. „Вотъ кошелекъ, сказалъ я, только онъ пустъ, и при мнѣ „нѣтъ теперь ни копѣйки; а естьли „ты въ нуждѣ находишься, приди зав-

„тра поутру въ домъ мой, увѣряю „что навсегда забуду образъ тепере„шняго твоего со мной поступка, и „облегчу твою бѣдность.„ Но вмѣсто того онъ произнеся сквозь зубы какія то проклятія, ушелъ.

Странно какъ алчность къ злату возможетъ довести человѣка до толь крайняго заблужденія. Сей человѣкъ показался мнѣ новичкомъ еще въ своемъ промыслѣ, и даже неимѣвшимъ въ томъ и нужды. Ежели блескъ злата произвелъ уже столько надъ разумомъ его дѣйствія, и особливо когда сердце его не имѣетъ толикой твердости какъ адамантъ на испытаніе онаго, безъ сомнѣнія погибнетъ онъ навѣки.

Двери.

Коляска остановилась, служанка отворила мнѣ двери, я занялъ у нея два шилинга и заплатилъ извощику. „Какъ „я рада, вскричала добродушная Марья, „что вижу васъ возвратившагося бла„гополучно. Хозяйка весь день въ смер„тельномъ была о васъ страхѣ: ибо

„такъ сильно опасалася, что или вы „простудитесь, или не возвратитесь „домой сїю ночь, что ежель бы ее слы„шали, пришли бы въ жалость.„ Но Марья того и другаго напрасно опасалася.

Свиданїе.

„Гдѣ онъ? Кричала Юлїя: вѣрно я слы„шала голосъ моего супруга.„ Я вошелъ въ комнату, и мы бросились другъ къ другу въ объятїя. Обнялъ потомъ дѣтей, и ихъ невинныя ласки исторгли отъ очей моихъ нѣжныя слезы. Сядь любезная Юлїя, успокойся; ты всемѣрно чувствительна, судя потому образу, въ каковомъ оставилъ я тебя сегоднишняго утра. Посредственность моего состоянїя заставила меня роптать; а жребїй дѣтей нашихъ въ толикое привелъ меня безпокойство, что я безумно воображалъ себѣ, будтобъ никого уже не было нещастнѣе меня въ свѣтѣ. Но сїе вѣщала мнѣ внѣдрившаясь въ душу мою гордость: ибо я благополучїе свое существенно пола-

галъ въ томъ, чтобъ зрѣть тебя въ сіяніи и изобиліи, и чтобъ воспитаніемъ дѣтей нашихъ уготовать ихъ къ вышшимъ степенямъ. Но время въ отдаленіи отъ тебя провожденное мной на исправленіе моего безумія, и на снисканіе благополучія въ другихъ, сіе, говорю, краткое время ясно открыло мнѣ мое заблужденіе. Увѣренъ я теперь, что весьма мало есть смертныхъ, кои бы имѣли столько средствъ быть благополучными и довольными какъ я; конечно, ибо благополучіе въ насъ самихъ обитаетъ, и искать его индѣ, было бы крайнее токмо безуміе.

Много лѣтъ употребилъ я на мое обученіе; но никогда толь хорошо не позналъ человѣческаго сердца, какъ въ тѣ краткіе часы, кои препроводилъ на разбираніе онаго въ самомъ человѣкѣ. Сіе разсматриваніе показало мнѣ, что нѣтъ ничего невозможнаго терпѣнію и мужеству. Всѣ человѣческія состоянія имѣютъ свои удовольствія, кои часто убѣгаютъ насъ потому токмо, что мы не хотимъ ими наслаждаться. Бѣдный даже невольникъ, рожденный подъ палящимъ солнцемъ въ Гвинеи, находитъ

сїи удовольствїя: ибо претяжкая работа содѣлываетъ стомахъ его алчущимъ, и приправляетъ грубѣйшїя его яствы; и въ семъ уничиженномъ состоянїи, легчайшая отрада ощущается въ душѣ его съ толикоюжь силою, съ коликою самая слава, честолюбїе и побѣды дѣйствуютъ надъ душею сильнѣйшаго въ свѣтѣ Монарха. Нѣтъ толь ужаснаго состоянїя, котороебъ не приносило намъ утѣхъ. Тако увѣренные что есть степень, коей нещастїе преступити не можетъ, увѣренные что насъ сладчайшїй ожидаетъ жребїй, словомъ, увѣренные, что веселїя мїра сего нимало не доставляютъ намъ твердаго онаго блаженства, коего мы тщетно сыскать здѣсь покушаемся: престанемъ страшиться столь же непостоянныхъ коль и скоротечныхъ его мученїй. Ропотъ входя въ наше сердце, подавляетъ въ немъ сѣмена веселїй: тако охранимся онаго и не поработимся ему. Я не хочу быть превыше слабостей естества нашего; но устыдился бы предъ ними и унизиться. О любезная Юлїя! большая часть женъ душами своими подобятся невоздѣлан-

нымЪ землямЪ сухихЪ и неприступныхЪ горЪ; но твоя Едемскому уподобляющаяся саду, есть чистѣйшимЪ вмѣстилищемЪ всего, что токмо природа драгоцѣннѣйшее представляетЪ. Простота твоего украшенія весьма превосходствуетЪ предЪ великолѣпіемЪ и суетною пышностію знатныхЪ госпожь: красота бо не имѣетЪ нужды вЪ помощи искуства, зане никогда и ничѣмЪ толь украшена не бываетЪ, какЪ токмо сама собою. И такЪ не буду кому жаловаться на свой жребій, и мои отнынѣ старанія ограничатся единственно воспитаніемЪ дѣтей. Государь любимый своимЪ народомЪ, мало страшится непріятелей; мудрый и добродѣтельный человѣкЪ не боится превратностей щастія; а впрочемЪ и обладатель народа не обЪемлетсяль печальми часто вЪ самомЪ его ложѣ, между тѣмЪ какЪ любовь и мирЪ покоятЪ меня вЪ обЪятіяхЪ сладкаго сна? Совѣты мудраго и праведнаго человѣка утверждаютЪ безопасность Царей; вѣра есть надежнѣйшее предохраненіе отЪ тернія нашея жизни.

Такимъ то образомъ и я, подобно другимъ, уповалъ отъ міра сего болѣе, нежели сколько онъ даровать мнѣ могъ; однакожь всѣ предполагаемыя рокомъ препятствія не возмогутъ впредь поколебать меня. Истинное блаженство есть безсмертно, а потому и должно быть достояніемъ безсмертныхъ.

Конецъ первой части.

ПРОГУЛКИ Г. ФРАНКЛІЯ.

часть вторая.

Предпріятіе.

Въ первой моей прогулкѣ научился я довольнымъ быть своею участію. Философія дражайшая, каковой не могло мнѣ даровать все долголѣтное мое ученіе! Человѣкъ естественно стремится къ разпространенію своихъ познаній, и сіе безпрекословно самое благородное есть желаніе, каковымъ только можетъ упражненъ быть его разумъ. И такъ, поелику я въ первой прогулкѣ пріобрѣлъ уже сіе неоцѣненное благо, сирѣчь даръ довольнымъ быть тѣмъ состояніемъ, въ которомъ провидѣніе меня постановило: пройдусь еще разъ; можетъ быть обрящу новыя средства стати благополучнымъ. — „Ты можешь „также потерять чрезъ то и пріобрѣ- „тенное въ первой твоей прогулкѣ,

„преяло мое размышленіе.„ Но сія мысль показалась мнѣ уничижительною: ибо мы не всегда властны полагать предѣлы нашему воображенію; намѣреніе принято, и ничто не могло отвратить меня отъ онаго. При владычествующемъ въ сердцѣ моемъ спокойствіи, прошедъ малую сея плодоносныя земли часть, юже Творецъ природы во область далъ тварямъ своимъ, уповаю я обрѣсти сладчайшія еще удовольствія. Въ тишинѣ и спокойствіи души моей каждое зрѣлище представитъ мнѣ новыя пріятности; а можетъ быть возмогу я нѣкогда употребить сіи щастливо снисканные мною опыты и въ пользу другихъ. Сперва искалъ я щастливыхъ, теперь хочу искать нещастныхъ, и мнѣ не трудно будетъ найти оныхъ, поелику свѣтъ чрезъ нѣсколько недѣль не могъ еще весьма примѣтно перемѣниться. Нечаянность направитъ стопы моя: ибо не буду избирать ни времени, ни мѣста; потщусь содѣлать всѣхъктобъ ни пожелалъ внимать моимъ наставленіямъ, столь же щастливыми какъ есмь самъ. Доброжелательство вдохнуло мнѣ сіе намѣ-

реніе, а моя Юлія и ея добродѣтель не могли того не одобрить. Запасшись нѣсколькимъ числомъ денегъ и одѣвшись поутру въ понедѣльникъ, сказалъ я ей чтобъ она отнюдь не безпоколась до моего возвращенія. Ея попеченію препоручилъ я любовь мою и дѣтей нашихъ, и такимъ образомъ разстались мы въ полномъ удовольствіи. Естьли бы примѣтилъ я хотя одну слезу истекшую изъ глазъ ея, не пошелъ бы; но она знала, что долгъ мнѣ предлежалъ искать и приобрѣтать познанія; ибо испытала уже что оныя суть источникъ взаимнаго нашего благополучія.

Разговоръ самаго съ собою.

Идучи путемъ и размышляя о моемъ намѣреніи, говорилъ самъ себѣ: „Станется, что могъ бы иной почесть смѣшнымъ и то, что бѣгалъ я столько „гонясь за благополучіемъ; но нѣтъ конечно ни единаго человѣка въ свѣтѣ, „который бы не назвалъ меня безумнымъ, узнавъ, что ищу теперь уве-

„селенія снискивая нещастныхЪ. Одна-
„кожь благоразумноль было бы и то,
„чтобЪ придавать мнѣ сіи такЪ мало
„заслуженыя мною нариціанія? Я ис-
„калЪ сперва щастія, и хотя убѣж-
„денЪ, что не возможно наслаждаться
„онымЪ совершенно на семЪ шарѣ, отЪ
„коего влечемся мы вЪ непроницаемую
„бездну вѣчности; но удовольствіе
„толь близко кЪ благополучію клоня-
„щееся, обитаетЪ уже вЪ душѣ моей;
„а пріятности отЪ сего удовольствія
„проистекающія, и поставляютЪ меня
„превыше многихЪ подобныхЪ мнѣ. Я
„люблю, гонюсь за утѣхами, и безсо-
„мнѣнно наслаждаться буду оными, не
„тѣми токмо глупыми и законопреступ-
„ными стезями, кои человѣческое за-
„блужденіе проложило; но благоговѣй-
„но созерцая столь же плодоносные,
„коль и драгоцѣнные дары, имиже тво-
„рецЪ бытія моего ущедрилЪ человѣче-
„ство. Прекраснѣйшій видЪ природы
„и многоразличныя явленія коими она
„украшается, отверзутЪ и распростра-
„нятЪ способности души моей. Че-
„ловѣкЪ коего душа удивительнымЪ по-
„рядкомЪ вещей мірЪ сей составляю-

„щихъ, объемлется, долженъ быть до-
„бродѣтеленъ, кротокъ, благотворите-
„ленъ. И такъ, стану искать неща-
„стныхъ; сїе послужитъ къ облегче-
„нїю ихъ бѣдности; ибо увѣрю ихъ,
„что повсюду ростетъ тернїе купно
„съ шипками: они научатся нужду сно-
„сить веледушно и утѣшатся. „

Святый Павелъ.

Углубленный въ размышленїя разумноль, или нѣтъ, предпрїялъ я путешествїе, не примѣтилъ даже сего огромнаго, великолѣпнаго и безсмертнаго зданїя до тѣхъ поръ какъ толкнулся въ однѣ онаго двери, кои подобясь дверямъ небеснымъ отверсты суть желающимъ внити въ храмъ. Согласные мусикїйскїе звуки всегда мнѣ были прїятны, и я вошелъ въ оный. Гдѣ можетъ найтися человѣкъ толико несмысленный и толь поврежденнаго чувствїя, который бы не восхотѣлъ съ удовольствїемъ и удивленїемъ взирать на сїе чюдное искуство? И хотя въ семъ храмѣ бывалъ уже я можетъ быть болѣе пяти-

десяти разъ; но удовольствіе имже съ нѣкоего времени наслаждаться сталъ, такъ расположило душу мою, что я взиралъ на него съ новымъ паки удивленіемъ и съ пріятнѣйшимъ движеніемъ души моей. Благословилъ здателя сего величественнаго памятника, который, казалось, аки бы презиралъ вѣчно и самую ѣдкость все пожирающаго времени. „Безъ сомнѣнія, возо„пилъ я, отмѣнное имѣлъ онъ почи„таніе къ высочайшему существу, ко„ему сіе зданіе посвященно, такъ что „желалъ бы возвисить его даже до сво„довъ небесныхъ. Какъ скоро кончатся „общія моленія, взойду я на верхъ сего „храма.„ По окончаніи службы Божіей исполнилось сердце мое сладчайшаго веселія; и по пренесеніи нѣкіихъ трудностей въ прохожденіи сквозь многіе обороты тѣсною стезею, достигнулъ я наконецъ до высоты его колокольни. „Естьли бы небесный путь подобенъ „былъ сему пути, не трудно было бы „взойти на небо: ибо хотя въ самомъ „дѣлѣ стезя узка, однакожь удобна къ „восхожденію, и въ случаѣ упомленно„сти можно находить на оной мѣста

„отдохновенія. Но ахъ! не легчель, „можетъ быть, достигнуть небесъ, „нежель высоты сего зданія? Не болѣель пріятностьми наслаждаются „переходя отъ сея мятежныя жизни къ „безсмертію, нежели сколько возможетъ доставить мнѣ сіе мѣсто? Имѣюль въ сію минуту содружницу, котораябъ собесѣдованіями своими услаждала утомленіе и скуку, причиняемыя мнѣ безмѣрною высотою сихъ проходимыхъ мною степеней? Стезя моя „не устланна розами: я нахожусь во „мракѣ, ступаю по дикому растенію, „червіе и нѣсколько пауковъ суть толкмо одни оживленныя существы, кои „здѣсь меня окружаютъ.„ По возшествіи на вышшую площадь окружавшій меня мракъ исчезъ; и въ случаѣ когдабъ я пожелалъ вознестись выше, облака, казалося, готовились меня поддерживать. Но моя Юлія и дѣти наши имѣли во мнѣ нужду; и я не дерзнулъ пожелать другаго свѣта до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ продолжить послѣдній часъ моей жизни: весьма печальнобъ мнѣ было оставить ихъ на землѣ безъ путеводителя и покрова.

Взоры мои естественно въ низъ потомъ устремились; и колико весь бродящій и волнующійся тамо народъ показался мнѣ малымъ! Сія презрѣнная и съ толикимъ уваженіемъ къ суетностямъ своимъ мятущаяся толпа по моему мнѣнію весьма уподоблялась *Гулливеровымъ Лилипутцамъ;* но что до меня, я по своей кротости покушался уже сравнить себя съ *Бродинягцомъ.* Такимъ то образомъ напыщенный безумною гордостію человѣкъ размѣряетъ свое величіе по той степени, до коей онъ возвысился. Коль нелѣпую и нестройную картину представилъ потомъ очамъ моимъ сей пространный градъ! Казалось что домы кучами сброcаны были на домы, и улицы поставлены на улицахъ: сіе однакожь зрѣлище обольщало меня, такъ что желалъ бы я найтися вдругъ на верху толь высокія горы, дабы съ вершины оныя могъ обозрѣть всѣ земныя чудесности. Тако гордость втай преходила отъ очей до самыя моей души. Человѣкъ въ разсужденіи самаго себя никогда паче мѣры не можетъ быть остороженъ. Подъ видомъ достохваль-

наго любопытства, можетъ быть, суетныя желанія стремились уготовать мнѣ источникъ раскаянія. Страсти въ человѣческомъ сердцѣ якоже люди самые въ обществѣ, часто скрываются подъ ложною личиною. Уже я начиналъ мечтать себѣ, коль удивительны будутъ мои писанія и разговоры; и съ какимъ стремленіемъ толпы внимательнаго народа бѣгать будутъ, дабы увидѣть и узнать щастливаго смертнаго, *который единымъ мгновеніемъ ока могъ обозрѣть весь міръ сей.* Но время стало сходить мнѣ на низъ, и оставить то мѣсто, въ коемъ мысли мои распростерлися гораздо далѣе, нежели сколько было надобно для сохраненія моего спокойствія; тутъ уже не могъ я воспрепятствовать, дабы моя гордость не уязвлена была тѣмъ размышленіемъ, что можетъ быть я самъ того же еще дни казаться буду малорослымъ *Лилипутцомъ* комунибудь, коего любопытство заставитъ, какъ и меня, взойти на верхъ сего храма. Какъ же скоро сошелъ я опять на улицу, тотчасъ утѣшился, узрѣвъ людей больше или меньше, только подобныхъ моему стану:

но сердце мое сильнѣйше упрекало мнѣ, что неприлично человѣку попустить овладѣть собой суетности; а я внесъ гордость и тщеславіе даже въ храмъ посвященный смиренію и молитвамъ. Восхитившее меня позорище долженствовало бы уступить Августѣйшему присутствію и воспоминанію чудесныхъ дѣлъ того, егоже въ честь воздвигнутъ храмъ сей. Никогда не устрашался я признанія въ своихъ погрѣшностяхъ, коль скоро токмо познавалъ ихъ. Естьли бы въ сіе время не заперты уже были двери храма, возвратился бы въ оный, и умиленно простершись въ коемълибо потаенномъ мѣстѣ, сталъ бы молить объ отпущеніи грѣха моего; сталъ бы молить, дабы впредь сіе святое убѣжище, въ коемъ человѣкъ не долженъ предстоять инако какъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, осквернено не было толь грѣховными помыслами, съ каковыми я входилъ въ оный: убо да услышаны будутъ съ непорочною горячностію проливающіе въ немъ мольбу свою предъ высочайшимъ существомъ, емуже и самыя тайныя человѣческія помышле-

нія открыты суть! Сіе моленіе влі- янное въ душу мою любовію къ Творцу моему, было безгласно; но оное пренесено на крилахъ благотворенія въ высоту небесную; оно можетъ быть преклонитъ правосудіе Бога, коего гордость моя раздражила.

Собака.

„Поди сюда,„ сказалъ я ей, и наградилъ за усердіе лаская ее и потрепывая по шеѣ. По сіе время и не примѣтилъ я, что она бѣжала за мною. О бѣдный Трай, колико ты вѣрное животное, и какъ я радъ, что сотовариществуешь своему господину! сколько ты раздѣлялъ уже со мною трудностей днемъ и нощію! и коль ужасныя преносилъ бури и непогоды дабы слѣдовать токмо за мною! Ты всемѣрно не усомнился бы защищать меня и отъ самыхъ вооруженныхъ разбойниковъ, кои бы напасть на меня покусилися: толикая вѣрность ненаградима. Но любезный Трай, ты другъ некорыстолюбный. При сей къ нему ласкѣ стоялъ онъ на заднихъ лапахъ,

махалъ хвостомъ, и казалось будто силился молвить: „Ты господинъ несравненный!„ — И такъ, когда природа лишила тебя дара говорить, она наградила тебя драгоцѣннѣйшимъ даромъ, благодарнымъ сердцемъ. Нѣтъ въ свѣтѣ толь презрѣннаго существа, коего бы благодарность не содѣлала благороднымъ. Но ахъ! должно ли чтобъ въ разсужденіи сея великія добродѣтели, толь часто безсловесныя твари подавали человѣкамъ поучительные примѣры? Ежели бы я родился въ свѣтъ неблагодарнымъ, не дерзнулъ бы постановить себя въ сравненіе съ чувствительнымъ Траемъ. Благодарность толикую имѣетъ силу надъ сердцемъ человѣческимъ, что я не могу даже и помыслить, чтобъ человѣкъ могъ отринуть сладчайшую для себя самаго должность, дабы облегчить состояніе вѣрнаго и усерднаго къ нему служителя.

Почтовая коляска.

Оная остановилась точно подъ знакомъ медвѣдя какъ проходилъ я мимо сего

вольнаго дома, и разсудилъ тутъ отобѣдать: ибо ежели не долженствовалъ надѣяться множества различныхъ яствъ, по крайней мѣрѣ уповалъ что различїе особъ и свойствъ, коихъ увижу въ семъ домѣ, доставятъ мнѣ нѣкое удовольствїе. Вошелъ потомъ въ залъ и сѣлъ съ прочими за столъ.

Обѣдъ

„За ваше здоровье, государь мой!„ сказалъ мнѣ нѣкто незнаомый, и я благодарилъ его, ибо ничто не можетъ быть обязательнѣе таковаго пожеланїя. Обозрѣвъ потомъ всѣхъ со мной находившихся, коль странное увидѣлъ я сборище! Матрозъ, щеголиха, писательница, шарлатанъ и я бѣдный нравоучитель сотовариществуемый собакою. Щеголеватая Леди нашла случай по обыкновенїю своему говорить со всѣми, и въ ту самую минуту какъ свидѣтельствовалась небомъ, коль безмѣрно ее терпѣнїе, грозила согнать съ двора всѣхъ тѣхъ служителей, кои не срѣтятъ ее при ея домой прибытїи.

Матрозъ кляль и хвалиль кушанье. Шарлатанъ всевозможными ласкательствами старался внѣдриться въ благосклонность младой Леди, и потому во всемъ согласовался съ ея мнѣнiями. Писательница кушала въ глубокомъ сидя молчанiи, которое едиными только вздохами прерывалося. Слыша оныя душа моя была тѣмъ тронута. Ѣвши мало и потому отобѣдавъ скоряе другихъ, имѣлъ я время по воспрiятому намѣренiю предаться размышленiю объ окружавшихъ меня предмѣтахъ.

Примѣчанiе.

Коль различныхъ особъ и коль чудную смѣсь нравовъ часто заключаютъ въ себѣ сiя повозка и тѣ мѣста, въ коихъ останавляется она для отдохновенiя! Сколько тамо нѣжныхъ обольщено сердецъ, и коликимъ приключенiямъ забавнымъ, иль пагубнымъ, любо́ь подала случаи! Сколько щастливыхъ сходбищь! сколько можетъ быть непредвидѣнныхъ нещастiй находили въ тѣсномъ нутрѣ сея повозки! О

естьли бы говорить она могла, кольстранныя обнаружились бы тайнствы! сколькобъ забавныхъ открылось приключенiй! Здѣсь-то нашелъ бы человѣкъ о чемъ подумать и цѣлые годы.

Удивленiе.

Взглянувъ потомъ на сидѣвшихъ за столомъ размышленiя мои претворились вдругъ въ удивленiе, такъ что весьма досадовалъ я на свою задумчивость; ибо щеголиха, матрозъ и шарлатанъ разпростились съ хозяиномъ по Французски такимъ образомъ, что вѣжливость не почли они употребительною вещiю въ тракшрѣ: забыли наблюсти благопристойность. Испускавшая вздохи женщина, надъ которою какъ примѣтилъ я собесѣдовавшiе насмѣхалися, сидѣла противъ меня, и была въ толь глубокой задумчивости, что почитала и меня равномѣрно ушедшимъ. — „Конечно она нещастлива, по„говорю съ нею. Юлiя не станетъ ре„вновать, естьли и увидитъ меня на„единѣ съ человѣкомъ одинакаго съ нею „пола.„

Одинъ на одинѣ.

Вы кажетесь мнѣ, сударыня, нещастливою. — „Подлинно, щастїе меня гонитъ, государь мой, я предмѣтъ его „ненависти.„ — Щастїе слѣпо; инако не поступалобъ оно съ вами толь жестоко. Досадно, что рокъ и люди кажется совокупно враждуютъ на достоинство. Впрочемъ хотябъ я и не былъ любимцомъ сего слѣпаго божества: отнюдь не утверждаю, чтобъ совершенное ея меня отверженїе великость души моей означало; смиренномудрїе несомнительное есть доказательство превосходнаго разума. — „Разумъ, государь „мой, весьма въ маломъ уваженїи; и „наипаче когда не соединено съ нимъ „богатство. „ — (Благородныя души всегда откровенны суть и неудобны къ подозрѣнїямъ.) Она просила меня выслушать ея приключенїе.

Повѣсть.

„Рожденна по нещастїю съ нѣкоторымъ разумомъ и съ чрезвычайнымъ „стремленїемъ его украсить, первые

,,жизни моей годы проводила я въ на-
,,укахъ, вмѣсто того что оба вообще
,,пола обыкновенно тратятъ сїе время
,,въ игрѣ, въ забавахъ, веселїяхъ. Же-
,,ланїе прирастить знанїя мои усугу-
,,блялось купно съ лѣтами. Мущины
,,взирали на меня какъ на диво, но жен-
,,щины говорили что я дура. Отецъ
,,мой умеръ оставивъ меня въ бѣдно-
,,сти, и я обитая посредѣ людей не-
,,милосердыхъ, окруженна непрїятель-
,,ми, была, такъ сказать, игралищемъ
,,ихъ озлобленїя и презорства. Нѣкто
,,молодый человѣкъ искренно любя меня
,,съ давнаго времени, и коему вручила
,,я свое сердце, предложилъ тогда мнѣ
,,бракъ, я согласилась и мы соедини-
,,лись брачными узами. Но жестокїй
,,жребїй гналъ насъ, и пролїялъ ядъ
,,свой на всѣ тѣ средствы, кои мы ни
,,предпринимали къ нашему пропита-
,,нїю. Постигшїя супруга моего бѣд-
,,ствїя, хотя оныя и превосходили вся-
,,кую человѣческую прозорливость, при-
,,писаны были браку его съ женою бе-
,,зумно прилѣпившеюся къ словеснымъ
,,наукамъ. Однакожъ всѣ усилїя злобы
,,и нещастїя не возмогли союза нашего

„расторгнуть. Я издала въ свѣтъ одно
„творенiе подъ чужимъ именемъ, подъ
„покровомъ котораго веселилась хва-
„лами общества. Но увы! сiя токмо
„и была мзда полученная за трудъ мой;
„ибо не возмогла избавить тѣмъ по-
„чтеннаго своего супруга отъ жесто-
„каго темничнаго заключенiя; безчело-
„вѣчный заимодавецъ нѣсколько уже
„дней тому заключилъ его. Теперь
„пришла я продать новый трудъ въ
„рукописи, уповая за него получить
„достаточную сумму на его свобож-
„денiе; и тогда пойдемъ искать у
„какоголибо другаго народа сердецъ
„чувствительныхъ и благотворныхъ,
„кои окажутъ намъ страннопрiимство,
„въ чемъ наши сограждане отказали.„
—Небо да благословитъ трудъ твой
и увѣнчаетъ его щастливымъ успѣ-
хомъ! да низпошлетъ тебѣ провидѣ-
нiе по крайней мѣрѣ ту прiятную умѣ-
ренность, которая безъ сомнѣнiя един-
ственнымъ предмѣтомъ твоихъ же-
ланiй! Сердце мое требуетъ твоего
дружества; имѣя супругу которая съ
удовольствiемъ раздѣлитъ оное со
мною, прошу тебя ея именемъ при-

нять сію малость. — „Да обрящете, „отвѣтствовала она отрѣвая мою руку, „да обрящете столь же благотворныя „сердца коль ваше; и да будутъ пред„мѣты вашего благотворенія достой„ны того ихъ благодарностію! Я имѣю „пять гиней, твореніе мое еще не „продано; но вы много найдете не„щастныхъ, коимъ ваше благодѣяніе „стократъ будетъ нужнѣе нежели „мнѣ.„ — Ахъ! въ самомъ своемъ злощастіи умѣешь ты сострадать о нещастіи другихъ! о благородная и превыспренная душа! По сему, что отъ нея слышалъ, легко уже понималъ я и самыя разліянныя въ ея твореніи чувствія. Не намѣряясь привести ее въ уныніе, но по обыкновенной токмо въ дружбѣ предосторожности, дабы усладить безвременіе, которымъ жизнь ея была угрожаема, сказалъ: увѣренъ я сударыня, въ вашемъ просвѣщеніи и достоинствахъ; но скажите, имѣетель вы кого нибудь изъ критиковъ пріятеля; — „Я всю надежду полагаю на „мое твореніе: и такъ да позволится „въ семъ случаѣ мнѣ самой отдать себѣ „справедливость. Разумѣю что вы ска-

„зать хотите; но я противу всѣхъ „нападеній уже вооружилася.„ Послѣ сего поклонясь она вышла, и взоры мои провождали ее столь далеко, коль было возможно. О прекраснѣйшая жена! возлюбленный философъ! коль блаженна ты одѣянная въ мужество способствующее тебѣ ко пренесенію нещастій! зане съ мудростію Гомера, съ превыспренностію Милтона, съ благороднымъ краснорѣчіемъ Поппа, съ обширнымъ и мужественнымъ разумомъ Шакеспира и съ сладковѣщательною философіею новаго твоего друга Эд . . Франклія, когда токмо ты безъ покровителя, влачивъ дни свои подобно мнѣ въ бѣдности и незнаема, скончаешь жизнь якоже и отецъ поэзіи, въ презрѣніи и бѣдности. Тогда къ чему послужатъ великолѣпныя гробницы, пышныя надписи и украшенія, словомъ все чѣмъ слава покрыетъ безчувственный уже прахъ твой? Расточенныя оныя отцами нашими къ знаменитымъ усопшимъ даже до гробовъ ихъ, почести, суть поношеніе нашего вѣка, въ коемъ едва удостояютъ воззрѣнія на сіи чудотворныя души рожденныя для просвѣ-

щенія и наученія нашего. Безъ сомнѣнія пріятно воображать, что таковая воздвигнутая достопамятность, яже сокрыетъ прахъ нашь, возбудитъ нѣкогда любопытство, почтеніе и удивленіе. Но должноль, чтобъ сіе мысленное удовольствіе во время еще жизни нащея поражаемо было ядовитыми стрѣлами зависти, и оскорбительными взоры презрѣнія? Должноль чтобъ жизнь наша удручаема уже была тяжкою дланію нужды? Я самъ конечно мало имѣю достоинства, приписываютъ мнѣ онаго еще и меньше; однакожь случится, что воздадутъ нѣкую справедливость и мнѣ, когда уже я существовать не буду. Какаяжь мнѣ въ томъ нужда? Не желаю я чтобъ тѣ, кои во время житія моего вмѣшавъ меня въ толпу народную, пришли потомъ безполезную воздавать праху моему почесть. Мало имѣю я честолюбія, оно съ жизнію моей и кончится; по крайней мѣрѣ изключая изъ того надежду на безсмертіе, а говоря объ однихъ токмо желаніяхъ на семъ тлѣнномъ и гиблющемъ мірѣ. Да будетъ убо покрытъ гробъ мой колючимъ терніемъ для любопытныхъ, кои

придутъ на оный попирать токмо ногами скрывающую меня мураву! Но да устранитъ послушное сїе тернїе вѣтви свои, и претворится въ благовонную мирту для того истиннаго друга, который, хотябъ и не имѣя ничего кромѣ слезъ, удостоитъ сокрытый тамо прахъ мой пролитїемъ ихъ въ нѣжномъ и сокрушенномъ безмолвїи! Тако повѣствованїе нещастныя оной оставившей меня жены возмутило спокойствїе души моей! Ея бѣдствїя коихъ я облегчить не могъ, стѣснили мое сердце, и сожалѣнїе о ней исторгло отъ онаго горькїя жалобы. Съ таковымъ моимъ свойствомъ, чувствую, никогда не будутъ меня почитать философомъ; и признаюсь въ суетности своей, что мнилъ себя могущимъ поучать другихъ мужеству и терпѣнїю тогда, какъ самъ нимало не прїобрѣлъ еще сихъ добродѣтелей. Отсюду позналъ я, что опытъ есть величайшїй учитель; ибо естьли я и предполагаю въ теченїи дней моихъ свергнуть съ себя соединенныя съ природою моею слабости: изъ сего не долженъ уповать ничего кромѣ стыда и раскаянїя. Рожденный съ погрѣш-

ностьми и слабостьми человѣческими, положу, что съ помощїю разума преодолѣю нѣкїя заблужденїя; положу также, что могу сдѣлать важную сїю услугу и другимъ; но не смотря на то несовершенство всегда пребудетъ моимъ жребїемъ даже до того мгновенїя, какъ уступая смертоносной косѣ времени, престану подвластнымъ быть его владычеству. Съ сими размышленїями оставилъ я гостинницу, будучи тотъ же самый философъ какъ и вошелъ въ оную; да можетъ быть и *умнѣе* сдѣлался потому только, что умѣлъ познать свою *глупость*.

Прогулка.

Послѣ сего разсудилось мнѣ пройтися въ Іслингтонъ, и какъ я хотѣлъ итти туда тихо, надлежало мнѣ поспѣть въ домъ подъ знакомъ бѣлыя трубы точно къ полднику. И такъ пустившись въ путь вскорѣ оставилъ я сгущенный съ дымомъ градской воздухъ, и почувствовалъ себя столь же облегченна и весела, колико и птицы парящїя надъ

главой моей въ воздухѣ и напрягающія горлышки свои къ пріятному пѣнію. Возможноль при таковомъ прелестномъ позорищѣ, въ которомъ торжествуетъ невинность, веселїе и простота сельская; возможноль, говорю, пребыть съ сердцемъ печальнымъ и недовольнымъ? Нѣтъ, обольщенный мысленный взоръ отвергаетъ таковое предположенїе; тщетно въ семъ случаѣ разсужденїе противоборствуетъ. Коль прекраснѣйшїе виды природа и искуство здѣсь соединила! Коликое различїе и пріятности окрестность сїю украшаютъ! Естьли бы человѣческое сердце столь было совершенно; естьли бы порядокъ владычествовалъ въ немъ толь же удивительно, какъ въ семъ маломъ мірѣ: не узрѣвалибъ мы обитателей его непрестанно ропщущихъ, другъ друга гонящихъ, озлобляющихъ и взаимно истребляющихъ, какъ будтобъ и въ самомъ дѣлѣ не было на землѣ столь достаточнаго пространства, дабы каждый занявъ на ней участокъ свой, трудиться могъ въ изобиліи и спокойствіи. Но увы! еще обольщался я сими размышленіями, какъ молодый тремя кра-

сотками провождаемый вертопрахЪ, проходя мимо толкнулЪ меня такЪ сильно, что едва важная особа моя не уткнулась носомЪ вЪ землю. Сего толчка не возможно мнѣ было предвидѣть, ибо провидѣніе не одарило меня, якоже зайца, способностію видѣть со всѣхЪ сторонЪ, и даже позади себя. ДругЪ мой, сказалЪ я ему, сіи прекрасныя особы долженствовали бы тебя научить вѣжливости, и ты не толкалЪ бы такимЪ образомЪ человѣка незнакомаго; человѣка никогда тебя не озлобившаго, и который нимало не думая мѣшать вашимЪ забавамЪ, размышлялЪ только, не нарушая ничьего спокойствія, о красотѣ природы. Мы на одномЪ теперь пути, и неужель пришелЪ ты на сіе кЪ общему всѣхЪ удовольствію устроенное мѣсто ради содѣланія изЪ него мѣста позорищнаго на испытаніе силЪ и озлобленій? — „А что тебѣ за нужда мѣшать „намЪ? отвѣтствовалЪ молодый человѣкЪ; не надобналь тебѣ одна изЪ „этихЪ дѣвушекЪ? убирайся-ко бачка! „ты насЪ не обманешь. ВпередЪ когда захочешь дѣлать нравоученія, „изволь-ко остаться дома, тамЪ твое

„мѣсто: свѣтскїе люди философамъ не „товарищи. Вы на то только и со„зданы, чтобъ устрашать юношество „и истреблять веселїя; однакожь ме„жду тѣмъ какъ проповѣдуете другимъ, „и всенародно вопїете противъ поро„ковъ и прїятныхъ нашихъ заблужде„нїй, нѣтъ ничего распустнѣйшаго и „сладострастнаго въ свѣтѣ, чегобъ са„мимъ себѣ втай не позволяли.„ При сихъ словахъ оставилъ онъ меня, и новыя Еввы, его другини, возхвалили буйство своего оратора громкимъ хохотаньемъ. Боже милосердый! человѣка лѣтъ моихъ подозрѣваютъ будто онъ веселїю другихъ завидуетъ, и такимъ образомъ осмѣваютъ и озлобляютъ за то едино, что восхотѣлъ онъ минуту благоговѣйно воззрѣть на дѣла своего Создателя! Но я ему прощаю: пусть веселится онъ причинивъ оскорбленїе человѣку, который не токмо никогда не былъ, но ниже казался быть его непрїятелемъ: и какъ повстрѣчался уже я съ такою тварїю, которая не шутя почла меня страшилищемъ общежитїя, безъ опасенїя вмѣшаться теперь могу въ толпу народную.

Трактиръ подъ знакомъ бѣлыя трубы.

Всѣ покои наполнены были людствомъ такъ что продираясь отъ передней комнаты до залы, добрался я наконецъ и захватилъ уголокъ стола не инако, какъ стиснутый и провождаемый толчками. По многихъ тщетныхъ прозбахъ принесли мнѣ поджаренаго хлѣба и кофи, и подлѣ себя увидѣлъ я двухъ влюбившихся, кои толико привлекли къ себѣ мое вниманїе, что едва я на прочихъ находивщихся со мной и взглянуть могъ.

Влюбленныя.

Казалось что природа при созиданїи сихъ двухъ творенїй истощилася: оба равномѣрно прелестны, оба въ цвѣтущихъ лѣтахъ производящихъ нѣжность и красоту. Пастушокъ проворенъ и сладкорѣчивъ, пастушка то нѣжна, то робка и недовѣрчива. О небо! сколько призвано обитателей твоихъ во свидѣтельство чести и добродѣтели мла-

даго обольстителя! Сїе притворство мнѣ не понравилось, и вселило въ мысль мою о его чистосердечїи сомнѣнїе; ибо честный человѣкъ никогда не дѣлаетъ прибѣжища къ клятвамъ. Въ самомъ дѣлѣ, почто бы призывать онъ сталъ свидѣтелей, естьлибъ не зналъ, что не будетъ конечно услышанъ въ его призыванїяхъ? Безъ сомнѣнїя, всѣхъ небеснаго царствїя обитателей было бы недостаточно удовлетворить безчисленнымъ онымъ призыванїямъ, коимъ любовь въ подобныхъ сему случаяхъ подаетъ поводъ; да частобъ являлись они и не къ стати, такъ что ихъ присутствїе крайне разстроило бы измѣнническїе хитрыхъ нашихъ волокитъ замыслы. Но какъ бы то нибыло, ниодинъ изъ нихъ не снизшелъ открыть ложь сего призывателя, не смотря на то, что пришествїемъ своимъ содѣлалъ бы и самыя торжественныя клятвы непоколебимыми, естьли бы въ сїе мгновенїе, не вошла одна особа, коея нимало не желалъ онъ прибытїя, и которой скоропостижное явленїе привело его несравненно въ большее замѣшательство, нежель каковое бы причинить

могъ самый величайшій изъ святыхъ мучениковъ. „А га! вскричала такъ пробѣгающая залу женщина, попался наконецъ; для этой-то презрѣнной красотки ты меня оставилъ? Но она „равную почувствуетъ какъ и моя „участь; она меня не лучше. Друзей, „родъ, честь, богатство, все я для „тебя презрѣла; и въ возмездіе за толикую къ тебѣ любовь, неблагодарный! „ты измѣняешь мнѣ для первой попавшейся тебѣ на глаза женщины.„ При сихъ словахъ поднялся во всемъ собраніи смятенный шумъ. Дѣвица узрѣвъ свою соперницу упала въ обморокъ въ руки коварнаго своего любовника, отъ коего казалось хотѣла уйти. — „Клара! „говорилъ такъ молодый человѣкъ новой своей Медеѣ: Ты жестоко будешь „раскаяваться въ толь недостойномъ „своемъ поступкѣ.„ — Позвольте мнѣ, государь мой, сказалъ я ему, подать сей нещастной помощь, между тѣмъ какъ вы постараетесь удалить отсюда другую; ибо малѣйшее вновь озлобленіе сдѣлаться можетъ для сей нѣжной и чувствительной души пагубнымъ. Онъ оставилъ красавицу моему попе-

ченію, и ушелъ съ своею ревнивою, которая не въ спокойнѣйшемъ находилась состояніи какъ и другая. Покровительствуемая мной опомнилась; я уговорилъ ее пройтись со мною въ садъ для воздуха. И хотя она въ самую сію минуту обманута была бездѣльникомъ; но мое одѣяніе, лѣты, и степенный видъ, нимало не позволили ей усомниться въ моемъ доброжелательствѣ, и она тѣмъ охотнѣе слѣдовать за мной согласилась, что случившееся съ нею приключеніе, несказанный возбудило смѣхъ между находившимися тутъ женщинами, кои явно порицали ее глупостію и легковѣріемъ. И такъ далъ я ей руку свою и повелъ изъ зала вонъ.

Садъ.

Избѣгнувъ такимъ образомъ грубыя народныя толпы, говорила она мнѣ: — „Государь мой! судя по одѣянію, но болѣе еще по человѣколюбію вашему, вы „кажетесь мнѣ служитель того благаго Бога, коему угодно было послать „васъ ко мнѣ въ покровителя и друга:

„сіе благодѣяніе пребудетъ вѣчно на-
„печатлѣннымъ въ душѣ моей. Увы!
„никогда не имѣла я въ подобномъ сему
„благодѣяніи толь великія нужды, такъ
„что естьли бы не сокрыли вы меня
„отъ глазъ нескромныя сея толпы, за-
„мѣшательство мое подобнобъ было
„горести моей. Вы видѣли меня въ
„товариществѣ и покровительствѣ та-
„кого человѣка, коего предложеніе от-
„вергли мои родители, и для кото-
„раго однакожь я отказала любви до-
„стойному молодому человѣку, назна-
„ченному отъ нихъ мнѣ въ супруга.
„Хотя имѣла я нѣкогда основательныя
„причины подозрѣвать Роланда въ не-
„чистосердечіи; но не смотря на то
„вышла изъ родительскаго дома сего
„дня послѣ обѣда подъ видомъ посѣ-
„щенія нѣкоторой моей пріятельницы.
„Съ нимъ сюда пріѣхала, и онъ силь-
„нѣйше старался уговорить меня ѣхать
„съ нимъ въ Шотландію, такъ что
„сдѣлалась бы я конечно жертвою ко-
„варныхъ его обѣщаній, естьлибъ толь-
„ко не ускорила нещастная оная жен-
„щина объявить правъ своихъ. Боже
„милосердый! возопила она потомъ за-

„лившися слезами: другая владѣетъ „тѣмъ сердцемъ, кое единственно сво- „имъ я почитала.„ Слезы ея чувстви- тельно меня тронули; ибо сіи слезы отъ оскорбленныя любви и непорочно- сти проливалися. Въ печали своей упо- доблялась она лиліи жалостно согбен- ной подъ тягостію утренней росы. — Сіи окружающіе насъ цвѣты, сказалъ я ей, не столь блистательны коль ты. Но къ чему служитъ красота и всѣ пре- лести, когда нѣтъ сердца способнаго къ испытанію пагубнаго обольщенія? Любезное дитя! ты была неразумна, но невинна. Ежели любовь повергаетъ иногда жертвы свои на брегу пропасти, недремлющее провидѣніе бдитъ о нихъ и избавляетъ ихъ отъ опасности. Ис- требижъ навсегда изъ сердца твоего вѣроломца, который обмануть его ста- рался, не позналъ бо его достоинства. И дабы совершенно загладить погрѣш- ность твою, отдай его, отдай сердце сіе тому, коего родители твои тебѣ избрали. Время и разсудокъ скоро по- могутъ тебѣ забыть недостойнаго при- чинителя слезъ твоихъ. — „Послѣдую „совѣту вашему; но государь мой, удо-

„спойные проводить меня въ домъ мой,
„дабы я имѣла удовольствіе предста-
„вить васъ лучшему въ свѣтѣ роди-
„телю. И впрочемъ ваше присутствіе
„пощадитъ меня отъ новыхъ озлобле-
„ній человѣка, коего хочу я отнынѣ съ
„толикимъ же стараніемъ убѣгать, съ
„каковымъ, увы! стремилась прежде
„искать его.„ — „Сей часъ найму ка-
„рету и провожу васъ.„

Разлука.

Въ то самое время какъ мы хотѣли садиться въ карету, явился вдругъ виновникъ сего безпорядка, и удержавъ спутницу мою за руку: „Любезная *Ал-*
„мена, говорилъ онъ, куда ты ѣдешь?
„не ужель оставишь меня за то, что
„этой фуріи вздумалось ввергнуть меня
„въ отчаянье?„ — „Отстань безчест-
„ный человѣкъ,„ вскричала *Алмена* въ ужаснѣйшемъ гнѣвѣ, „отстань, душа
„моя тебя презираетъ.„ — „Не возмо-
„жно, ангелъ мой! нѣтъ, ты меня не
„покинешь; клянусь тебѣ небомъ, кля-
„нусь Создателемъ вселенныя, что эта

,,женщина мнѣ и незнакома.,, — ,,Пре-
,,стань свидѣтельствоваться небомъ,
,,которое толькратно озлобилъ уже ты
,,подлыми и ненавистными своими кля-
,,твами. Сердце мое тебѣ не принадле-
,,житъ, другой лучше познаетъ его цѣ-
,,ну, ему хочу вручить его и свою руку.
,,А ты, когда есть еще въ тебѣ хотя
,,остатки чувствія, потщись загла-
,,дить клятвопреступствы свои въ
,,очахъ оныя обманутой тобой жен-
,,щины. Ступай извощикъ! Срамно что
,,и останавляюсь я толь долго съ симъ
,,гнуснымъ развратникомъ непорочно-
,,сти.,, Такимъ образомъ оставили мы
бѣднаго Роланда посрамленна и повер-
женна въ горестнѣйшія размышленія,
въ возмездіе за презрѣнныя его оболь-
щенія.

Полчаса.

Поистинѣ, сударыня, вы героиня, ска-
залъ я ей, обольщенный ея мужест-
вомъ. — ,,Геройство мое только на
,,устахъ: но сердце тяжкою удручено
,,скорбїю. Свѣтъ золъ неблагодаренъ,

„свирѣпъ. Что мы вседневно въ немъ „узрѣваемъ? Измѣны, злодѣянія, бѣд„ствіе. — Ахъ, государь мой! когдабъ „извѣстный врагъ покусился на посра„мленіе мое и на самую погибель, сно„сно бы было таковое для меня поку„шеніе; но *Роландъ*, другъ мой, коего „избрала я себѣ въ супруга, на коего „душа моя все упованіе возлагала, и „котораго долгое время почитала нѣ„жнымъ и искреннимъ себѣ покровите„лемъ, пріемля совѣты его драгоцѣн„нѣйшимъ наставленіемъ! Теперь при„хожу сама въ себя; конечно, погашу „сію поносную страсть, исполню же„ланіе моихъ родителей, содѣлаю ща„стливымъ *Фиделія*.„ Тронутый почтенною и благородною ея горестію, (ибо сіе не баснословную изображало душу, но естественное изліяніе чувствій нѣжнаго и великодушнаго сердца) жалѣлъ я почти о несмысленномъ, который по неразумію своему толь драгоцѣннаго лишился сокровища. Взявъ потомъ ея руку: Забудь, сказалъ я, напоенныя ядомъ измѣнниковы обѣщанія. Ты конечно знаешь, я въ томъ не сомнѣваюсь, что есть Существо на кое

впредь должна ты возлагать свое упованіе; сіе Существо не попустить, чтобъ душа толико благородная и толь нѣжная, посвятивъ себя его законамъ, тщетно вздыхала о неблагодарномъ. Но любезное дитя! не почитай толико малымъ и веселій сея жизни; ибо едино безвременіе нарушило спокойство души твоей. Свѣтъ непрестанно представляетъ блаженныя минуты любимцамъ щастія, а ты кажешься изъ числа ихъ.

Свиданіе.

Карета остановилась у воротъ обширнаго и изряднаго зданія въ улицѣ де ***. *Алмена* вышедъ изъ оной просила меня итти за нею. Я подалъ ей руку и мы вошли въ покои, гдѣ увидѣлъ я почтенную чету и еще младаго любви достойнаго человѣка, кои всѣ трое были въ слезахъ и въ крайнемъ безпокойствѣ: природа бо и любовь совокупно тамо страдали. Лице провождаемой мною красавицы покрылося румянцомъ цѣломудрія и боязливости. — „*Алмена*, воз„любленная дочь! возопилъ почтен-

,,ный ея родитель, почто толико опе-
,,чалила ты сердца наши? Почто убѣ-
,,гаешь сего честнаго человѣка, кото-
,,рый страждетъ и не смѣетъ изобра-
,,зить тебѣ своего сокрушенія? Прія-
,,тельница твоя которую ты посѣ-
,,тить хотѣла, теперь лишь вышла
,,отсюда, и какому благополучному, или
,,нещастному обстоятельству одол-
,,жены мы посѣщеніемъ сего незнако-
,,маго?,, — ,,Милостивый государь, от-
,,вѣтствовала чувствительно трону-
,,тая раскаяніемъ *Алмена*, мое преслу-
,,шаніе и дружество сего благороднаго
,,мужа привели его сюда. Я пользуясь
,,вашими родительскими милостьми ко-
,,варно скрылась отъ васъ съ человѣ-
,,комъ, коего запретили вы мнѣ видѣть;
,,жертвовала моею должностью и ща-
,,стіемъ, а неблагодарность и измѣна
,,были мнѣ за то воздаяніемъ. Не тре-
,,буйте отъ меня болѣе; довольствуй-
,,тесь, любезный родитель, что ща-
,,стливо и благовременно познала я под-
,,лость *Роландову*, и не сдѣлалась жер-
,,твою моего заблужденія. Сердце мое,
,,коему толь гнуснымъ образомъ измѣ-
,,нить хотѣли, возвратило уже свое

„спокойствіе, и получило само надъ
„собой побѣду; отнынѣ будетъ оно
„осторожнѣе противу коварствъ оболь-
„щенія: конечно, вовѣки ктому не уви-
„жу безчестнаго онаго обманщика, ко-
„его вы праведно такъ нарицали. Гор-
„дость, честолюбіе, должность, и на-
„конецъ воспоминаніе измѣнниковой не-
„благодарности, исцѣлили меня отъ
„безумныя страсти. *Фиделій!* про-
„должала она обратясь потомъ къ нему,
„я вижу тебя въ унынїи, но ты слы-
„шалъ теперь мое признаніе: я укло-
„нилась отъ правилъ благоразумія и
„должности, такъ можешь ли еще со-
„хранить въ сердцѣ своемъ тѣ чув-
„ствованія, коихъ достойна я лишить-
„ся.„ — „Ахъ! скоряй смерть истор-
„гнетъ послѣдній вздохъ мой, скоряй
„поблекнетъ неувядомое листвіе сего
„лавра, сїе образованіе любви моей, не-
„жель угаснутъ когда сїи чувствова-
„нія въ моемъ сердцѣ, въ которомъ
„ты владычествуешь.„ — „Сего до-
„вольно: ты справедливъ, ты имѣешь
„уже мое почтеніе и дружество. Въ
„твоихъ объятіяхъ находить будетъ
„впредь сердце мое убѣжище отъ вол-

„неній и скорбей сея жизни. Пріими „великодушный *Фиделій* руку сію! и „да прежде нежель луна двенатцать „крат свершит теченія своего во „сводах небесных, соединит нас „господин Франкли.„ — Но дабы достойно изобразить послѣдовавшій конец прелестнаго сего позорища, непремѣнно требовалось бы перо *Iорика*.

Прощаніе.

Вечер провожден в пріятных разговорах и с искренними знаками гостепріимства. Из очей родительских и любовника усматривал я неизреченно наполнявшую сердца их радость; увѣрился, что и *Аллмена* возвратила спокойствіе души своей. И так готовясь их оставить дал им о себѣ записку, и обѣщал соединить пред олтарем младых любовников. Отблагодаря потом за всѣ оказанныя мнѣ учтивости, простился я со всѣми; ибо хотя и долженствовал ночевать здѣсь же, однако предувѣдомил их, что как сей день из

дома своего вышелъ я въ намѣренiи только прогуляться, завтра они уже меня не увидятъ. *Алмена* проводила меня до самыхъ дверей назначеннаго мнѣ покоя, и отходя отъ меня говорила: „Благоразумiе, мужество, лю-„бовь и должность содѣлаютъ мнѣ „впредь жизнь любезною, и я навѣки „забуду бездѣльника, ставившаго на „погубленiе мое сѣти, изъ коихъ ис-„хищена я попеченiемъ провидѣнiя и „вашимъ.„ Отведенный мнѣ благодарными хозяевами покой былъ великолѣпенъ: роскошь и вкусъ владычествовали въ расположенiи назначенной для меня богатой постели. Уваженiе воздаваемое мнѣ отъ хозяина дома, несказанно меня обольщало; но сiя окружавшая меня пышность имѣла въ себѣ нѣчто для меня уничижительное, и я прежде нежель Богъ сна пролiялъ на вѣжды мои сладостную силу, не возмогъ не предаться слѣдующимъ размышленiямъ.

Размышленiе.

Сколько странныхЪ и неожиданныхЪ бываетЪ вЪ жизни человѣческой случаевЪ! Кто бы могЪ подумать, чтобЪ эта великолѣпная комната вЪ сiю нощь была убѣжищемЪ Франклiю, бѣдному и незнаемому скитающемуся нравоучителю? Комната столь же прекрасная какЪ и ея обладательница, и кЪ которой, однимЪ словомЪ, дабы соединить благополучiе сЪ великолѣпiемЪ, недостаетЪ единаго токмо украшенiя, коего требуетЪ любовь, сирѣчь моей Юлiи. Но наконецЪ сiя земля усѣянна благами, бѣдствiями, прiятностьми, печальми; и ея обитатели толь же странны суть какЪ и самыя ея премѣны. Завтрашнюю ночь конечно проводить буду я вЪ постелѣ суровѣйшей нежель теперь. Очень изрядно! но есть-ли довольно мое сердце, и постеля моя будетЪ мягка. При сихЪ размышленiяхЪ находился я вЪ толь сильномЪ движенiи, что никакЪ уснуть не могЪ, и уже стыдился чувствуя себя повергающагося вЪ суетное и смѣха достойное заблужденiе. „Слабое и презрѣн-

,,ное изъ праха творенiе! вскричалъ я ,,самъ себѣ: я которому бытiе мое есть ,,тяжкое бремя, когда оно не погаснетъ, ,,такъ сказать, на нѣсколько часовъ ,,въ объятiяхъ сна, образа смерти, ,,могу ли я снести чтобъ лучшiй мой ,,другъ покой отъ меня удалился, для ,,того, что нахожусь подъ занавѣсами ,,истканными изъ нитей спряденныхъ ,,несѣкомыми? Вотъ часъ удобный къ ,,размышленiю! Жизнь есть скоропре-,,ходящая токмо тѣнь, обманчивое сно-,,видѣнiе, и вся сiя человѣческая пыш-,,ность ничто иное есть какъ уничи-,,жительное токмо образованiе нашей ,,глупости.,, Послѣ сего началъ я при-ходить въ самаго себя, однакожь не могъ заснуть; а для чего? понеже за-былъ заплатить дань прежде нежели легъ въ постелю, и потому исполнилъ оную слѣдующимъ образомъ.

Данъ.

,,Да пресмыкается суетный гордели-,,вецъ подъ дланiю властолюбiя; да ,,стонетъ подлость и корысть сог-

„бясь подъ игомъ мучительскія вла-
„сти: дни мои суть малость, и я
„посвящу оные тому единому, отъ ко-
„его получилъ ихъ. Убѣжденъ я, что
„сіи дни мои сами по себѣ суть ни-
„что; но ежель они приобрѣтаютъ
„истинную доброту, сіе тогда токмо,
„когда добродѣтели украшаютъ ихъ
„теченіе. Не могу я такожде почи-
„тать потеряннымъ и цѣлаго года, ко-
„торый или содѣлалъ мнѣ удовольствіе,
„или доставилъ добродѣтельнаго друга.
„Да располагаетъ мной всевышній про-
„мыслъ по своему благоволенію! ему
„покаряю я все бытіе мое; въ неизмѣ-
„римомъ бо нѣдрѣ вѣчности кругъ упо-
„ваній моихъ обращается. Ежели бы
„надежда безсмертія не прозябла въ че-
„ловѣческомъ сердцѣ, къ чемубъ послу-
„жили ему тогда правота и любовь къ
„добродѣтели? что бы утѣшить мо-
„гло неповинно гонимаго праведника?
„Но нѣтъ; душа моя отъ Вышшаго
„Божества пріяла сіе утѣшительное
„упованіе: достоинство природы моей
„въ томъ меня увѣряетъ; никогда не
„уничижу онаго. Пусть жребій лишитъ
„меня всѣхъ благъ земныхъ, могущихъ

„содѣлать жизнь сїю сносною, сего я
„не устрашаюсь: страхи бо и унынїе
„не суть созданны для того, кото-
„рый блаженства своего въ вѣчности
„ожидаетъ.„ По принесенїи сего къ
вышнему моленїя, почувствовалъ я тихо
летающїй по вѣждамъ сладкїй сонъ, и
подающїй ослабшимъ членамъ моимъ
успокоенїе.

Сновидѣнїе.

Когда устаетъ природа и упокояется, бдитъ тогда душа и веселится носясь на легкихъ крилахъ воображенїя. Мнѣ снилося будтобъ я поставленъ обладателемъ надъ нѣкїимъ народомъ, и властолюбїе сдѣлалось уставомъ моихъ дѣянїй: вознамѣрился я подвергнуть всю вселенну моимъ законамъ. Тако дерзая созвалъ своихъ подданныхъ, возвѣстилъ имъ о пространныхъ намѣренїяхъ ихъ государя; воля моя была ихъ закономъ, и они долженствовали повиноваться. „Готовьтеся ко брани, гордо вѣщалъ „имъ: уже изнемогъ я отъ праздно-„сти постыднаго мира: да въ оковахъ

„вселенна признаетъ мя своимъ вла-
„дыкою.„ При сихъ словахъ никто не дерзнулъ сопротивляться намѣренїямъ моимъ, и я проходя ряды многихъ тысящей рабовъ, кичась безпредѣльною властїю, наконецъ въ тайный свой чертогъ уклонился. И уже между тѣмъ почувствовалъ себя внутренне терзаема: зависть, мучительныя заботы и ужасъ овладѣли силою души моей. Единъ токмо есть Господь небеснаго царствїя, тако вѣщало мое алчущее славы сердце; да не будетъ ктому и на землѣ, кромѣ единаго обладателя. Въ ту самую минуту какъ созидалъ я сей нечестїя исполненный умыслъ, узрѣлъ предстоящую предо мной тѣнь моего родителя. Движенїя его были грозны, взоръ гнѣвный, и онъ произнесъ ко мнѣ сїи ужасныя слова: — „Не въ безпре-
„дѣльномъ могуществѣ состоитъ ве-
„личїе того Бога, коего гордость твоя
„раздражаетъ; но во благомъ употре-
„бленїи сего могущества. Едвардъ, ты
„тиранъ; и естьли нѣкогда чтилъ я
„тебя нарицая своимъ сыномъ, днесь
„сїе отвергаю.„ Устрашенный таковымъ видѣнїемъ проснулся я, и про-

стиралЪ окрестЪ себя изумленныя взоры: но коль скоро душа моя собрала паки разсѣянныя свои чувствія, принесЪ я благодареніе Господу, познавЪ что сіе *не иное что* было *какъ* токмо сновидѣніе.

Утро.

КакЪ скоро утренніе лучи разгнали иракЪ нощный, оставилЪ я *Алменинъ* домЪ. Многія прошелЪ потомЪ улицы, коихЪ обитатели покоились еще вЪ объятіяхЪ сладкаго сна. Правда видѣлЪ я нѣсколькихЪ человѣкЪ, коихЪ забота снискать необходимо нужное пропитаніе принудила рано разстаться сЪ покоемЪ. ШумЪ народнаго движенія еще не начался. Злодѣяніе дневнымЪ свѣтиломЪ устрашаемое, сокрыло уже уродливую главу свою ожидая паки возвращенія ночнаго мрака. О коль различно сіе позорище, вскричалЪ я, отЪ того, еже чрезЪ нѣсколько часовЪ по семЪ откроется! Кажется, что спокойствіе и тишина поработили теперь землю; но скоро раздорЪ, коварство и

безумїе начнутъ свое владычество. Явленїе въ мигъ перемѣнилось.

Пожаръ.

Тревога. отъ пожара произшедшая не такъ скоро поразила слухъ мой, коль скоропостижно полетѣлъ я въ ту страну, откуда народный происходилъ вопль, и я употребилъ всю возможную помощь. Семейство спасено, но домъ сгорѣлъ до основанїя. Бѣдныхъ погорѣвшихъ привелъ я въ стоявшїй на пути нашемъ вольный домъ, и приказалъ изготовить позавтракать. Сѣли мы потомъ къ окошку, дабы посмотрѣть на пожарище, и я свидѣтель былъ страшнѣйшаго зрѣлища нежель самый пожаръ; толпа безжалостныхъ хищниковъ изъ среды сего ужаснаго позорища старалась исхитить то что пламя еще пощадило. „О любезная *Нанси!* возопилъ „опечаленный супругъ, вчерась почиталъ я себя щастливѣйшимъ человѣ-„комъ, но теперь совершенно сталъ „злополученъ.„ — Успокойтесь, сказалъ я ему, человѣкъ не съ тѣмъ раждается,

что бы ему всю жизнь провождать въ непрерывномъ щастіи. Что бы съ вами сдѣлалось естьли бы огнь потребилъ вашу *Нанси?* коликихъ бы стоило то вамъ слезъ и рыданій. „Правда, государь мой, таковый ударъ поразилъ „бы меня смертельно. Ахъ! конечно, „сіе было бы для меня источникомъ „вѣчныхъ слезъ.„ — „И когдабъ я лишилась моего *Генриха!* — Признательность проліялась на очахъ ихъ, и они забыли почти печаль свою. — Вы достойны моего почитанія, сказалъ я имъ, вы достойны сладчайшаго жребія; и ежель щастіе восхотѣло кажется опечалить васъ въ сію минуту, провидѣніе наконецъ воззритъ на васъ благосклоннымъ окомъ! — Ахъ, братъ мой! вскричала вдругъ нѣжная супруга, вергнувшись въ объятія мужа своего, какъ бы ища въ оныхъ убѣжища отъ вошедшаго къ намъ господина. — „*Генрихъ!* „сказалъ сей человѣкъ, дошедшая до „меня о вашемъ нещастіи и опасности „вѣсть меня тронула, сердце мое примиряется съ вами; сія минута расположила такъ мною: я васъ прощаю. „Сестра моя рождена не для такого

„человѣка какъ ты; но понеже она лю-
„битъ твое чистосердіе, а ты напро-
„тивъ достойнымъ сдѣлался выбора
„ея своимъ къ ней поведеніемъ: сей
„же день возвращаю вамъ ея имѣніе,
„которое по нынѣ удерживалъ я у себя.
„Карета моя у воротъ: поѣзжайте,
„живите у меня до тѣхъ поръ какъ
„приготовятъ для васъ домъ.„ Обнялъ
онъ потомъ сестру свою, и радость
заступила мѣсто печали; казалось будто
души ихъ объяты были сими только
двумя сильнѣйшими страстьми, сирѣчь
любовью и благодарностію. Но пре-
жде ихъ отбытія взялъ я щастливаго
супруга за руку: — Помните, что ча-
сто благополучіе наше начинается пла-
чевными приключеніями; да такъ и на-
длежитъ, чтобъ зло источникомъ было
добра. Пожаръ почти погасъ; уже нѣ-
чего было опасаться; и такъ оставивъ
народную толпу пробѣжалъ я потомъ
городъ со всевозможною поспѣшностію
въ намѣреніи пробраться лугами въ
Гренвичь.

Луга.

Позлащенныя облака покрывали верьхи горъ и преломляли первые солнечные лучи. Пріятно разсѣянная окрестъ меня зелень украшала природу, и я сѣлъ наслаждаться симъ прелестнѣйшимъ позорищемъ. Сердце мое неизреченному предалось веселію, такъ что я совсѣмъ забылъ собственныя печали, и печали другихъ. Человѣчество столь же премѣнчиво во своихъ свойствахъ, какъ и въ лицахъ.

Недовольный.

Человѣкъ проходившій мимо, и не видя меня произносилъ сіи странныя слова: — „Я богатъ, ежели только злато содѣ„лывать можетъ богатымъ; къ чему „однакожъ служитъ мнѣ мнимое сіе „богатство? Не такжель осужденъ я „какъ и другіе, пить, ѣсть, спать и „претерпѣвать человѣческія немощи? „Что значитъ сія куча металла, ко„его я никогда не прикасаюсь, и въ ко„торомъ мнѣ слѣдовательно и нужды „нѣтъ? Жена моя красавица, но мнѣ

„скучно стало смотрѣть столь часто „и всегда на одно и тожь самое лицо. „Дѣти мои, увѣренъ я, меня не любятъ; а бездѣльники служители съ „ропотомъ только мнѣ повинуются.„ — Проходи! вскричалъ я съ негодованїемъ, тщетнобъ было подавать совѣты такому человѣку каковъ ты. Можетъ быть строптивый твой нравъ и почтенную супругу твою творитъ нещастною. Когда уже всѣ прелести нѣжныя и искреннїя непорочности не возмогаютъ ничего надъ душею отвергающею свое блаженство, и домочадцы твои съ огорченїемъ только повиноваться тебѣ могутъ. Толь строптиваго нрава человѣкъ не можетъ находить въ свѣтѣ ничего, кромѣ ужасной пустоты; онъ долженъ въ немъ снѣдаемъ быть смертельною скукою. Не странно ли что человѣкъ по своему безумїю и неблагодарности разсѣяваетъ тернїе на такомъ пути, которое творецъ бытїя его старался для него содѣлать прїятнымъ, обильнымъ и утѣшительнымъ.

Малошница.

Бѣла аки снѣгъ коего солнечные лучи еще не лобызали. Налей мнѣ полкружки молока. Она поклонилась и налила. — Ты, душа моя, кажешься дщерiю самаго здравiя, а сей поднесенный рукою твоей напитокъ есть даръ достойный перваго изъ смертныхъ. Она усмѣхнулась, и послѣ какъ заплатилъ я ей деньги, взявъ свои кувшины удалилася съ видомъ изъявляющимъ веселiе и удовольствiе. Но я возвратилъ ее: — Мнѣ хочется еще полкружки молока, ибо получивъ его отъ тебя, оно весьма сладко мнѣ показалось. Извѣстналь тебѣ любовь, дитя мое? Она покраснѣла и потупила глаза въ землю. — Не стыдись душенька; любовь и непорочность суть божественное изображенiе небесныхъ веселiй. — „Можетъ „быть, отвѣчала простосердечная дѣ„вушка, но я никогда еще любви не „знала: мнѣ описали всѣхъ мужчинъ „вообще толь опасными, что я дол„жна ихъ убѣгать всѣми силами.„ Сiи слова чрезвычайно меня удивили. — Ты правду говоришь; ничто такъ не

драгоцѣнно для женщины какъ свобода ея сердца. Мужчины во всякомъ своемъ возрастѣ ребячатся, имъ всегда потребна игрушка, а сія игрушка есть любовь, которую они чаще другихъ забавъ избираютъ, и мы всѣ послѣдователи божества сего.

Отъѣздъ.

Въ недалекомъ отъ меня разстоянïи слуга проваживалъ лошадей, одну свою, а другую госпожи своей, какъ заключилъ я то по богатому на семъ конѣ убору. Ища взорами ту коей оная принадлежала, услышалъ я два голоса отдающïеся ко мнѣ съ другой стороны луга. Прекрасная щегольски одѣтая въ верьховое платье госпожа, разговаривала съ чувствительною горячностïю съ молодымъ мущиною. Она проливала слезы, а товарищь ея не въ меньшемъ казался сокрушенïи. Смятенïе и отчаянье изображенныя на очахъ живо изъявляли, что сердце его жестокому предано волненïю. — „*Зораида!* сказалъ онъ, почто ты мнѣ

„измѣнила?„—„Ахъ! не почитай меня „вѣроломною,„ вскричала она: „повелѣнія родительскія и ухищренное обманщика убѣжденіе исторгли меня „отъ твоихъ объятій, и всю надежду „щастія моего похитили. Но ты, „Евандръ, оставляешь меня нещастнѣйшею въ свѣтѣ, ты оставляешь „меня преданну въ жертву честолюбію и легковѣрности. Не пренесу я „сего тяжкаго злополучныя жизни моей „бремени, присовокупила она въ восторгѣ своей горести, блаженна буду „ежели предупредивъ тебя низшествіемъ своимъ во гробъ, странствующая въ небесныхъ селеніяхъ душа моя „полетитъ во срѣтеніе твоей душѣ, „когда смерть соединитъ насъ навѣки.„—„Сіи жалостные гласа твоего „стоны толико сердцу моему драгоцѣнны, отвѣтствовалъ *Евандръ*, что „при всемъ моемъ злощастіи ты дѣлаешь жизнь мнѣ любезною. Должно „чтобъ я тебя оставилъ, и моя душа „уже готова подвергнуться сему жесточайшему пораженію. Завтра же „уклонюсь изъ Англіи. Пусть супругъ „моей *Зораиды* достойнымъ станетъ

„того сокровища, которое толь гну-
„снымъ образомъ онъ отъ меня похи-
„тилъ. Ты требуешь, и я конечно
„не вооружу руки моей на жизнь его.
„О преблагополучный и ненавистнѣй-
„шій соперникъ! Онъ возвелъ тебя на
„степень той знатности, до каковой
„я не могъ тебя возвысить. Да увѣн-
„чаютъ любовь и неколеблемое бла-
„гополучіе цвѣтущіе дни твои! Но по-
„средѣ твоихъ веселій воспомяни нѣ-
„когда о нещастномъ, идущемъ вла-
„чить дни свои съ сердцемъ испол-
„ненным дражайшаго твоего образа.„
Тотчасъ потомъ сѣлъ онъ на лошадь,
и я въ минуту потерялъ его изъ глазъ
своихъ. *Зораида* нимало не старалась
удержать его; ибо и сама едва на но-
гахъ стоять могла. Слуга подвелъ къ
ней лошадь, на которую она сѣла. Сей
пріятный и купно злополучный пред-
мѣтъ исторгъ отъ сердца моего вздохи;
красота бо во слезахъ погруженная удо-
бно отверзаетъ путь къ нашему сердцу.
Я желалъ усладить печаль ея, и по-
тому нѣсколько отъ нея удаленный
шелъ все за нею, и сіе тѣмъ съ боль-
шею удобностію, что ѣхала она шагомъ.

Паденїе.

Мало заботясь о жизни совсѣмъ не помышляла она объ опасности: испужавшаяся лошадь стала ее бить и наконецъ сбросила на землю, на коей поверженная лежала она бездыханна. Я прибѣгъ подать ей помощь, взялъ ее къ себѣ на руки и употребилъ всевозможныя средства для приведенїя ея въ чувство. Между тѣмъ слуга старался поймать испужанную лошадь, которая нимало не чувствуя жалкаго состоянїя госпожи своей, бѣгала по полю изо всей мочи. Тщетно старался я оттирать виски ея, такъ что сталъ было думать, что прекрасная душа ея отлетѣла уже въ небеса для ожиданїя тамо души своего *Евандра;* но наконецъ пришла въ чувство. — Богу благодаренїе! вскричалъ я, она жива. Скажите сударыня, какъ вы въ здоровьѣ своемъ находитесь? — „Ахъ, жестокїй незна„комецъ! почто возвращаешь ты мнѣ „жизнь, которую я ненавижу? *Евандръ*, „почто ты меня оставляешь? Но что „я говорю? супруга Лорда *Белкомба* „смѣетъ ли еще о тебѣ думать? О про-

„клятыя узы, ненавистныя титлы,
„навѣки напоившія ядомъ мое спокойствіе! увы! я должна возвратиться
„паки въ объятія злодѣя страшнаго
„по образу, но паче ужаснаго по его
„свойству! Гнусный злонравецъ, не-
„имущій собственнаго достоинства
„кромѣ знатности своего рода и чина!
„погрязшій въ мерзостномъ нечестіи и
„въ поноснѣйшемъ любострастіи лице-
„мѣръ, хвалящійся непорочностію души
„являясь токмо подъ личиною благо-
„честія!„ Пронзенный сими жалобами
какія могъ я употребить разсужденія
къ облегченію толь праведныя ея скорби? — Наружность, сказалъ я, есть обманчивое покрывало для самыхъ проницательнѣйшихъ очей; сія то наружность часто скрываетъ отъ насъ истину. Сколько есть людей, печальная красавица, завидующихъ вашему жребію? Но Франкли болѣе чувствуетъ нежели простую токмо жалость: ваши слезы, ваше страданіе, мучительно раздираютъ его сердце. — „Увы! естьли
„бы родитель мой имѣлъ такую душу
„какова ваша, не предалъ бы онъ дочь
„на вѣчное мученіе ради насыщенія то-

„кмо сребролюбія своего и суетности.„ (Слѣпая ли любовь, глупость, или и самая подлость, только весьма обыкновенно, что отцы часто возвышаютъ дѣтей своихъ съ ущербомъ ихъ благополучія.) Въ ту минуту двое пріѣхали слугъ съ каретою за госпожею ихъ, и она говорила мнѣ: — „Я не „смѣю просить васъ проводить меня, „ибо нахожусь подъ властію мучителя „тѣмъ паче недовѣрчиваго, что онъ „самъ вѣроломецъ: а человѣкъ измѣняющій другимъ, всегда страшится испытать равную участь и надъ собою. Но дайте мнѣ о себѣ записку, „по которой бы могла я васъ найти: „ежели когда нибудь сдѣлаюсь я властною сама въ себѣ и въ моемъ имѣніи, тогда вы меня паки увидите. „Не забуду я сего оказаннаго мнѣ отъ „васъ дружества, за которое достойно возблагодарить вамъ отчаянье мое „не дозволяетъ. Не остается мнѣ теперь желать болѣе, какъ токмо возвратить въ нѣдро земли сію бѣдную „и отягчающую меня персть. Ежель „увидите когда *Евандра*, скажите ему, „что *Зораида* вамъ одолжена своею

„жизнію, онъ возблагодаритъ васъ за „сіе благодѣяніе.„ По сихъ словахъ стократно слезами прерываемыхъ, далъ ей записку, и она опираясь о плечо мое сѣла въ карету. — Да возвратится паки въ душу твою утѣшительная надежда! Такъ сударыня; сопряженна узами съ человѣкомъ ненавидимымъ, и разлученна съ тѣмъ, коего душа твоя обожаетъ, ты не должна отчаяваться въ благополучіи. Время въ теченіи своемъ можетъ еще удѣлить тебѣ пріятныя и спокойнѣйшія дни. Но что до меня, при первомъ словѣ готовъ я исполнять твои повелѣнія, хотябъ ты на самомъ отдаленнѣйшемъ краю царства находилася. Брегись наипаче покушаться на жизнь свою и спокойствіе; помни, что сей свѣтъ есть театръ, въ коемъ самыя нечаянныя приключенія слѣдуя одно по другомъ мгновенно перемѣняютъ явленіе.

Сострадательность жалостливаго сердца.

Жалость естественно возбуждаетъ въ насъ нѣжныя чувствія: — „Бѣдная *Зо-*

,,*раида*, возопилъ я, ты поспѣшаешь
,,въ чертоги, кои величїе токмо и изо-
,,билїе возвѣщаютъ, и въ коихъ одна-
,,ко будешь ты яко дикое растѣнїе
,,посредѣ безплодныхъ и запустѣлыхъ
,,развалинъ; и такъ подобно вїюще-
,,муся округъ увядшаго куста блющу,
,,отчаянье стѣснитъ и удручитъ душу
,,твою. *Евандръ* твой погибъ! коежъ
,,тебѣ увеселенїе въ розахъ усѣянныхъ
,,по пути жизни твоей? въ очахъ бо
,,нещастнаго все что ни проращаетъ
,,природа, увядаетъ и покрывается мра-
,,комъ. Блаженна еще когда обольщенна
,,вожделѣнїями разстроеннаго твоего
,,воображенїя, и пагубными прелестьми
,,дражайшаго воспоминанїя, не присо-
,,вокупляешь ты къ горестямъ своимъ
,,безполезныхъ и грѣховныхъ ропта-
,,нїй.,, Въ послѣдствїи видѣлъ я Леди
Белкомбъ; но какъ то было въ другой
уже моей прогулкѣ, повѣствованїе о
семъ щастливомъ свиданїи отлагаю я
къ тому времени.

Путешественникъ.

Естественно любимъ мы путешествовать съ товарищами; и я шелъ съ симъ спутникомъ толь долго, сколь мнѣ было возможно: на плечахъ несъ онъ связку. Другъ мой, сказалъ я ему, кажется, что эта ноша для тебя очень легка. — „Да, такъ легка какъ тебѣ ка„жется, отвѣтствовалъ онъ съ гру„бостію, но меня она отягощаетъ. Я „рожденъ не для презрѣнной этой раб„ской должности; злому такъ щастію „захотѣлось; должно гнуться подъ его „бременемъ. Впрочемъ, дружокъ, не го„вори впередъ что бремя другаго легко, „и особливо когда ты самъ не испы„талъ его тягости. „ Сказавъ сіе онъ удалился. — Велико мое щастіе, думалъ я самъ въ себѣ, что рожденъ къ простой и непышной жизни. Незнатнымъ моимъ состояніемъ наслаждаюсь безбоязненно, и суетное надежды обольщеніе не влечетъ меня на устланныя терніемъ пути любоначалія. Сожалѣю, что злощастіе сего бѣднаго человѣка толико огорчило нравъ, и сдѣлало его нелюдимымъ. Пришелъ потомъ въ Грен-

вичь, не видавъ въ пути моемъ ничего достойнаго примѣчанія. Обѣдалъ тамъ одинъ въ первомъ трактирѣ и послѣ вошелъ въ паркъ.

Паркъ Гренвичской.

Коль прекрасное позорище! природа была во всемъ торжествѣ своемъ, тихій Зефиръ едва колебалъ древесное листвіе, воображеніе тысящью различныхъ чувствованій упоялося. Не довольноль толико разліянныхъ окрестъ насъ пріятностей ради сокрытія отъ очей нѣкіихъ неравенствъ, коими жизнь наша усѣяна? Естьли бы разставшійся теперь со мной спутникъ здѣсь былъ, безъ сомнѣнія забылъ бы онъ и трудъ свой и скуку. О коль обязаны мы Создателю природы! и колико сердцу человѣческому развращенну быть должно, дабы ослѣпясь суетностію не вкушать толикихъ удовольствій, кои вседневное позорище свѣта очамъ его представляетъ? и не ужель сія толь презрѣнная склонность особною есть участію высокомѣрія человѣческаго? Что

до меня, при всей моей бѣдности, когда я мiрЪ сей созерцаю, очи мои удивляются, и сердце исполненно благодарности повергается вЪ восторгЪ; ибо каждое мгновенiе взору моему представляетЪ многоразличныя красоты и новыя кЪ размышленiю предмѣты. ВЪ паркѣ прохаживался я до тѣхЪ порЪ, какЪ хладный вечернiй вѣтрЪ напомнилЪ мнѣ, что время оттоль выити.

Богадѣльня.

Я разсудилЪ зайти вЪ нее и осмотрѣть сiе пространное зданiе, воздвигнутое вЪ благородномЪ и святомЪ намѣренiи, дабы доставить тутЪ тихое пристанище изможденному достоинству. Повсюду находилЪ тамо достойныя удивленiя вещи. Веселый человѣческiй взорЪ есть неложное доказательство удоволенныя души; таковы были взоры всѣхЪ мною тамо видѣнныхЪ. УзрѣвЪ сiе всякЪ странствующiй могЪ бы сЪ справедливостiю воскликнуть: *вЪ Англiи и убогiе живутЪ вЪ чертогахЪ.* Всемѣрно; да и вЪ чертогахЪ благотво-

ренія. Сердце мое ощущало то самое изобиліе и купно удовольствіе, коими толико смертныхъ подъ симъ пространнымъ кровомъ, сирѣчь въ пристанищѣ рукою прилѣжанія для нихъ уготованномъ, наслаждалися. Бѣдность, (судя по тому старанію, съ каковымъ большая часть людей избѣгнуть ея тщится) кажется быть заразительною язвою; но часто по нещастному забвенію, заслуга и достоинство повергаются въ ея пропасть, и тамо погибаютъ. Каковы то будутъ размышленія наши на томъ свѣтѣ, когда всѣ люди въ равенствѣ воспріимутъ награду по ихъ праведнымъ достоинствамъ? Поистинѣ, въ самыхъ блаженныхъ Елисейскихъ поляхъ душа вострепетать должна при воспоминаніи добродѣтельнаго нещастливца, отверженнаго подъ недостойными виды.

Возвращеніе.

Коляска ѣхала изъ Гренвича въ Лондонъ, я сѣлъ въ оную одинъ и поѣхалъ. Коль скоро вышелъ потомъ изъ коля-

ски, побѣжалъ къ Юліи. Вся семья моя въ добромъ была здоровьѣ, и мое возвращеніе произвело въ оной неизреченную радость. Сѣвъ потомъ расказалъ имъ приключеніи моего путешествія, и такимъ образомъ проводили мы вечеръ съ пріятностію.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРОГУЛКИ Г. ФРАНКЛІЯ.

часть третїя.

Коликимъ мракомъ неизвѣстности жизнь человѣческая покрыта! коль странны суть своенравія фортуны! Часто во время горестей моихъ роп
талъ я противъ слѣпыя сея богини, не размышляя что самое непостоянство колеса ея всегда производитъ щастливыя премѣны. Убо да не дерзаетъ смертный подвергать сомнѣнію волю праведныхъ небесъ! установленный бо въ непроницаемой связи приключеній порядокъ, споспѣшествуетъ сохраненію и благополучію человѣческаго рода. Естьли бы не зналъ я заботъ съ низкимъ моимъ состояніемъ соединенныхъ, не былъ бы столько чувствителенъ ко благостямъ, коими нынѣ провидѣніе меня ущедрило; можетъ быть влача жизнь свою наподобіе самодвижныя ма-

хины, взиралъ бы я на убожество и нещастіе другихъ окомъ безчувственнымъ.

Нѣкогда вкушалъ я съ Юліею и съ дѣтьми моими умѣренную, но пріятную пищу, восхитительное веселіе отъ невинности и удовольствія проистекающее владычествовало при трапезѣ нашей, уставленной здравыми яствами, и украшенной присутствіемъ всего что мнѣ было драгоцѣнно: блаженство, признательность и веселіе души моей окрестъ меня разливалися, какъ вдругъ вошелъ въ покой нашъ нѣкто пріѣзжій, добродушный старикъ Труеманъ ороcшенный слезами, провождалъ его. По нѣкоторымъ чертамъ узнавая сего гостя, вопросилъ я о причинѣ его посѣщенія. Онъ взявъ меня за руку хотѣлъ говорить, но горькія слезы прерывали гласъ его. Приведенный въ жалость и удивленіе: другъ мой, сказалъ я ему, какое нещастіе тебѣ угрожаетъ? говори; естьли я могу быть тебѣ полезнымъ, не пощажу ничего что только отъ меня зависить будетъ; но признаюсь съ прискорбіемъ, что возможность моя помогать ближнему, весьма

истощилася. — „Ахъ! господинъ Франкли, вскричалъ онъ: По тому какъ я „о вашемъ свойствѣ наслышался, не „удивляюсь теперь таковому пріему; „но вѣдайте, государь мой, что я при„шелъ вручить вамъ великое богат„ство, а не отъять отъ того весьма „умѣреннаго дохода, который вы по „своему человѣколюбію со всѣми неща„стливцами раздѣляете. Вы имѣли дя„дю въ Ямайкѣ, онъ скончался; и хотя „по нѣкоей бѣдственной враждѣ воз„ставшей между имъ и родителемъ „вашимъ, всегда были они въ несогла„сіи, но онъ васъ любилъ, и непре„станный слухъ о вашихъ добродѣте„ляхъ убѣдилъ его сдѣлать васъ сво„имъ наслѣдникомъ. Около уже шести „мѣсяцовъ онъ умеръ, и оставилъ вамъ „имѣнія на восемьдесять тысящь фун„товъ стерлинговъ.„ — Боже милосердый! — вскричалъ я, возможноль тому статься? Ежель сіе истинно, вразуми мя сносити бремя благополучія якоже подобаетъ. Юлія! мы умѣли довольствоваться малымъ: и понеже благоугодно стало небесамъ ущедрить насъ своими благодѣяніями, да послужатъ

оныя къ приращенію благополучія нашего, и щастія другихъ. По семъ радостномъ восклицаніи обнялъ я супругу, и мы единодушно въ нѣжномъ безмолвіи принесли подателю всѣхъ благъ жертву искреннѣйшаго благодаренія. Но обратясь потомъ къ честному оному принесшему мнѣ пріятную сію вѣсть человѣку, просилъ его расказать прочія касающіяся до дяди подробности. Изъ его повѣствованія узналъ я, что онъ неотлучно при дядѣ моемъ, съ самаго отъѣзда его изъ Европы, находился; что всегда раздѣлялъ съ нимъ труды его и избытки, которыхъ большая часть пріобрѣтена торговлею, и кои всѣ уже въ Англіи въ капиталахъ находились, кромѣ только пятнатцати тысячь фунтовъ стерлинговъ, вырученныхъ продажею его товаровъ, что вѣрный сей исполнитель воли своего господина и вручилъ мнѣ вскоромъ послѣ того времени. Вопрошенный потомъ о учиненномъ ему награжденіи, вручилъ онъ мнѣ завѣщаніе дяди моего, коимъ ежегодно опредѣлилъ сему человѣку по сту фунтовъ, и въ наслѣдіе еще тысячу фунтовъ стерлинговъ, кои и

заплатилъ я ему немедленно. Отдохнувъ нѣсколько недѣль простился онъ съ нами, и поѣхалъ для свиданія съ нѣкіими друзьями своими въ Галлію; но отъѣзжая изъяснялся, что онъ щасливымъ бы себя почелъ, когдабъ окончилъ дни свои живучи въ нашемъ семействѣ, къ которому возъимѣлъ уже почтеніе, не по тѣмъ только, говорилъ онъ, особливымъ достоинствамъ, кои находилъ въ насъ, но по родству моему съ покойнымъ его благодѣтелемъ, котораго память всегда для него должна быть любезною и почтенною. Благодарность и правота суть толико превосходныя въ человѣкѣ качествы, что не возможно онымъ быть пренебреженнымъ. Я предложилъ ему жить со мною, и онъ охотно на то согласился, съ тѣмъ только, чтобъ учредить его правителемъ дома и дѣлъ моихъ. Видя толикія опыты усердія и вѣрности нимало не колебался я въ принятіи услугъ его. Передъ отъѣздомъ его просилъ, чтобъ онъ произшедшую въ состояніи моемъ премѣну хранилъ въ тайнѣ до своего возвращенія, кое по крайней мѣрѣ не прежде полугода быть долженство-

вало. Далъ ему знать, что въ сіе время намѣренъ я вести обыкновенную мою жизнь, не открывая сего неожиданнаго нашего щастія никому кромѣ родителей Юлїиныхъ. Онъ обѣщалъ исполнить волю мою, и мы разстались.

Разговоръ.

По отъѣздѣ сего честнаго человѣка просилъ я Юлїю побесѣдовать со мною въ моей комнатѣ. Ты видишь ангелъ мой, говорилъ я ей, ты единственный источникъ моего благополучїя, видишь, коликими благостьми ущедрило насъ Божїе провидѣнїе, и что сїе благо тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе, что прїобрѣтенїе онаго не стоитъ намъ лишенїя какого либо старинняго нашего друга. Въ самомъ дѣлѣ, коль ни любезна мнѣ память моего дяди, но поелику я никогда его не зналъ, потеря его не столь для меня мучительна, какъ естьли бы соединяло меня съ нимъ во время житїя его тѣсное знакомство. — „Правда любезный Эвардъ, отвѣчала она, „съ неизреченною признательностїю

,,чувствую все наше благополучїе; и ,,наипаче сїе обилїе богатствъ восхи- ,,щаетъ душу мою въ разсужденїи на- ,,шихъ дѣтей, нежели въ разсужденїи ,,самой меня: отнынѣ не будемъ мы ,,пещись о средствахъ основать въ свѣ- ,,тѣ семъ щастїе нѣжныхъ отраслей ,,любви нашей, и я престану уже стра- ,,шиться дѣйствїя мучительныхъ за- ,,ботъ того человѣка, который для ,,меня цѣлый составляетъ свѣтъ.,, — Но не имѣешь ли ты честолюбїя, примолвилъ я, во многолюдныхъ обращаться собранїяхъ украшенна блистательною роскошью, провождаема множествомъ слугъ и въ великолѣпномъ ѣздя экипажѣ? — При сихъ словахъ увидѣлъ я разлїявшееся вдругъ на лицѣ ея огорченїе, но оное вскорѣ уступило нѣжной усмѣшкѣ. — ,,Конечно, любезный ,,Едвардъ, есть во мнѣ честолюбїе, но ,,токмо въ томъ, чтобъ нравиться ,,небу и тебѣ; и поелику наряды мои ,,тебѣ будутъ угодны, потолику и я ,,довольна буду ими. Впрочемъ не же- ,,лаю привлекать на себя завистныхъ ,,взоровъ. По сїе время крѣпость здо- ,,ровья замѣняла мнѣ множество слу-

„жителей, едва повелѣвала я другимъ „исполнять то, что долгое время умѣла „и могла сама дѣлать.„ — Обнялъ я сїю дражайшую и любезную супругу; открылъ ей свое намѣренїе продолжать еще нѣсколько мѣсяцовъ прежнюю жизнь, и употреблять доходъ нашъ въ помощь добродѣтельныхъ нещастливцовъ. — Сїе есть дань, говорилъ я, чѣмъ должны мы творцу нашему; сїе единственное есть средство засвидѣтельствовать нашу къ нему искреннѣйшую благодарность. Завтра поѣдемъ мы въ В * * и препроводимъ тамо нѣсколько дней съ Г. и Гж. Селвинъ; нетерпѣливо желаю раздѣлить съ ними наше благополучїе. При семъ предложенїи просїяла радость на глазахъ ея, кои живо изобразили нѣжныя восхищенїя ея сердца. Будучи женщина немодная увѣряла меня, что всегда съ удовольствїемъ слѣдовать станетъ моимъ совѣтамъ, и съ прїятною усмѣшкою удалилась; а я пошелъ искать какого нибудь нещастнаго предмѣта, которомубъ помощь моя могла быть полезною.

Нечаянная встрѣча.

Нечувствительно очутился я на другомЪ краю Лондона. Не глуполь было мое упованіе найти бѣднаго вЪ такой города части, вЪ коей изобиліе и знатность обитаютЪ? Однакожъ, тутЪ то оный и предсталЪ украшенный всѣмЪ, что токмо роскошь и мода изобрѣсти могутЪ самаго блистательнѣйшаго. ПоворотивЪ вЪ одну улицу вдругЪ глаза мои срѣтились сЪ глазами женщины, которая, помнилось, была мнѣ знакома. Казалось хотѣла она отЪ меня уйти, а сіе паче подтвердило мое подозрѣніе. ДостигЪ ее, и коль скоро назвалЪ по имени, она покраснѣвЪ отвѣчала мнѣ: — „АхЪ государь мой! какЪ удостояете „вы взоромЪ своимЪ злощастную, недо„стойну никаковаго вниманія!„ Это была прекрасная, а нѣкогда и добродѣтельная дочь одного честнаго откупщика вЪ сосѣдствѣ В***, которая оставя своихЪ родителей ушла вЪ ЛондонЪ сЪ *Жоржемъ Тугтлесомъ*. ВотЪ все что зналЪ я о ея приключеніи! — Позволь мнѣ, прекрасная Гева, сказалЪ я, проводить себя до твоего дома; и

ея молчаніе принялЪ я знакомЪ согласія. Вскорѣ пришли мы кЪ огромному дому вЪ улицѣ * * *. Слуга вЪ богатой ливреѣ отперЪ двери, и я слѣдуя за прекрасною моею путеводительницею, вошелЪ вЪ пространный покой. Дрожащимъ голосомЪ просила она меня сѣсть; и сіе смятеніе ея весьма мнѣ понравилось: ибо я понималЪ чрезЪ то, что она чтила еще добродѣтель, и не погрязла вЪ порокахЪ до того, что бы спокойно пребывать могла вЪ безднѣ распутства. ,,Вы видите, государь мой, ,,сказала она, при всемЪ блескѣ окру- ,,жающаго меня великолѣпія, видите ,,предЪ собой презрѣннѣйшее и самое ,,злощастное твореніе; но увы! я сама ,,тому виновна. Вы конечно знаете, ,,что около уже пяти лѣтЪ какЪ оста- ,,вила я лучшаго вЪ свѣтѣ родителя, ,,и ушла сюда сЪ господиномЪ *Жоржемъ* ,,*Тугтлесомъ*, повѣрьте, государь мой, ,,вЪ надеждѣ стать его супругою. СЪ той ,,злощастной минуты жила я сЪ нимЪ ,,до нынѣ, и должно отдать ему спра- ,,ведливость, что онЪ всегда хорошо ,,поступалЪ со мною; словомЪ, онЪ по- ,,ступалЪ лучше нежель я достойна;

„думаю что онъ въ истинну имѣлъ на-
„мѣренїе на мнѣ жениться; но я по
„неразумїю и слабости, я сама безвре-
„менно погубила права свои и всякое
„къ тому упованїе.„ — Престань, го-
спожа Фреемань, уничижать саму себя
оправдывая твоего обольстителя. Ко-
гда бы онъ вподлинну имѣлъ намѣре-
нїе вручить тебѣ свое сердце, похи-
тилъ ли бы тебя отъ родителей? Упо-
требилъ ли бы толико коварствъ, дабы
содѣлать тебя стыдомъ и поношенїемъ
твоего пола? съ прискорбностїю упо-
требляю я толь строгїя реченїя; но
твое состоянїе налагаетъ на меня долгъ
говорить съ тобой не льстивымъ серд-
цемъ. Желаешь ли оставить Г. *Жоржа?*
— „Ахъ! конечно, возопила она; но кто
„удостоитъ нещастную дать ей убѣ-
„жище? гдѣ я сокрою стыдъ и скорбь
„мою? Родители давно уже забыли по-
„рочную, хотя и раскаявающуюся дочь
„свою!„ — Сердце мое безъ затрудне-
нїя на жалость преклонилося. Не
скрывая отъ нея удовольствїя, кое
причинилъ во мнѣ разговоръ ея, объ-
явилъ ей, что естьли она согла-
сится сопутствовать мнѣ въ В**,

куда я ѣду завтра, примирилъ бы ее съ родителями, и ея состоянїе сколько возможно сдѣлалъ сноснымъ, платя за ея содержанїе отцу деньги, дабы она свободна была отъ тѣхъ тяжкихъ работъ, въ кои прочихъ ея сестръ употребляютъ. Не возможно изобразить тогдашней ея радости: испросивъ позволенїе отлучиться, въ минуту потомъ явясь одѣта просто, сказала, что готова за мной слѣдовать. Увидя навернувшїяся на глазахъ ея слезы, спросилъ я, не желаетъ ли она хотя чрезъ записку проститься съ господиномъ *Жоржемъ?* — ,,Признаюсь, люблю его, ,,отвѣтствовала она: но онъ сдѣлалъ ,,меня нещастною, и такъ не хочу съ ,,нимъ болѣе видѣться. Пусть будетъ ,,онъ щастливѣе съ лучшею меня, съ . . . . . . ,, Тутъ тяжкїе прервавъ голосъ ея вздохи, не позволили ей продолжать разговора. Взявъ ее за руку и выведши къ воротамъ кликнулъ я карету, и сѣлъ съ нею. Но прежде нашего отъѣзда приказалъ служителю сказать господину *Жоржу*, что о дѣвицѣ Фрееманъ можетъ онъ узнать или у Г. Селвина въ В **, или въ домѣ отца ея.

Прибыли мы потомъ въ небогатое наше жилище, въ которомъ принялъ я новую сїю гостью, и увѣдомивъ Юлїю о приключенїяхъ прекрасной ея сосѣдки, возложилъ на нее старанїе утѣшить въ ея печали. Наконецъ пошелъ я приготовлять съ помощїю Труемана то что къ утрешнему нашему отъѣзду требовалось. Мы рѣшились нанять повозку, потому что вознамѣрясь на поѣздку свою употребить весьма краткое только время, разсудили дѣтей своихъ оставить подъ присмотромъ вѣрныхъ нашихъ служитей дома.

Шумъ.

Произшедшїй на улицѣ шумъ обратилъ туда мое вниманїе; ибо мятежный вопль, *держи, держи, воръ, воръ!* отъ устъ до устъ преносился. Лишь только отворилъ я двери, какъ одинъ бѣдный помертвѣвшїй отъ страха и холода, и изсохшїй отъ печали и нужды, вскочилъ въ оныя и повергся къ ногамъ моимъ. Въ тужь самую минуту вбѣжалъ за нимъ коммисаръ, и сего молящаго

меня о своемъ заступленіи бѣдняка крѣпко схватилъ за воротъ. Я просилъ коммисара дать свободу сему нещастному произнесть свое оправданіе, и онъ съ досадой на то согласился, подъ видомъ что не должно ему терять времени.—„Вы видите, милостивый го„сударь, вскричалъ пойманный, предъ „собой человѣка вовлеченнаго въ пре„ступленіе ужасною нуждою. Я поку„сился украсть кусокъ хлѣба, дабы „утолить пожирающій меня голодъ. „Сюда прибылъ я изъ Квебека, гдѣ „служилъ моему государю и отечеству „со всевозможнымъ усердіемъ. Но исто„щенное здоровье сдѣлало меня къ слу„жбѣ безполезнымъ, и начальники за „благо разсудили меня отставить. Хо„тѣлъ было потомъ пробраться на „свою родину, но поверженный въ тяж„кую болѣзнь и издержавъ все что ни „имѣлъ, увидѣлъ себя принужденна про„сить милостину, а наконецъ попу„ститься на послѣднее сіе беззаконіе, „въ которомъ меня поймали.„ Раскaзывая сіе щоки его покрылись румянцомъ, поручникомъ его невинности. Всѣ зрители сего приключенія проливали

слезы, коммисаръ только одинъ имѣя сердце окаменѣлое, осыпалъ его ругательствами и называлъ лицемѣрною собакою. Я посулилъ сему безжалостному человѣку гинею, чтобъ мнѣ уступилъ свою добычу. Злато толикую имѣетъ силу, что производитъ сострадание, и укрощаетъ суровый взоръ правосудія. Вышелъ онъ и увѣрилъ народъ, что тать чрезъ заднія спасся вороты.

Когда разошлась толпа черни, и какъ сей нещастный нѣсколько утолилъ гладъ свой, я далъ ему пять гиней, дабы возмогъ дойти до своей родины, и онъ возблагодарилъ меня молитвами возсылаемыми къ небесамъ о здравіи моемъ и благополучіи.

---

*Путешествіе въ В.****

Достигнувъ времени желаннаго отъѣзда, сѣли мы въ почтовую коляску гораздо прежде солнечнаго восхожденія. Кромѣ моей Юліи, дѣвицы Фреманъ и меня, еще двое спутниковъ съ нами находились; и поелику сонъ нашъ пре-

рванъ былъ ранѣе обыкновеннаго, то никому изъ насъ и не хотѣлось начать разговора: въ глубокомъ молчанiи ожидали мы первыхъ лучей солнца, дабы намъ обозрѣть другъ друга. Наконецъ желанiе наше исполнилось, солнце взошло въ лучезарномъ сiянiи. Старый корабельный капитанъ предложилъ, что время уже поднять оконничныя занавѣски; но женщины воспротивились, и потому надобно было проводить еще цѣлый часъ въ безмолвiи. Въ сiе время другой спутникъ нашъ человѣкъ молодой, нетерпѣливо желая насытить любопытство свое, опустилъ вдругъ затворъ скрывавшiй отъ насъ свѣтъ. Юлiя тотчасъ проснулась, и кинула изумленныя взоры свои на молодаго онаго щеголя, который кричалъ: „Хоть „умереть не видывалъ никогда прекра„снѣй этой женщины.„ Старый капитанъ протирая глаза клялся, что съ самаго начала его мореплаванiй, никогда не случалось ему имѣть въ каютѣ своей лучшихъ посажировъ. Взявъ потомъ за руку дѣвицу Фрееманъ: „Какъ „ты думаешь, любезное дитя?„ Она отняла руку свою ничего ему не отвѣ-

чая, а онъ напротивъ предлагалъ ей, не изволитъ ли она чего прохладительнаго. Съ другой стороны молодой прощелыка привязался къ моей Юліи со льстивыми учтивостьми. Но что до меня, прижавшись къ углу веселился я нѣкое время смотря на сію комедію, и спросилъ потомъ Юлію, которой часъ? ибо время уже было дать себя знать молодому вѣтренику, которой при мнѣ предлагалъ любовь женѣ моей. „Девять уже часовъ, любезный другъ, отвѣтствовала она.„ При сихъ словахъ влюбленный нашъ позадумался; а пройдоша капитанъ тотчасъ вымыслилъ спросить дѣвицу Фреемань, не замужемъ ли и она также? А какъ она отвѣчала, что нѣтъ, то и совѣтовалъ онъ молодому целадону обратить свою батарею на другое мѣсто. По нѣсколькихъ подобныхъ сему шуткахъ прибыли мы въ трактиръ, въ которомъ должно было намъ завтракать. Тутъ молодый волокита скрылся, а его мѣсто заступила престарѣлая дѣвка, которая, казалось, не желала ввязаться въ разговоры. Капитанъ многократно покушался съ нею заговаривать, но она

ему ни слова не отвѣчала; наконецъ спросилъ у ней, не хочетъ ли она замужъ? Вопросъ поистиннѣ былъ лестенъ, и мореходецъ присовокупилъ еще, что онъ готовъ заключить съ нею и торгъ, и что ударивъ съ нимъ по рукамъ, она въ накладѣ не останется, потому что онъ также какъ и другой способнымъ можетъ быть супругомъ, и рога станетъ носить съ терпѣнiемъ. При сихъ забавника нашего словахъ, престарѣлая невѣста рдѣла съ досады, и кляла свою оплошность, что подвергла себя слушать такiя мерзости. Хотя она и рѣдко ѣзжала иначе какъ въ почтовой только колляскѣ, однакожь клялась, что впредь никогда такою подлостью страмиться не будетъ. (обыкновенная простыхъ людей страсть величаться передъ другими). — „О! вѣтръ ужасно „противенъ, вскричалъ капитанъ; но „не отчаявайся Гж. Бриджета, еже„ли я говорю и въ шутку, такъ дру„гой можетъ на крючокъ попасться. „Надежда есть якорь въ жизни чело„вѣческой, а впрочемъ хотя мы и оба „уже стары, однакожь можемъ еще нѣ-

„сколько лѣтъ промаячитъ.„ Тутъ уже наша дѣва все терпѣніе потеряла; да и какая бы снесла женщина, когдабъ говоритъ ей стали о ея лѣтахъ? Осыпавъ капитана всевозможными ругательствами, кричала во все горло кучеру, чтобъ онъ остановился и взялъ ее въ кладовой свой коробъ; ибо не возможно, говорила она, ни на минуту остаться въ такой пакостной компаніи. Кучеръ остановился, разъяренная дѣвка вышла, а капитанъ хохоча изо всѣхъ силъ увѣрялъ, что сїя старая Мегера достойна брошена быть съ борта. Послѣ сего ежеминутно выглядывалъ онъ въ окошко спрашивая ее *спокойно ль она находится въ своей койкѣ?* Напослѣдокъ вторичное молчаніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока сей старикъ вздумалъ меня спросить, говоря: — „Естьли я не обманываюсь, го„сударь мой, вы конечно кормчїй душъ „человѣческихъ; скажите батюшка по „совѣсти, что вы думаете о кормчемъ „Аглинскаго народа?„ По щастїю въ сїе время карета наша прибыла къ обѣденной перепряжкѣ: и такъ будучи не великой политикъ, радовался я, что

избѣжалъ тѣмъ отъ непріятнаго для меня разговора. Государственныя дѣла рѣдко идутъ хорошо по мнѣнію сего рода господъ. А какъ сей коютной политикъ кончилъ тутъ и путешествіе свое, простился съ нами довольно учтиво, пожелая намъ щастливаго и пріятнаго пути. Я разстался съ нимъ съ сожалѣніемъ: ибо въ поступкахъ его было и чистосердечіе и странная вѣтренность, кои меня забавляли; но гж. Бриджета не согласилась со мной хвалить его. За обѣдомъ никого кромѣ насъ не было; слѣдовательно и провожденъ оный былъ обыкновеннымъ образомъ. Сѣли мы потомъ въ карету, и прибыли въ В***. еще засвѣтло.

Размышленія.

Узрѣвъ деревню, въ которой препроводили мы первые и благополучнѣйшіе дни нашей жизни, почувствовали мы таковыя движенія, коихъ ни опредѣлить, ни изобразить не возможно. Нѣсколько кратъ сердце мое предавалось нѣжному и сладкому восхищенію; но въ

минуту потомъ ощущалъ я оное изнуряемо и удрученно тяжкою печалїю. Юлїя не меньше восхищалась; но она была щастливѣе меня, ибо ѣхала наслаждаться объятїями почтенныхъ и дражайшихъ родителей, вмѣсто того что я воспоминая усопшихъ своихъ ближнихъ, ощущалъ въ душѣ моей жестокую скорбь. Селидьбы, рощи, луга, все напоминало мнѣ невинныя утѣхи юныхъ лѣтъ моихъ, и я перераждался, такъ сказать, паки въ юность свою. Но всѣхъ нещастнѣе была по жестокому смятенїю дѣвица Фрееманъ: ибо волновавшїясь въ душѣ ея страсти попеременно на лицѣ ея изображалися: по непорочности, взирала она на свою родину съ сладкимъ спокойствїемъ и кроткимъ утѣшенїемъ; но по лишенїю сего драгоцѣннаго блага, единаго можетъ быть сущаго пола ихъ украшенїя, не ожидала ничего кромѣ жестокихъ укоризнъ, и уже воображала руки родителей отторженныя отъ дѣтскихъ ея лобзанїй. Тако порокъ и добродѣтель сами въ себѣ находятъ наказанїе и награду! и мнѣ казалось аки бы слышалъ я слѣдующїя воспрянувшїя

вѣ душѣ ея размышленія, дабы карать ее за преступство.

„Колико видѣ сихѣ мѣстѣ измѣ„нился! Прежде все казалось мнѣ пре„лестно, теперь все мрачно, уныло. „Увы! да наслаждусь помышленіемѣ о „времени блаженства моего хотя еди„ную минуту! Тогда ужасныя воспо„минанія не повергали меня вѣ стыдѣ „о прошедшемѣ, страшныя и поносныя „раскаянія не приводили вѣ трепетѣ „о грядущемѣ. Вѣ нѣдрѣ спокойнаго и „щастливаго моимѣ благополучіемѣ се„мейства, невинна и возлюбленная дочь, „была я достойнымѣ предмѣтомѣ ро„дительскаго о мнѣ попеченія и нѣж„ности. Провождаемые вѣ добродѣтели „дни мои увѣнчаваемы были утѣхами, и „я тогда царица была вѣ своей хижинѣ. „Словомѣ, путь жизни моея усланѣ „былѣ цвѣтами. Увы! не стонала я то„гда подѣ игомѣ нечестія: не отягчена „была сими неприличными состоянію „моему уборами, коихѣ цѣна есть оболь„щеніе и преступство. О жестокій „вѣроломецѣ! почто льстивыя твои „слова любовь прелестною изображали? „почто оныя ко мнѣ были обращены?„

Вѣ сіи размышленія моего минуты безгласныя токмо слезы лютую скорбь дѣвицы Фреманъ нѣсколько облегчали.

Свиданіе.

Юлія едва увидѣвъ домъ отца своего, повергласъ безмолвная въ толь сильный восторгъ, что казалось аки бы весь свѣтъ забыла. Карета остановилась, она выскочила, и уже была въ обьятіяхъ родителей. Нѣжныя лобзанія соединяли души ихъ, но увидя меня радость ихъ усугубилась. Сей пріятный безпорядокъ продолжался нѣкое время такъ что мы ничѣмъ болѣе не занимались, какъ только начатіемъ безконечныхъ разговоровъ. Добросердые старики приняли дѣвицу Фреманъ со всякою благосклонностію и доброжелательствомъ, что весьма прискорбную ея душу ободрило. Я нашелъ случай расказать имъ ея приключеніе; ибо прежде нещастнаго ея ухода она всѣмъ домомъ ихъ была любима. Послѣ того послали мы человѣка къ Г. и Гж. Фреманъ позвать ихъ къ себѣ, дабы препроводить вмѣстѣ вечеръ; однакожъ

не сказывая имЪ кого они у насЪ увидятЪ. НаконецЪ увѣдомили мы Г. и Гж. СелвинЪ о нашемЪ благополучїи; и почтенный старецЪ такЪ говорилЪ намЪ: „Богу всевышнему благо„даренїе! емуже прежде кончины дней „моихЪ благоугодно было явить ща„стїе моихЪ любезныхЪ. Но дражай„шїе дѣти! берегитесь, да сїе ща„стїе не омрачитЪ очи ваши; стра„шитесь жертвовать оному тѣми до„бродѣтельми, кои доселѣ мое и ваше „содѣлывали благополучїе. Храните „всегда вЪ памяти, что вы теперь „правители только сего богатства, „кое вамЪ ввѣрило провидѣнїе. Насла„ждаясь сими благодѣянїями, взирайте „на щастїе аки на нѣкоего вѣроломца, „который тогда только и бываетЪ „опасенЪ, когда щедроты свои на насЪ „проливаетЪ. Внимайте совѣтамЪ ва„шего сердца, преодолѣвайте закоре„нѣлыя мнѣнїя и предразсудки. Будучи „теперь вЪ изобилїи, вы находитесь „вЪ возможности наслаждаться всякаго „рода жизненными удовольствїями; но „знайте, что здравїе и душевное спо„койствїе зависятЪ отЪ той умѣрен-

„ности, съ каковою употреблять бу-
„дете свое изобиліе.„ Проговоря сіе умолкъ; а я благодарилъ его за толь спасительные совѣты, вознамѣрясь твердо онымъ слѣдовать. Между тѣмъ просилъ его принять для себя и для госпожи Селвинъ достаточное содержаніе, дабы свободиться ему отъ труда съ его священническою должностію соединеннаго. Съ видомъ ласковымъ но твердымъ отринулъ онъ сіе предложеніе, говоря, что дотолѣ пока въ силахъ полезнымъ быть своимъ прихожанамъ, никогда ихъ не оставитъ; что ежели глубокая старость и немощи приведутъ его нѣкогда въ невозможность продолжать труды свои, тогда согласится онъ отяготить меня симъ убыткомъ; и ради того просилъ меня, чтобъ я назначенное ему употреблялъ межь тѣмъ другимъ на помощь. Однакожъ я усильно просилъ его принять хотя по сту фунтовъ ежегодно, для употребленія ихъ по его разсмотрѣнію. Между тѣмъ время въ которое Г. и Гж. Фрееманъ притти надлежало, уже приближилося. Юлія съ дѣвицею Фрееманъ вышли въ другой

покой; но сїя нещастная не могла утишить мучительныхЪ своихЪ страховЪ.

Примиренїе.

По прибытїи введены они вЪ ту горницу, вЪ которой Г. СелвинЪ со мною ихЪ ожидали. По взаимныхЪ искреннихЪ привѣтствїяхЪ говорили мы сперва о вещахЪ только постороннихЪ. Но вырвавшїйся изЪ груди добросердой матери вздохЪ подалЪ мнѣ случай спросить о причинѣ ея печали. — „Вы конечно знаете, отвѣчалЪ Г. ФреоманЪ, „потерю произведшую вЪ сердцахЪ нашихЪ толь печальный источникЪ, „коего никакое время изсушить не можетЪ.„ — Не должно любезный другЪ, отчаяваться, сказалЪ я на то: ваша Гева можетЪ возвратиться хотя и не безпорочна, по крайней мѣрѣ за чистосердечное ея раскаянїе родительскаго достойна прощенїя. Юность легко сЪ истиннаго пути совращается: ибо любовь столь же опасна колико и прїятна. АхЪ! Г. ФреоманЪ, многихЪ сїя нѣжныхЪ сердецЪ мучительница оболь-

стила: такъ не удивительно, что и ваша дочь могла также содѣлаться ея жертвою. — „Знаю, государь мой, возо-„пилъ онъ, (и отчая любовь просіяла въ очахъ его) знаю всѣ тѣ хитрости, „кои употребилъ къ ея обольщенїю не-„достойный оный дворянинъ; но пусть „только возвратится она въ объятїя „наши, никогда не упрекну ее погрѣ-„шностїю, сколь бы велика оная ни „была.„ — „Ни я, присовокупила къ „тому мать проливая слезы; но она „всемѣрно предпочитаетъ своего пре-„лестника бѣднымъ родителямъ.„ — Въ сїю самую минуту стремительно вбѣгаетъ Гева, и повергшись къ ногамъ матернимъ, вопїетъ: „Ахъ дражайшїе „родители! простите меня, простите! „вѣчно съ вами не разлучуся.„ — Кто бы возмогъ описать сїе позорище? оно превосходило всякую радость. Родители взирали токмо на дочь свою: виновная дочь уже исчезла, а предстояла любезная, которую они попеременно то обнимали, то омывали слезами. „О не-„изреченная милость! вопїяла раскаяв-„шаяся красавица, мнѣ надлежало слы-„шать праведныя укоризны; но вмѣсто

„того я родительскія ласки вкушаю!„ —По семъ она купно съ матерью вышла; а я предложивъ Г. Селвинъ о платежѣ за содержаніе сей дѣвицы, просилъ взять ее къ себѣ, на что онъ согласясь и за ея отвѣтствовалъ согласіе. Г. Фрееманъ несказанно радовался таковому предложенію, и принялъ его съ благодарностію. Сей честный человѣкъ былъ въ благосостояніи, такъ что не было ему нужды принять предложенную оную помощь; но онъ зналъ свѣтъ; имѣя многочисленное семейство вѣдалъ, что не легко уже тому человѣку въ трудной обращаться работѣ, который долгое время жилъ въ довольствѣ; и такъ ежели бы онъ взявъ къ себѣ въ домъ сію виновную дочь снизшелъ ей нѣчто болѣе, нежели прочимъ своимъ дѣтямъ, могъ бы чрезъ сіе причинить въ ономъ безпорядокъ. Впрочемъ легкобъ случиться могло, что Гева или бы отъ грубыхъ своихъ братьевъ была озлобляема, или осмѣваема ея сестрами; словомъ, оставивъ ее у такого человѣка, какъ Г. Селвинъ, самое лучшее узрѣвалъ онъ для нея средство, дабы ей пріобрѣсть паки почтеніе отъ

людей, и заставить ихъ забыть ея погрѣшность. Г. Фрееманъ нарицалъ меня лестнѣйшими именами: по его признанїю я покровителемъ былъ дочери, востановителемъ его спокойствїя и проч. . . . Мы съ своей стороны обѣщались посѣтить его на другой день, купно съ его дочерью.

Сиръ-Жоржъ.

Наутрїе во время завтрака нашего вошедшїй слуга объявилъ намъ, что нѣкїй дворянинъ хочетъ видѣться съ Г. Селвинъ, и его впустили въ покои. Но едва только дѣвица Фрееманъ услышала его голосъ, какъ побѣжавъ ко мнѣ кричала изо всей силы: — ,,Спасите меня, ,,ахъ! скройте, это онъ самый,,, и въ безчувствїи поверглась къ ногамъ моимъ. *Сиръ-жоржъ Тугтлесъ* былъ причиною сего смятенїя. Между тѣмъ какъ госпожа Селвинъ и моя Юлїя старались подать помощь дѣвицѣ Фрееманъ, *Сиръ-Жоржъ* былъ тогда какъ отчаянный: — ,,Она умерла, кричалъ ,,онъ, свѣтильникъ жизни ея угасъ; о

,,коль нещастливъ я! я совратилъ съ ,,пути нежную ея юность.,, Гева пришла паки въ чувство; *Сиръ-Жоржъ* стоялъ предъ ней на коленахъ. Она сокрывъ голову свою въ объятія госпожи Селвинъ проливала слезы. —,,Ахъ сжалься дражайшая! отри твои слезы, каждая оныхъ капля есть стрела произающая грудь мою. Прости меня, любезная Гева, естьли возможно; увы! ,,не могу безъ тебя жить; скажи, избавь меня отъ мученій сею неизвестностію производимыхъ: я былъ тебе некогда любезенъ.,, — ,,*Сиръ-Жоржъ!* ,,порокъ не совратитъ уже меня съ ,,пути добродетели; почтожъ дерзаешь ,,возжигать страсть, которая обоихъ ,,насъ гнусными сотворила? И хотя сіе ,,сердце неудобно любить другаго; но ,,кленусь, что отныне вовекъ съ тобой не увижусь.,, Сіе позорище ежеминутно достойнее примечанія становилося: слезы втай текли по ланитамъ отчаяннаго любовника. — ,,По нещастію ты много имеешь справедливости сомневаться о безчестномъ ,,своемъ обольстителе; но истреби, ,,возлюбленная, страхъ сей, пріими на-

„всегда въ объятія свои обманувшаго „тебя, который отъ того стонаетъ. „Свидѣтельствуюсь всѣми присутст„вующими здѣсь, что пріемлю тебя моей „супругой. Душа твоя была человѣко„любна, сердце нѣжно; промолви же, „можетъ ли оно содѣлаться днесь же„стокимъ, безчеловѣчнымъ?„ При семъ случаѣ радость и удивленіе дѣйствовали равномѣрно: Гева подала ему руку, и паки поверглась въ жесточайшій обморокъ. Когдажь помощію нашею приведена въ чувство, обнялъ я *Сиръ-Жоржа*, и просилъ его принять меня въ свое дружество, уверяя, что его поступокъ загладилъ въ очахъ моихъ все прошедшее; словомъ, я свидѣтельствовалъ ему чистосердечное желаніе вѣчно быть друзьями. Онъ съ чувствительностію принялъ сію сдѣланную ему честь, и увѣрялъ, что всегда почитать долженъ человѣка, который похитивъ отъ него сіе сокровище, умѣлъ явить ему онаго цѣну, и обратить его на мысли честнаго человѣка. — „При„знаюсь, присовокупилъ онъ, что все„гда убѣгалъ я сообщества людей ва„шего сана, но вы меня съ ними при-

„миряете; ибо вижу, государь мой, „что вы умѣете прощать человѣческія „слабости.„ — Это моя должность; я тщусь токмо подражать примѣру *милосердаго Владыки*, коему посвятилъ себя во служеніе. Имѣя свои собственныя слабости, уповаю и я подобнаго себѣ снисхожденія: убо любовь къ самимъ себѣ учреждаетъ наши дѣйствія. Гева совершенно пришла въ чувство, и мы взявъ отъ *Сиръ-Жоржа* обѣщаніе сотовариществовать намъ по полудни къ Г. Фрееману, полную дали обоимъ симъ любящимся свободу межь собой разговаривать.

Утренніи посѣщенія.

Утро было прекрасно и я предложилъ Юліи прогуляться, а между тѣмъ мимоѣздомъ посѣтить нѣкоторыхъ нашихъ пріятелей, на что она согласилась. И такъ пошли мы въ трактиръ, наняли тамо коляску и пустились въ путь. Проѣзжая мимо замка графа Фрамптона: „жалко, сказала жена моя, что „Лордъ Фрамптонъ обладая толь ве-

„ликимъ богатствомъ не имѣетъ благо-
„творительнаго сердца. Я бы желала,
„чтобъ всѣ мужья уподоблялись моему
„Едварду.„ — Не такъ строго, душа
моя, всѣ мужья должны разсматриваемы
быть съ двухъ сторонъ. Я лучшее
возъимѣлъ о Лордѣ Фрамптонѣ по-
нятіе потому какъ мнѣ расказывалъ
одинъ изъ друзей его, и теперь весь-
ма почитаю сего человѣка, коего за-
висть и клевета описывали мнѣ по сіе
время достойнымъ презрѣнія. Лордъ
Фрамптонъ есть благоразумный су-
пругъ самыя неразумныя жены. Не такъ
строго, любезный Едвардъ, нѣжно от-
вѣчала мнѣ Юлія; не могутъ ли также
и всѣ жены разсматриваемы быть съ
двухъ сторонъ? — Конечно жизнь моя, и
Леди Фрамптонъ точно въ такомъ по-
ложеніи: ее почитаютъ любезною жен-
щиною, и отсюду то проистекаетъ
оный мракъ, который мещутъ на до-
брыя супруга ея качествы. Сей госпо-
динъ не довольно будучи богатъ въ
разсужденіи своего чина, старается по-
собить тому благоразумнымъ домо-
строительствомъ и ограниченіемъ сво-
ихъ вожделѣній. Вознамѣрясь не да-

вать себя въ обманъ служащимъ ему, въ слѣдствіе сего самъ ведетъ свои щоты. Никогда не видятъ его въ Невмаркетѣ и въ другихъ многолюдныхъ собраніяхъ, но вмѣсто того онъ въ удобреніи земель искуснѣе всѣхъ управителей вельможъ нашихъ. Прочіе стараются щеголять, онъ напротивъ тщится быть правдивымъ, и то что остается у него за благопристойнымъ содержаніемъ дома, втай посвящаетъ на помощь нещастнымъ. Богатство его заперто обманщикамъ, но бѣднымъ открыто: словомъ, онъ награжденъ уже когда самъ о себѣ съ удовольствіемъ размышляетъ, не за велико впрочемъ ставя мнѣнія о себѣ народныя.

Первое посѣщеніе.

Коляска остановилась, и мы введены въ прекрасные покои, въ которыхъ нашли Г. и Гж. Куртеней. Гж. Куртеней издавна была пріятельница моей Юліи, и я всегда отлично почиталъ ея достоинствы. Мы приняты съ таковымъ же точно почтеніемъ какъ бы

и знатные люди. Въ воздаяніе за толь благосклонный пріемъ искреннѣйше сорадовались мы ихъ благополучію, и желали продолженія онаго на вѣки. Благопріятство, ласковость и благоразумные поступки приводили ихъ въ любовь у всѣхъ ими знаемыхъ. Увы! почто не знаютъ и всѣ смертные сего толь простаго искусства быть благополучными? Казалось, что все подъ симъ щастливымъ кровомъ дышало чистымъ воздухомъ добродѣтели. Домочадцы ихъ и поселяне воспріяли нравъ господъ своихъ; не было тамъ ниединаго мѣста гдѣ бы порокъ могъ обрѣсти себѣ убѣжище. Любовь соединила ихъ съ самыя юности, а бракъ и дружество связали сей узолъ неразрывно. Многочисленное посѣщеніе друзей, вседневно усугубляло собственное ихъ благополучіе зрѣлищемъ истиннаго блаженства сея возлюбленныя четы. О вы нынѣшніе градовъ нашихъ супружники! почто вы не можете быть свидѣтельми сего союза, сихъ непорочныхъ и сладчайшихъ удовольствій! Вы воспріяли бы другія совсѣмъ понятія о такомъ состояніи, которое можетъ

быть презираете потому что ваши пороки содѣлываютъ вамъ изъ онаго мученіе.

Сама истина управляетъ кистію моею, и благодарность начертаваетъ сію прелестную картину. Разстались мы съ ними съ крайнимъ сожалѣніемъ: ибо должно было уступить необходимости.

Второе посѣщеніе.

И такъ приказали мы почтарю отвести себя къ Г. Манлію, куда чрезъ полчаса и прибыли. Новое предстало очамъ зрѣлище человѣческаго благополучія и усугубило цѣну собственнаго нашего блаженства. Безъ сомнѣнія едина токмо злобная душа узрѣвъ сіе возчувствовала бы зависть. Г. и Гж. Манли находились тогда въ маленькой библіотекѣ наполненной избранными книгами, и сѣдящія около ихъ дѣти внимательно слушали нравственныя наставленія, кои преподавали имъ сіи почтеннѣйшія родители. Знали они, коликихъ попеченій требовали сіи юныя растѣ-

нія къ ихъ благовоспитанію? Да и ктобъ иной возмогъ достойно обремениться толь важною должностію какъ не отецъ? а сіи родители созданны суть къ воспріятію на себя тяжкаго сего труда съ желаемымъ успѣхомъ. Оба хотя знатнаго состоянія, хотя рожденны блистать во свѣтѣ, возлюбили однакожь паче домашнія и спокойныя удовольствія. Писанія Гж. Манли и самымъ превосходнымъ умамъ услаждение приносили; но пріятное и чистое нравоученіе отъ пера супруга ея текло аки изъ медоточиваго источника. Они избрали добровольно уединеніе, и отчество соберетъ оттоль плоды разсѣянныя въ ихъ твореніяхъ. Между тѣмъ однакожь ниединъ изъ нихъ не уклоняется отъ сообщества съ человѣками, нимало не призираетъ дружества: и потому не нарушая знакомства съ знатными людьми, имѣютъ они особенно часы назначенныя для веселій въ избранномъ своемъ собесѣдованіи. Весьма пріятно было мнѣ, когда я изъ движенія дѣтей ихъ различныя усматривалъ склонности: перворудный являлъ въ себѣ чувствитель-

ность, хорошее разсужденіе, пріятность и веселый нравъ; но младшій, въ блаженномъ еще младенчествѣ, предавался невиннымъ только забавамъ нѣжныхъ лѣтъ своихъ. *Сиръ-Томасъ Тонвли* подобно намъ пріѣхалъ въ сіе время посѣтить ихъ. Веселый нравъ и вѣжливость всегда содѣлываютъ его пріятнымъ гостемъ. Дѣти увидя его прыгали отъ радости: ибо онъ былъ имъ любезенъ, потому что вмѣшивался въ ихъ дѣтскія игры и невинныя забавы. Бесѣда увеселялась остроумными его шутками, разговоры были пріятны, но мнѣнія достойны его степени. Въ обхожденіи толико учтивъ былъ, что всякъ непринужденно могъ съ нимъ бесѣдовать. Наконецъ продоживъ посѣщеніе наше гораздо долѣе нежели сколько дозволяетъ обыкновеніе, разстались мы съ симъ любезнымъ обществомъ, хотя и съ крайнимъ сожалѣніемъ.

Третіе посѣщеніе.

Возлюбленная Леди В***, прекрасная и знаменитая особа пола своего, душу

имѣетъ еще благороднѣйшую и изящнѣйшую. Превосходство разума и чувствительность владычествуютъ въ быстрыхъ и проницательныхъ очахъ ея: благосклонно взирая на робкое достоинство покровительствуетъ его, ободряетъ. Не отверзая слуха ядотворнымъ внушенiямъ ласкательства, всегда готова есть ко внятiю жалобъ нещастныхъ. Лiя, такъ сказать, блаженство въ нѣдро знаменитаго своего супруга, изъ сего самаго источника взаимно почерпаетъ и свое собственное благополучiе: словомъ, когда злоба, зависть, клевета омрачаютъ мужество и мудрость: тогда-то они дерзаютъ быти щастливы, благородны, правдивы, благотворительны.

Четвертое посѣщенiе.

Господинъ и Гж. Марстонъ совсѣмъ противное составляли свойство тѣмъ блаженнымъ четамъ, коихъ мы уже видѣли. Но естьли бы хотѣть дѣлать едины только прiятныя намъ посѣщенiя: непремѣнно надлежалобъ знакомствы свои весьма въ тѣсные заклю-

чить предѣлы. Обоихъ сихъ супружниковъ нашли мы вкупѣ сѣдящихъ, одного въ мрачномъ и задумчивомъ положенiи, другую въ печальномъ и угрюмомъ видѣ; однакожь прибытiе наше нѣсколько разгнало ихъ мракъ: и въ семъ случаѣ радовался я, что нашелъ средство хотя на одну минуту подать скорбному нраву ихъ отдохновенiе; но скоро исчезла моя радость: сiе чудотворенiе не въ моей было власти. Каждый изъ нихъ находилъ удовольствiе другъ другу прекословить и взаимно порицать свои недостатки. Домочадцы ихъ съ ропотомъ имъ повиновалися. Изгнанные отъ присутствiя ихъ дѣти заточены, такъ сказать, были въ покоѣ съ няньками. Все въ разговорахъ ихъ и дѣянiяхъ являло унынiе и сердце недовольное. Не зная о нашемъ благополучiи они удостояли насъ, съ видомъ оскорбительнаго сострданiя, сожалѣнiемъ о нашей участи. Но истину говоря, я никогда не былъ столь бѣденъ какъ они; однакожь не разсудилъ за благо сказать имъ того что объ нихъ думалъ.

Вышли мы. -- ,,Увы! сказала Юлiя, ,,сiи богатствомъ отягченные люди,

„награжденные всѣмъ что только мо-
„жетъ содѣлывать человѣческое благо-
„получіе, кажется все пщаніе свое къ
„тому прилагаютъ, дабы выдумать себѣ
„всевозможное мученіе, и самые пре-
„красные цвѣты претворить въ тер-
„ніе ради уязвленія самихъ себя! „
— И что всего при томъ досаднѣе, при-
бавилъ я, другія еще осуждены претер-
пѣвать ихъ глупости.

Пѣсни.

Проѣзжая чрезъ деревню гдѣ жилъ Г. Селвинъ, повстрѣчались мы съ одною женщиною и тремя ея дѣтьми, кои пѣли стихи изображающіе нещастную ихъ долю. Женщина одѣта была чисто и пристойно, дѣти напрягали нѣжныя свои гласы къ возбужденію въ слушателяхъ сострадангія: видно было что пѣснь ихъ самою жалостію вдохновенна, и изъ нещастныхъ исторгалась устъ. Я приказалъ остановиться, и одинъ изъ нихъ мальчикъ около шести лѣтъ, пѣлъ почти слѣдующія содержащіяся въ стихахъ слова.

Забавы сладкаго блаженства жизнь мою досель увѣнчавали; непричастнаго пышной знатности и отъ стрѣлъ зависти удаленнаго путь дней моихъ украшенъ былъ цвѣтами: и ахъ! сего-то времени, еже вовѣкъ отъ насъ сокрылось, жестокое воспоминанїе растравляетъ пожирающую меня тоску. Напоенная ядомъ горести кровь едва течетъ въ жилахъ изнуреннаго моего тѣла, уже готова изсякнуть, и невнемлющее гласу моленїя моего человѣчество не подаетъ мнѣ иныя помощи, кромѣ единыя надежды умереть.

О бѣдная невинность! вскричалъ я, колико ужасно быть въ толь нѣжномъ возрастѣ добычею нищеты! Исторгшїяся при семъ изъ глазъ моей Юлїи слезы, содѣлали ее паче прекрасною; ибо сердце ея подобно моему было чувствительно. Подозвавъ къ себѣ юнаго пѣвца, который подалъ мнѣ напечатанную свою пѣсенку, спросилъ я для чего они идучи по дорогѣ поютъ такимъ образомъ? — „Для того, что нашъ ба„тюшка боленъ, а хозяинъ согналъ насъ „съ двора. Матушка хоть и поетъ „также, но устраняясь отъ людей горь„ко плачетъ. Нѣтъ уже у насъ те-

„перь дома, и далеко отошли мы отъ „своего города. Тамъ было у меня и „платье лучше этого, да и матушка „не такъ была сердита какъ нынѣ; но „вы о томъ ей не говорите.„ (Весьма обыкновенно, что въ нещастїи и самые кроткїе нравы ожесточаются.) Колико тронула меня сїя повѣсть! и какое дѣйствїе надъ сердцемъ моимъ произвело чистосердечїе сего младенца! Взявъ его пѣсенку далъ я ему гинею, и онъ прыгая отъ радости понесъ ее къ своей матерѣ. Но не успѣли еще мы и ста шаговъ переѣхать, какъ кучеръ нашъ остановился на крикъ бѣдной оной женщины, которая пришедъ къ дверцамъ нашей кареты, говорила мнѣ, что конечно я ошибкою далъ ея робенку гинею, вмѣсто какойлибо мѣлкой монеты. Будучи болѣе еще тронутъ ея честностїю, нежели бѣдностью: спрячь, сказалъ я ей, сїю монету, которою долженъ я вамъ былъ въ разсужденїи вашего нещастїя, и возми еще сїю гинею, кою заслуживаешь ты своею честностїю. Да обрящете благотворныя сердца могущїя паче облегчить бѣдность вашу! и да произведутъ гласъ

твой и гласЪ дѣтей твоихЪ во всѣхЪ душахЪ подобно какЪ и вЪ моей, жалостный вопль возбуждающїй человѣколюбїе! Прибыли мы кЪ господину Селвину, и какЪ набрали на столЪ, явился *Сиръ-Жоржъ* провождаемый любезною своей Гевою, которой прелестное лице розами удовольствїя было украшено. Будучи всѣ довольны уступили мы нетерпѣливости, сЪ каковою стремилась Гева содѣлать участниками благополучїя своихЪ родителей, и поѣхали коль скоро изЪ-за-стола встали.

Произшествїе достойно вниманїя.

Я и дѣвица ФреманЪ первые прїѣхали. Едва вошли мы вЪ комнату, какЪ ея родители залились радостными слезами, а братья и сестры поперемѣнно ее лобзали. Нечаянное возвращенїе любовника, и лестная надежда обѣщавающая ей грядущую прїятность жизни, толико подкрѣпили ослабшїя силы ея, что она безпрестанно преходя изЪ родительскихЪ вЪ братьнїя обЪятїя, легко пренести могла сїе свиданїе. Сїе первое восхищенїе еще продолжалося, какЪ

Г. и Гж. Селвинъ, Гж. Франкли и *Сиръ-Жоржъ* явились, и зрѣлище вдругъ перемѣнилося. Добродѣтельный земледѣлецъ съ благороднымъ негодованіемъ вскричалъ: — „*Сиръ-Жоржъ*, этого много! пусть я отъ васъ завишу; но какая бы корысть могла уничижить меня „до того, чтобъ не огорчиться толь „оскорбительнымъ вашимъ поступкомъ? Отнимите отъ меня землю „вашу, я ею недорожу. У меня еще „есть дочери, такъ не ужель пришли „вы обольщать и ихъ? Вы хотите конечно, чтобъ никогда не озлобившій „васъ старикъ, низшелъ во гробъ покрытый безчестіемъ и отягченный „лютою печалію? Еще ли не довольно, „что нещастная дочь не можетъ уже „притти въ родительскія объятія безъ „страха и угрызенія совѣсти? Она любила васъ съ самаго своего младенчества, какаяжь награда воздана за сію „нещастную любовь? Поруганіе токмо, „безчестіе. Вы пользуетесь и теперь „всѣми правами человѣка честнаго, правдиваго, великодушнаго; слава ваша „ничего не претерпѣла, между тѣмъ „какъ достойная слезъ жертва ваша,

„со всею непорочностїю души своей, „навсегда будетъ поругана нося на челѣ „гнусный знакъ своего преступленїя. „Выдьте *Сиръ-Жоржъ!* иль ежели мнѣ „необходимо должно васъ здѣсь видѣть, „отрицаюсь отъ земли вашей.„ — *Сиръ-Жоржъ* слушая до сего съ терпѣнїемъ, прервалъ: — „Достоинъ я жестокихъ „сихъ укоризнъ, Г. Фресманъ, призна-„юсь; но я прїѣхалъ сюда поправить, „сколь возможно лучше, свое престу-„пленїе; я прошу васъ, отдайте мнѣ „въ супругу почтенную дочь вашу, ко-„торую я опорочилъ.„ Въ сїю минуту оба любящїеся поверглись къ ногамъ старца, который проливая слезы поднялъ ихъ, и вышелъ вонъ. Помертвѣвшая Гева въ *Сиръ-Жоржевыхъ* была объятїяхъ. Добродушная мать призывала на сїю нѣжно любящуюся чету Божїе благословенїе; а прочїе предстоящїе имъ дѣти удивлялись тому съ видомъ изумленїя и простоты сельской. — „Отри слезы твои, о возлюбленная Гева! „вскричалъ *Сиръ-Жоржъ;* безъ тебя по-„зналъ ли бы я цѣну моего благополучїя „и спокойствїя? Намѣренїе принято: „презираю я свѣтъ, и безумную его

„гордость. Да истребитъ нѣжная душа „моей Гевы, сїе непорочное убѣжище „добродѣтелей, да истребитъ страхъ „и подозрѣнїя! Пусть люди нарицаю„щїеся благородными, и кои суть токмо „суетны, презираютъ насъ, что намъ „до того? Я исполняю долгъ, и мы „будемъ блаженны.„ Вошелъ потомъ Г. Фресманъ, а съ нимъ купно слѣдовала и радость. На другой день назначено соединить сихъ любящихся, и пропустя потомъ краткое время возвратиться всѣмъ намъ въ Лондонъ: счастливой четѣ вкушать свое благополучїе, а намъ для приготовленїя себя къ перемѣнѣ своего состоянїя. Я вознамѣрился нанять хорошїй домъ въ прїятной части города; сдѣлать экипажь, и нанять слугъ къ тому времени, когда долженствовали мы изъ неизвѣстности своей прейти въ такъ называемый большой свѣтъ. Въ Лондонѣ не хотѣлъ я остаться болѣе одного года, естьлибъ только возмогъ найти и купить землю въ коей либо провинцїи. Намѣренїе мое было сей годъ употребить на вкушенїе съ Юлїею забавъ въ пышныхъ обществахъ толь долго, до-

коль оныя намъ не наскучатъ. Впрочемъ весьма хотѣлось мнѣ испытать, не преобразитъ ли сїе новое состоянїе въ очахъ моихъ людей и вещи въ другой видъ. Не опасался я, чтобъ Юлїя, да и я самъ излишне къ симъ забавамъ прилѣпилися. Вкушая истинное благо не имѣли мы толь поврежденныхъ чувствїй, чтобъ промѣнять оное на щастье ложное и мечтательное; но паче надѣялись обратить своимъ примѣромъ и другихъ къ истинному благополучїю. Не сомнѣваюсь я, что многїе узнавъ о таковомъ намѣренїи почтутъ насъ и смѣшными, однакожъ не будетъ оно чрезъ то хуже: ибо хотябъ мы и одному только человѣку посредствомъ онаго доставили спокойствїе, симъ трудъ нашъ былъ бы уже удовлетворенъ, и мы тѣмъ стали бы благополучнѣе. Естьли же когда нибудь въ безчисленномъ множествѣ новыхъ обстоятельствъ, вседневно имѣющихъ поражать взоръ нашъ, естьли въ многоразличїи странныхъ карактеровъ, каковые встрѣчаться будутъ очамъ нашимъ, измѣны и коварствы человѣческїя найдя сердца наши чистыми и неповрежден-

ными, и оскорбятъ духъ нашъ: тогда самое позорище пагубныхъ слѣдствій порока, послужитъ въ глазахъ нашихъ къ усугубленію токмо цѣны добродѣтели. И такъ не безпокоились мы въ выборѣ пріятелей; надлежало только привести себя въ согласіе съ избранными знакомствы. — „Мы найдемъ, сказалъ я Юліи, въ собраніяхъ такое существъ смѣшеніе, которое послужитъ „къ удобренію токмо сердечныхъ нашихъ качествъ. Конечно, самый злонравный научитъ насъ любить добродѣтель: ибо гнусныя дѣянія и мракъ „души его содѣлаютъ намъ навсегда „ненавистными тѣ пороки, коихъ онъ „будетъ жертвою.„

Бракъ.

Коль скоро заря багряную свою простерла ризу, служители приготовились къ торжеству дня сего. Юлія встала рано, дабы помочь одѣться пріятельницѣ своей. Въ восемь часовъ собрались всѣ въ залъ и пошли въ церковь, гдѣ я неразрывный утвердилъ союзъ содѣлывающій блаженство двухъ любя-

щихся и почтенной семьи. *Сиръ-Жоржъ* вовлеченный въ проступокъ развращенiемъ своего вѣка, не стыдился уже обольщенiемъ младыя легкомысленныя красоты. Гева его любила, и не могла ктому о искренности его сердца сомнѣваться. Оба совращены были съ пути истины, но оба раскаявшiясь достойны стали благополучiя, ведущаго ихъ прямымъ путемъ къ сладчайшему веселiю. Чрезъ сiе отнюдь не желаю я извинять ихъ поступка; но послику долгъ человѣчества повелѣваетъ намъ другъ другу прощать наши согрѣшенiя, да позволится и мнѣ исполнить сiю святую обязанность: не ужель мы должны быть меньше снисходительны, нежели Творецъ бытiя нашего? Знаю я, что необузданное своеволiе не всегда толь щастливо окончавается, знаю, что странно было бы и предполагать, дабы по толико отвергаемыхъ самымъ сердцемъ нашимъ преступныхъ дѣянiяхъ, могли мы быть столь же щастливы, яко и тотъ, который никогда не совращался съ пути благоразумiя и добродѣтели. Тако, Богъ да сохранитъ меня, и всѣхъ тѣхъ съ коими я любовiю

связанъ, сирѣчь весь родъ человѣческій; Богъ да сохранитъ насъ, повторяю я, когда либо познать тѣ мученія, коими оскорбленная мститъ добродѣтель!

По выходѣ нашемъ изъ церкви четыре младыя дѣвицы кидали цвѣты на обоихъ новобрачныхъ, до самаго прибытія нашего къ Г. Селвину. Леди *Тугтлесъ* поднесла всякой изъ нихъ по подарку, и потомъ пошла къ ожидавшимъ ея родителямъ. Тамо не было уже ничего кромѣ веселій и удовольствія. Блаженство возродилось въ душѣ *Сиръ-Жоржевой*, а съ онымъ купно и благотвореніе. Г. Фресману далъ онъ запись, по которой уступилъ ему содержимую имъ землю на всю его и супруги его жизнь безъ всякой платы. Каждой потомъ сестрѣ Гевиной, подарилъ на приданое по пяти сотъ фунтовъ стерлинговъ, и сверхъ того обѣщалъ старшему жены своей брату подобный откупъ, коль скоро только будетъ онъ въ состояніи имъ править.

Увѣренный въ истинномъ *Сиръ-Жоржевомъ* исправленіи взялъ я его за руку: „Позвольте мнѣ, сказалъ ему, „испросить паки вашея къ себѣ дру-

„жбы доколѣ пребываю я на сей землѣ;
„да въ селенїяхъ небесныхъ радостїю
„восхитится душа моя срѣтясь съ ва-
„шею когда вѣчнымъ соединятся они
„дружествомъ.„

Коль удивительная и чудесная бываетъ въ дѣйствїяхъ любви различность! Скромный и разумный человѣкъ дѣлается легкомысленнымъ и непостояннымъ; неосновательный вѣтреникъ становится честнымъ и чувствительнымъ; преображается мотъ, и сердце гнуснаго развратника честїю и благотворенїями напаяется.

Возвращенїе.

Прiѣхали мы въ Лондонъ вмѣстѣ съ *Сиръ-Жоржемъ*, съ его супругою и въ ихъ каретѣ. Дорогой было весело, и они проводивъ насъ до самаго жилища, просили чаще съ ними видѣться. Добродушный Труеманъ привелъ къ намъ дѣтей нашихъ. Удовольствїе увидя насъ, и нѣкоторыя привезенныя къ нимъ бездѣлки произвели въ юныхъ сердцахъ ихъ столь невинную и чувствительную радость, что оная на очахъ ихъ изо-

бражалася. По прошествїи нѣсколькихъ недѣль возвратился и *Гоннестусъ* (*); ибо, какъ всѣ уже родственники его померли, не хотѣлъ онъ остаться въ такомъ мѣстѣ, которое ему только потерю его напоминало. Тотчасъ препоручилъ я ему распоряженїе домашнихъ моихъ дѣлъ, а онъ нанялъ для насъ домъ и служителей, такъ что все готово было къ назначенному времени. Взялъ я увольненїе отъ своего настоятеля, который наговоря мнѣ множество учтивостей, изъявлялъ о томъ свое сожалѣнїе, хотя прежде посѣщенїя мои бывали ему скучны. Теперь увѣренный, что не имѣлъ я болѣе нужды въ его помощи, давалъ онъ мнѣ небольшую сумму на расплату долговъ, и въ прибавокъ по десяти фунтовъ стерлинговъ къ ежегодному моему жалованью. Нѣсколько мѣсяцовъ назадъ тому сїя милость могла бы произвесть въ сердцѣ моемъ всевозможную признательность, но то уже перемѣнилось: ибо я въ возможности сталъ располагать собой и безъ его помощи. Въ нужнѣй-

(*) Имя привезшаго къ Франклїю наслѣдство.

шемъ состоянiи въ каковомъ я нѣкогда находился, онъ безчеловѣчно отказывалъ мнѣ и въ самыхъ малѣйшихъ благосклонностяхъ; и такъ далъ я ему почувствовать, что гораздо лучше будетъ сохранить сiю щедрость для того, который всемѣрно не преминетъ нѣкогда имѣть въ томъ крайней нужды, такъ какъ сiе случалось со мною. На мое мѣсто назначили одного молодаго человѣка, коего вѣжливые разговоры, кроткое и честное поведенiе привлекли къ нему мое почитанiе, и я уступилъ ему мѣсто свое безъ всякаго сожаленiя.

Спустя шесть мѣсяцовъ заняли мы новый домъ. Ежели сей опытъ прогулокъ моихъ понравится читателямъ: съ удовольствiемъ посвящу имъ еще собранiе прогулокъ и приключенiй, случившихся мнѣ въ первый годъ провожденный мною въ такъ нарицаемомъ большомъ свѣтѣ, кои приготовилъ уже я къ тисненiю прежде отбытiя моего въ уединенiе.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Третіей части.

ПОГРѢШНОСТИ:

Стр.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
15	27	Небо ясное, чистый и свѣжїй воздухъ	Безоблачная синева, воздухъ благорастворенный
31	11	ему же	емуже
32	18	въ живѣ	вживѣ
46	4	единого	единаго
49	16	прологаетъ	пролагаетъ
50	26	чтобъ	что
62	въ низу	не загрязиться	не загрязнится
70	15	покоя! злый	покоя злый
73	8	не ложное	неложное
90	23	разтлѣнїе	растлѣнїе
110	19	говорилъ	говорилъ я
113	14	возвисить	возвысить
115	24	втай	таинственно
127	20	словомъ	словомъ,
153	17	двевнымъ	дневнымъ
159	1	малошница	молошница
164	3	везвратиться	возвратиться
178	26	Евардъ	Едвардъ
185	9	повозку	почтовую повозку

